

ДАВИД
БАСУНСКИЙ

891.99-13

३३३६

A-13

Давид

Сосисский, 1939

12 p.

ՀԱՅԿԱՆԵՍԱՐՆԵՐ ԻՈՂՈՐ ՅԵՐԿԻՐՆԵՐԻ, ՔԻՈՑԻ

ԵՄԷԼԻ ԴԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿՏԻՎՈՒՄ ՀԱՅԳԱԳԱՆ ՖԻԼԻՈՒ
ԴՐԱՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՑԻՈ, ԼԱՅՈՒՆ, ԳՈՏԵՄՈՒԹՅԱՆ ՑԻՈ, ՀՆԱԳԵՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՏԵՏՈՒՅՆՈՒ

ՄԱՍՈՒՆՑԻ ԴԱՎԻԹ

ՀԱՐՆԵԼՅԱՆԱԿԱՆ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ,
ՆՎԻԲՎԱԾ ԵՊՈՍԻ 1000-ԱՄՅԱԿԻՆ

391.33.09d5and (армянский)

Д-12

✓

АКАДЕМИЯ НАУК СССР—АРМЯНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ДАВИД САСУНСКИЙ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 1000-ЛЕТИЮ ЭПОСА

5668

РД 25236

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН

Арм ФАН-а
1939

1961

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ ПРЕЗИДИУМА АРМЯНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Зам. пред. С. КАРАПЕТЯН

Под редакцией:

СААКА КАРАПЕТЯНА,
ОВИКА МЕЛИКЯНА,
ХОРЕНА САРКИСЯНА.

ОТ РЕДАКЦИИ

Армянский Филиал Академии Наук СССР, его Институты Литературы и Языка и Истории и Археологии издают специальный юбилейный сборник, посвященный тысячелетию армянского народного эпоса «Давид Сасунский».

Нами поставлена задача, дать советскому читателю сборник исследований, в котором под светом учения Ленина—Сталина освещаются эпоха и мотивы создания эпоса, история собирания и изучения его вариантов, его идеологические и художественные достоинства и его место в истории культуры армянского народа.

В основном сборник в себе содержит материалы — доклады IV научной сессии Армянского Филиала, посвященной эпосу «Давид Сасунский». Кроме того, в сборник включены также ценные статьи двух научных сотрудников Ленинградского Эрмитажа К. В. Тревер и А. В. Банк.

Разумеется, этим не исчерпывается та работа, которую необходимо провести по линии изучения армянского эпоса. Наши научные и литературные организации еще многое имеют сделать в этом направлении.

Настоящий сборник является частью той большой работы, которую Армянский Филиал и его Институты под руководством партии Ленина—Сталина развернули в области изучения и поднятия истории армянского народа, его культуры, эпоса, литературы и языка.

Авторы статей, помещенных в настоящий сборник, пришли к общему выводу об общей оценке эпоса «Давид Сасунский», о его высоких идеологических и художественных достоинствах, его народности, патриотизме и общечеловечности, однако, некоторые из них по отдельным историко-филологическим вопросам в некоторой степени расходятся друг с другом. Редакция находит это вполне допустимым, будучи уверенной, что оно будет способствовать развитию научно-исследовательской мысли и деле более глубокого изучения армянского великого эпоса.

Писатель орденносец Д. ДЕМИРЧЯН

**«ДАВИД САСУНСКИЙ» КАК ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ
АРМЯНСКОГО НАРОДА**

Когда республиканская комиссия по празднованию тысячелетнего юбилея «Давида Сасунского» вырабатывала заглавие эпоса, то после краткого обмена мнениями пришла к тому заключению, что общим заглавием для всех ветвей «Сасна Црер'я» («Сасунских удальцов») должен быть «Давид Сасунский».

И это не было неправильно и не было случайно. Все ветви «Сасна Црер'я», если вникнуть хорошо в их основной сюжет, определить хорошо их, так сказать, сквозное действие, их доминанту — все они имеют одну тему, тему отпора иноземному завоевателю, тему обороны страны, хотя в мелочах сюжетного многообразия они и разнятся друг от друга.

Эта оборонная тема, выступающая с особенной силой в ветви Давида, достигая какого-то апофеоза, настолько доминирует над всеми ветвями этого эпоса, что приходится признать заглавие «Давид Сасунский» наиболее определяющим и связывающим все ветви заглавием, наилучше резюмирующим основную внутреннюю идею всех их.

Еще большее значение приобретает и привлекает внимание эта основная оборонная тема, когда мы оборачиваемся назад и всматриваемся в другие произведения нашего эпоса, предшествовавшие «Давиду Сасунскому»: в эпос «Тарона», о войнах против персов, в еще более древний эпос «Персидской войны» на ту же тему и, наконец, в самый древний эпос «Гайка и Бела» о войнах против ассирийцев. У всех у них опять-таки основная тема — оборонная: борьба против иноземных захватчиков во имя свободы и независимости армянского народа.

В настоящее время не столь важен вопрос о том, подвергался ли влиянию этих эпических произведений «Давид Сасунский», или же он создавался независимо от них, во время арабских нашествий,

сколько вопрос о том, с какой установкой, с какой тенденцией, с каким методом мы должны подходить к анализу художественно-творческой ценности эпоса «Давид Сасунский».

Какая установка, какие задания могут быть у нас при освещении этого нашего эпоса? Главный вопрос тут в том: является ли этот эпос правдивым отображением в художественной форме действительной истории армянского народа, или нет, или иными словами — подлинный ли это эпос или же это фантастическая поэма? Именно эта, присущая нашему эпосу реальность, хотя и в художественной форме, это впечатление действительно имевших место событий, хотя и в виде отдаленных отголосков — и значительны весьма и важны. Это подтверждает тот громадной важности факт, что армянский народ переживал данный исторический период, боролся, что история этого периода запечатлелась в его психике, сделалась его «кровной историей», основой его миропонимания и философией. Это и есть важнейшая сторона эпоса, идущего от действительной истории. И если филология прилагает большие усилия, чтобы всеми средствами, которыми она располагает, дойти до источников действительной истории в эпосе, то она совершает очень ценную работу. И наша филология оказала неоценимую услугу тем, что поискала и доискалась до исторической действительности «Давида Сасунского» и правильно определила его эпоху, как эпоху арабских нашествий.

Эпос этот в его настоящем виде связан с действительной историей арабского периода, возник в этом периоде, в сюжетной своей линии совершенно очевидно изображает эту эпоху и с филологической точки зрения он своей доминантой является параллельно фактической историей арабского периода в эпическом, художественном отображении.

Однако филология, стремясь осветить конкретные факты исторической действительности в эпосе, согласно своим заданиям и по своему методу, более склонна ограничиться пределами одного периода (в данном случае периода арабских нашествий). Но освещение художественного произведения не может подчиниться целиком филологическому методу. Тогда как филология придерживается фактографии и конкретных границ действительной истории, с трудом выходя из их круга, — художественное освещение имеет дело с духовным миром творящего народа, который складывался тыся-

челетиями, не может сжаться и уложиться в пределы определенных карт и дат, при жестком условии — не двигаться ни назад, ни вперед. Духовный мир — это живой, живущий фактор. И вот тогда как историческое событие фиксируется и замыкается в круг известных дат, художественное изображение этого события обнимает всю духовную культуру предшествовавших ему и следовавших за ним эпох, как накопление веков.

Эпос «Давид Сасунский» — продукт арабского периода. Историческая подоплека слишком очевидна, конкретна, и параллели реальной истории и художественного рассказа убедительно совпадают друг с другом.

Мы не станем поднимать вопроса о тождестве или заимствованиях, или взаимодействиях между «Давидом Сасунским» и другими предшествующими эпосами. Сходство эпоса «Гайк и Бел» с «Давидом Сасунским» — очевидное и по сюжетной линии и по духу. Также ясна связь и с другими эпосами. Это — неопровержимый факт. Но этот факт не имеет того большого значения, которое имеет другое знаменательное обстоятельство и «Давиде Сасунском», на котором нужно сосредоточить внимание. Наиболее важным является тут типичность эпоса. Оборона страны, начиная с «Гайка и Бела», осталась основным сюжетом и идеей во всех эпосах армянского народа. И «Давид Сасунский», оставаясь художественным изображением исторических фактов арабских изшествий, несомненно испытал влияние предшествующих ему эпосов «Гаронского», «Персидского» и удивительно схожего с ним «Гайка и Бела», откликнулся, как обертоны на сюжеты совпадающих с ним и схожих эпосов. И если «Давид Сасунский» не возник из «Гайка и Бела», (а по-моему возник) не испытал влияния «Персидского» и «Гаронского» эпосов, то он замечательно воспринял основную по своей идее тему армянского народа — оборонную тему, и «Давид Сасунский» по высоте своего идейного и философского полета, по своему диапазону, одним словом, по всему своему существу не один только эпизод из истории армянского народа, а вся история армянского народа. С этой точки зрения основательно меняется оценка локальности эпоса «Давид Сасунский». Пусть филология трудится доказать, что это — эпос Сасунский, связанный с географическими, историческими границами Сасуна. Это его внешняя «фактографическая» сторона. Общность содержания эпоса «Давид

Сасунский» с историей армянского народа, типичность его, общая с другими эпосами, начиная от «Гайка и Бела» и до него самого как во временном отношении по «длине долготы», так и в пространственном отношении по «длине широты» делают его общим эпосом всего армянского народа. Иначе «Давид Сасунский» не сделался бы сегодня достоянием и предметом восхищения всего армянского народа. Это — весьма важное обстоятельство. Оно расширяет пределы искомых качеств в эпосе, рождает новые мысли, создает новый взгляд на эпос. Стерев узкие эпохиальные и локальные границы, мы освобождаемся от неизбежной ограниченности и подходим к новым, широким масштабам. И в самом деле, беседа Давида с мсырским старцем, определение войны и «агрессора», постижение идеи братства народов, прощальное слово Давида мсырскому войску, далее еще больше — слова младшего Мгера, что он вновь вернется к мир, когда «мир еще раз будет разрушен и еще раз построен», — все эти идеи, идеи сегодняшнего дня и завтрашнего дня, поскольку пять шестых частей мира еще «не разрушены и не построены», все это — идеи, которые столетиями ранее выражал армянский народ...

Поднимающие эпос эти два столпа — Давид и Младший Мгер — укрупняют политическое значение эпоса, расширяют его диапазон, сгущают выразительность его красок, усиливают образы, придают эпосу огромную суггестивную силу, силу широкого философского миропонимания. И это делает эпос всемирным достоянием. Это имеет неизмеримо большее значение, чем «локальные» и «эпохиальные» исследования эпоса: «Сасун или Ван», «Давид или Гурген», из «Библии» или «Персидского эпоса»?..

Уже сама эта высокая исключительной значимости идейность дает основание заявлять, что «Давид Сасунский» охватывает гораздо больше пространства и времени.

Повторяем, что «Давид Сасунский» не эпизод из истории армянского народа, а вся его история. Так велико накопленное в нем духовное и уметвенное богатство, такого великого жизненного опыта плодом является он.

Мы остановились с такой подробностью на идеологии «Давида Сасунского» потому, что это качество эпоса является наиболее важным для его оценки. И независимо от того, что эпос «Давид Сасунский», являясь столь большой идеологической ценностью, одновре-

менно представляет собой образец высокой художественной формы, о которой поговорим особо, независимо от этого, это идеологическое, благородство, возвышенность, великая общечеловеческая значимость — сами собою уже сообщают этой художественной форме необычайно большую силу. Ибо высокая художественная форма появляется тогда только, когда она насыщена глубоким, широким адекватным содержанием.

Когда гениальный итальянский скульптор Микель Анджело сообщил античным классическим формам гуманизм своего века, он этим поднял итальянское искусство на новую, мировую высоту. Таковы все индивидуальные гении — Шекспир, Бетховен, Гёте, Пушкин, таковы народы.

Мы специально долго остановились на этом достоинстве нашего эпоса потому, что в ряду гениальных высокохудожественных эпосов других народов это высокое идейное достоинство нашего эпоса само собою бросается в глаза.

Не менее веским и важным является второй вопрос. Это вопрос о происхождении эпоса: был ли он дворянским эпосом и потом омуничился, или сам народ создал его целиком? Это не чисто филологический вопрос и не неважный. К счастью, эпос «Давид Сасунский» сам разрешает вопрос, разрешает основательно, только совсем с другой стороны, т. е. прямо. Фактура эпоса — языковая и стилевая, среда, образы героев и мотивы их столкновений и дел, их характеристики и идейная направленность, и, наконец, миропонимание и философия — мужицкие. Кто такой Давид Сасунский и какова действительность эпоса? Эпос дает ответ: Давид Сасунский, это — Давид Сасунский, и действительность эпоса, это — действительность эпоса. Мы не хотим заниматься игрою слов... Такой жизненный путь, который проходит Давид со дня рождения — сирота, пастух, воин, борющийся за свободу народа, его поведение с Мерамеликом при встрече с его войском, его мысли, затем мысли и Младшего Мгера, его искания справедливости, его недопольство миром, его вера и ожидания — «мир еще раз будет разрушен и еще раз построен» и наполнится благами, все это само по себе мужицкое. Затем интересное обстоятельство: почему этот «дворянский» эпос не пошел в древнюю литературу, не был записан?.. Несомненно, передовые представители нашего дворянского сословия сыграли большую роль в нашей действительной истории, в деле

организации и защиты государственности страны. Герои книжеских домов предводительствовали народом на войне. Однако в этом вопросе о действительной основе и ее эпическом выражении не надо забывать одного важного обстоятельства: что народ воспекает только ту войну, которая является отечественной, народной, и далее, если он героизирует историческое лицо, то делает это сообразно своим понятиям, своим свойствам, «по образу своему». События и войны в эпосе «Давид Сасунский» — отечественно-народны, главный герой и другие очерчены «по образу народа». Взят ли материал из дворянского эпоса или нет, этот вопрос совершенно не имеет существенного значения. Народ берет то, что имеет сильное жизненное значение для него, т. е. себя. В своих сказках и притчах народ часто делает материалом царей и князей. Однако там, где это ему нужно только как тема, он этих представителей княжеского сословия снабжает своими народными идеалами и характером, не подчеркивает их классовой линии («Анант», «Арегназан»). Но вот, когда нужно бывает показать разницу между царем и торговцем и свое отношение к этому, народ создает «Царя и торговца» (Ов. Туманян). И вот, тогда как сказка — выдумка, готовая в любую минуту подвергнуться всяческим изменениям, напротив того, эпос связан с исторической действительностью и должен быть верен ей; все же, не взирая на этот «принудительный реализм», народ выводит своего героя мужиком с ног до головы.

В эпосе «Давид Сасунский» народ выявляется во весь рост. Эта народность эпоса меняет всю картину. Феодальный эпос создавался бы в особых условиях. Певец или певцы, подчиняясь вкусу и пониманию нанимателя, т. е. сословия, дающего заказ, должны бы были сочинить соответствующий ему эпос. Но здесь, в нашем эпосе, и следа нет этого. Народ в эпосе самочинно героизирует Давида, самочинно распоряжается своей судьбой. Ни один хозяин не возглавляет его как мирных, так и военных дел. И то обстоятельство, что эпос не записан ни одним писателем, значит не утвержден ни каким литературным протоколом, следовательно не превратился в канонический текст, то он и не подвергся неизбежному окаменению, а подобно текущей реке, каждую минуту обновлялся свежими притоками с самого начала и до последнего сказителя — и это придало эпосу исключительную непосредственность.

Ведь народ ни у кого заказа не брал, не нанимался, создавал

свободно, независимо, без нут. И вот перед нами народный эпос— живое, сочное, проникнутое непосредственностью тысячелетий, правдивое изображение внутренней пышности нашего народа. Живые, мужицкие рapsоды обрабатывали его, и значит превратили в народное качество и «телом и духом» своим и культурой своею.

Таким образом «Давид Сасунский» как народный эпос—является продуктом чаяний, понимания и философии народа, его вкуса и гения, чуждым узкой психологии какогонибудь писанного эпоса, эпоса рыцарского ордена. Все богатства «Давида Сасунского»—народные.

Однако эпос «Давид Сасунский» является некоторым сплавом эпических и сказочных элементов. Это должно бы было помешать его цельности как в отношении сюжета, так и стиля. Но этот эпос имел очень любопытный процесс образования, который, конечно, был возможен на протяжении больших времен—тысячелетий, и при том состоянии, в котором находился эпос, т. е. в состоянии устной, а не письменной обработки. Можно смело сказать, что как ассимиляция мифа Прометей-Артавазд дала Младшего Мгеря, как этот Младший Мгер слился с предшествовавшими ему ветвями,—так и сказочные элементы пришли и переварились в этом эпосе, и все это переплавилось, и сотворилось новое качество, эпическое качество. Это ассимилирование сторонних элементов не совершилось механически и случайно, если иметь в виду основную идею и сюжет эпоса — оборонные и освободительные войны. Все «сказочные» подсюжеты повторяют и усиливают основной сюжет. Старший Мгер убивает льва и освобождает народ от голода, Санацар освобождает околдованных в Медном городе, и т. д.

Как народное художественное творение эпос «Давид Сасунский» чужд внешних эффектов. Он проникнут священной серьезностью, заветной корректностью, насыщен глубокой философией, целиком поглощен в дело выражения внутренних глубоких переживаний. Все внешние красоты эпоса вытекают из внутренних качеств. Это—монумент, орнаменты которого имеют своеобразную прелесть и не подавляют великолепной цельности общей структуры сооружения, а расплавляются, сливаются с ним, придавая ему конструктивную, простую и возвышенную красоту армянского архитектурного стиля.

Сюжетная линия развивается в направлении усиления событий

и углубления и возвышения основной идеи. Независимо от того, насколько исторически «верна» и «тесна» наследственная преемственность между главными героями эпоса — Санасаром, Старшим Мгером, Давидом и Младшим Мгером и вопреки тому, что эти ветви рассматривались, как отдельные сюжеты — герои своими действиями переплетаются друг с другом и создают одну цельную линию, дают эпосу начало, развитие и конец. На основном фоне обороны страны, начинаются и развиваются события, среди которых главным является основание Сасуна. Санасар и Багдасар — создательные силы, творческие силы. Они закладывают основание крепости Сасун и устранивают страну, создают очаг. Мастерство, труд, тяга к мирной жизни — вековые устои армянского народа — выступают в ярких и сильных красках в этой первой части эпоса.

Старший Мгер меряется силами с Багдадским халифом и приобретает независимость страны. Давид спасает независимость и свободу страны, которым грозила опасность. А Младшему Мгеру тесно в мире, он бьется за справедливость, ищет ее и, не обрета, уединяется в каменной пещере и ставит вопрос будущей жизни, вопрос разрушения существующего и построения нового мира. На всем протяжении эпоса мы видим развитие и другой линии, того именно, что чудесное уступает естественному и физическая сила — духовной мощи. В эпосе от начала до конца чувствуется дыхание улыбочатого реализма.

Знаменательно и то, что герои эпоса не имеют самодовлеющих черт индивидуальной жизни. Они не ради своего удовольствия путешествуют, не упражняют своих сил «так себе» в погоне за авантюрами, самоцельными подвигами, ради приобретения звания храбреца, как рыцари. Они не оторваны от жизненных и важнейших интересов своего народа. Они — слуги своего народа. Их дела большей частью связаны с обогащением, строительством страны, с вопросом обороны страны от врагов. Напротив, обстоятельствам их индивидуальной жизни народ сам придает общественный характер и ценность. Народ радуется на их свадьбах, приходит им на помощь в минуту опасности... оплакивает их смерть...

Сюжетная линия эпоса проведена с большим мастерством. Для возбуждения напряженности и интереса в эпосе применены естественные, следовательно, и красивые приемы. Согласно Цовинар сделаться женой Халифа врага — возникает с самого начала. Интри-

та, однако, разрешается тем, что Цовинар беременеет от моря. Новая интрига — супружеские отношения между Халифом и Цовинар, рождение Санасара и Багдасара, гнев и ревность Халифа к своим «жене», усилия убить Санасара и Багдасара или принести в жертву идола, бегство и спасение братьев и их матери.

Давид не знает, что сборщики податей прибыли в Сасун, и в то время как Дзенев Оган и народ мучаются в тоске, он беспечно грызет репу на поле вдовы. Вдруг он узнает, в чем дело, идет и освобождает страну от сборщиков податей. Или Давид идет в палатку Мерамелика, и вот-вот должно начаться единоборство, как Мерамелик бросает Давида в яму. Перипетия — в самый напряженный момент... поспевает Дзенев-Оган и советом своим помогает Давиду выбраться из ямы. И много других моментов напряжения, перипетий, благодаря которым сюжетная линия эпоса получает интересное развитие.

С большой любовью, живыми красками, с галантливым юмором, и одновременно с большим уважением нарисовали народные рапсоды великолепный образ Давида. Он — сирота, на попечении Дзенев-Огана, гонимый недоброжелательной женой его Сарине. Он ребенок — пастух, простодушный, наивный, туго соображающий упалень, не может различить зверя от скотины. Но он чудо-ребенок, в нем блещет искра необычайных дарований. Он обуздывает зверей и смешивает их со скотом, и не осознает ни силы своей, ни дарования. Это заставляет любить этого чудесного мальчика, потому что, не ведая ни силы своей, ни дарований, он не высокомерничает и не знает злых дел. И вот этот чудо-ребенок, этот добрый, простодушный пастух, возмужав, сохраняет черты своего характера детского возраста, — встретив пастухов, он в ту же минуту предлагает им: «давайте, будем братьями!». И делается их заботливым товарищем. Но он сохранил еще наивность и беспечность детского возраста. Опоздывает к событиям, не скоро соображает. Вот сборники податей Мерамелика вошли в Сасун, собирают подати, Дзенев-Оган, обливаясь потом, мерит золото, с другой стороны, собрали девушек, чтоб отпраздновать Мерамелику. Вся страна в гневе и горе, а Давид грызет себе репу на поле вдовы. Или Мерамелик прибыл в Сасун, Кери Торос пошел на поле брани, а Давид спит. Жена Кери Тороса сидит и плачет. Давид просыпается и удивляется ее плачу. Но в эти знаменательные моменты спокойный, неведущий и беспечный Давид, узнав, в чем дело, преображается, де-

дается бдительным, сознательным защитником своей страны. Таким образом народ не выводит Давида сразу чутким, сразу понимающим, в любую минуту готовым к любому событию, бросающимся на место событий в самом же их начале, все и вся сейчас же физически уничтожающей силовой машиной. Давид — это человек, характер, который имеет своеобразные черты, по-своему думает, по-своему понимает, по-своему действует. Более, он подчиняется правительственным, рыцарским правилам и обычаю своей страны, своего народа. Он уничтожает сперва морально, справедливо, как судья. Так он предстает перед нами со своими индивидуальными и народными чертами вместе, почему и становится более любимым, более близким сердцу человека. Эти черты придают образу Давида живое дыхание, возвышают его, доводят до высокого творческого совершенства. Давид идет на бой не как рыцарь какого то ордена, а как достойный сын чистого и честного народа. Он не сердитый и злой, а спокойный и терпеливый. Он не коварный и лукавый, не нападает нечаянно, а бьет тревогу вперед и вызывает на честный бой. Он великодушен к человеку, хотя бы это была мать или сестра Мерамелика. Он признателен одной за молоко, а другой за попечение.

Давид не каряет, пока не убежден в справедливости своего поступка. Он народ — рыцарь правды и справедливости. В горячий момент боя он одумывается вдруг, понимает справедливость слов Мсырского старика — человека из народа, и выправляет свою линию, направив удар на Мерамелика. Эта сцена единоборства — яркая характеристика Давида. Он тотчас же постигает различие социального положения мсырского войска и его царя — (как бы этот термин ни казался современным, но неопровержим тот факт, что эпос тут ставит прямо и в сегодняшней формулировке вопрос о сознании армянским народом социальной разницы — между собою и царем). Но другие выдающиеся рыцарские черты Давида остаются на втором плане, когда выдвигаем эту последнюю крупную общественную черту. У чудо-ребенка детского возраста, даже на поле физической брани рождается высокая идея человечества, и он делается носителем идеи и воином братства, свободы — независимости, мирного труда. Он призывает мсырский народ вернуться домой и заняться мирным трудом и не воевать с таким же, как он, народом, армянским народом. Но все это он делает не с чувством всепрощения доброго христианина, хотя в поединке он и выражает великодушие. Его спокойное, доброе обхождение и образ

действий — не признак слабости. Он решительно громит наги и грозит всем тем, кто попытается опять прийти опустошать Сасун. Он бдительный страж и стойкий защитник своей родины.

Таким образом этого человека, появившегося на свет сиротой, народ усыновил, полюбил, сделался для него отцом, матерью, братом и сестрой. Трогательно провожают Давида на войну, благословляют его как спасителя.

Противоположным Давиду типом является Мерамелик. Народ его ненавидит, но изображает с приличествующим ему, народу достоинством. Его тоже, как и Давида, снабжает большой физической силой. Вместе с этой силой придает также ему человеческие свойства, хотя и отрицательные. Это — не стихийная, безжизненная, неестественная механическая сила, как наводнение, землетрясение, чтобы нельзя было иметь против нее ненависти или гнева. Мерамелик — человек, имеет человеческую злобу, лицемерие, хитрость и тщеславие. Он тишиный деспот, грозный и разрушительный, когда хватает сил, лицемерный и льстивый, когда учитывает силу Давида, коварный и лукавый, когда видит, что можно обмануть простодушного Давида. Он труслив и не самолюбив: во время поединка он прибегает ко всем средствам, чтобы выйти невредимым из поединка, ибо он не рыцарь, хотя бы соответственно этике своего класса. Он захватчик, жадный и хищный, преследует только свои разбойничьи цели. Поэтому у него и нет ни одной достойной и благородной черты. Но как трус, он в безопасных случаях хвастлив, болтлив и надменен.

Историческими реалистическими чертами обрисован Дзенов-Оган, это — сложный тип. Народ не одаряет всех своих героев урагероическими чертами: Дзенов-Оган — продукт горькой и поучительной истории армянского народа. В нем сгущены вековая мудрость и дальновидность армянского народа как результат тяжелых и суровых моментов его истории. Он так или иначе — глава народа, на нем лежит забота о народе. Давид для него домашний «малук», безумный мальчик... Очень нужно Давиду, каковы будут последствия его «безумных» поступков, так рассуждает Дзенов-Оган. Поэтому и старается он не дать Давиду повода подвергнуть опасности народ неосторожными шагами. Дзенов-Оган по мерке кронт, осторожен, он старший в доме, делающий политику дома, ответственное за жизнь народа лицо. Жизненный горький опыт напугал его несколько, поэтому он и не возгорается сразу, не поощряет Давида

при первых же его «воинственных» шагах. Но он любит Давида, любит свою страну, свой народ, для сохранения которого временно идет на уступки врагу. Противно трусливому Верго — Дзен-Оган умеет поднять свой голос — великий голос народа — и звать Давида на бой с врагом. Это — народ, это большинство народных масс, которое в тяжелый роковой час, оставляет уже всякую осторожность и поднимается на помощь своему «авангарду».

Дзен-Оган — мудрый тип находившегося под вековым игом, испытанного, наружно приспособившегося, но не потерявшего отважного и борющегося своего духа армянского народа. Это он своим пассивным сопротивлением, а иногда и активной борьбой сохранил свое существование на протяжении веков.

Кери Торос, хотя и редко участвует в событиях, но не бездеятелен, а живой тип. В нем воплощено сознание презирающей врага силы.

Трогательна и драматична Цовинар. Эта скромная и доблестная горская девушка любит и родину, любит и людей. Видя, что из-за нее возгорелась война и истребляются войска Халифа и Гагика, она останавливает бой и соглашается стать женою Халифа. Она жертвует своей свободой, своим счастьем для людей. Это тяжелое, драматическое положение тронуло сердце создавшего этот образ народа и он воздал бедной Цовинар. Цовинар беременеет от моря и освобождается от сожительства с Халифом. Затем Цовинар начинает сопротивляться Халифу, под вымышленными предложениями спасает своих детей от убийства, посылает их на родину и, наконец, бежит и сама.

Женских типов довольно много, Армаган — подлинный образ женщины — супруги, строгого нрава и добродетельной, которая нелегко мирится с супругом своим Мгером, за свободный образ жизни его на чужбине, и готова не принять его в дом.

У Хандут — рыцарский характер. Ее любовь к Давиду, посылка гусанов (рансодов) для восхваления ее перед Давидом, ее откля сорока рыцарям (богатырям), затем ее поединок с Давидом и отклонение с презрением предложения брака с Верго, вместе с другими чертами изображают очень самобытный, одаренный мужественными чертами образ храброй горской женщины, и вносят оттенок многогранности в ряд женских типов эпоса.

Реалистически живым дыханием очерчена также Исмил Хатун, которая вскормила Давида, ухаживала за пасынком, старалась смяг-

чить сердце Мерамелика к Давиду, спасла его от смерти и способствовала его бегству в Сасун. Но в бою между Мерамеликом и Давидом она изменяет Давиду и становится на сторону Мерамелика, желая его победы. После же смерти Мерамелика она предлагает Давиду жениться на ее невестке и овладеть Мсырской страной, но когда Давид, отказавшись от этого, предлагает ей самой переехать в Сасун на жительство, она отказывает ему, предпочитая вернуться в Мсыр и жить там.

В беспощадных красках изображена Сарнен. Она в плену своих страстей, безразличная женщина, готовая изменить мужу. Безразличная к судьбе Давида, когда он был еще ребенком, она не постеснялась предложить ему сожительство с собою, когда он возмужал, и потом оклеветала его перед мужем.

Великолепна старуха, эта бедная и мудрая женщина, с таким заботливым сердцем, помогающая Давиду и указывающая ему пути в критические и решительные минуты его жизни.

Невозможно тут перечислить все те живые, разнообразные, типичные лица, которыми полон эпос. От описания дел и характеров всех их веет какою-то ласкающей мягкостью, снисходительным, спокойным и объективным, человеческим отношением народа к этим героям и вообще к людям. Нет национального тщеславия и безоговорочно положительного отношения к изображению армянских типов. Национальные типы неодинаково положительны и вражеские — отрицательны: Сарнен — любимая жена Дзенов — Огана, — безразлична. Иемит — мать врага, но имеет заслуги, нужно быть к ней снисходительным, вернее великодушным — и она выведена также с человеческими положительными чертами. Нет ненависти к человеку, но есть гнев и ненависть к врагу. Народ его высмеивает, уничтожает морально и убивает физически. В «национальных» типах не все храбры, например, Верго, и т. д.

Эпос «Давид Сасунский» в высшей степени цельное, массивное, монументальное произведение, простое и благородное, где конструктивный стиль армянской архитектуры, суровые и возвышенные черты природы нашей страны, энергичный и широкодушный характер трудящихся горцев создали особое сооружение, орнаменты которого функциональны и целомудренны. Общему и целому в эпосе соподчинены детали. Близость природы и дыхание тысячелетий придают этому сооружению циклопическую громадность и внушительность.

Дыхание здорового реализма придает эпосу своеобразное спокойствие и скромность. Ни одной ура-героической позы, ни одного напыщенного, фальшивого положения, ни одного тщеславного, недостойного выражения. Даже торжественные критические моменты, наступающие вслед за повседневными обычными событиями, описываются в скромных выражениях, хотя и энергичных, проникнутых лафосом настоящей героической силы. На стильвом качестве эпоса имеется глубокий отпечаток этого здорового реализма, которым проникнуто сказочно-героическое эпическое произведение. Этот реализм удивительно очеловечил, приблизил к обыденной жизни жизнь и деяния этих мифических в сущности героев. Чудесные и гиперболические элементы кажутся очень реальными и обыденными. Эта — другая, очень знаменательная особенность нашего эпоса. Тут играет большую роль тот спокойный юмор доброй, сильной души, с которым народ говорит о своих типах. Давид, простодушно смешав в одно стадо зверей и животных, гонит их в город, а взрослые горожане, испугавшись, прячутся в домах и не знают, как быть с несознательной шалостью этого ребенка. Смешна не только участь горожан, но и зверей. Даснов-Оган и Верго в пене и поту мерят золото для Козбадина, и сколько раз Оган говорит «два», Козбадин говорит «раз». Это — смешное трагическое положение. Но вот Давид мерит золото, держа кот (меру) вверх дном. Теперь сколько раз Козбадин говорит «раз», Давид говорит «раз-два». Кот обручем ударяется о рот Козбадина, выбивает зубы, которые наизываются на лбу. Далее, положение Козбадина перед мейрскими женщинами, которым он хвастал, что пернется в Мейр с большой добычей. Керн Торос отрезает ухо Мерамелика и относит в подарок трусливому Верго. Монахи примиряют Мгера и Армаган, сводя сорок лет к сорока месяцам, дням, часам и данному моменту.

Этим здоровым юмором проникнуты и те остроумные гиперболы, которыми полон эпос. Кот (мера) летит еще до сих пор. Мерамелик рассечен пополам ударом меча Давида, но еще не чувствует, трясет себя, и одна половина отваливается в одну, другая — в другую сторону. То же, когда Давид рассекает стальной столб. От пыли солнце закрылось на три дня, три ночи. Мелик доезжает до Алешно и Мейра, чтобы нагулять разгон. Войско Мерамелика упадет к реке Батман, чтобы выпить воды, — река высыхает; чтобы разбудить Мерамелика, прикладывают к ногам его накаленный докрасна лемех, и это ему кажется укусом блохи. Поток крови

уносит трупы. Дзенов-Оган одевает сорок буйволиных кож, чтобы не лопнуть от голосовой натуги и т. д.

Эпос развивается быстро и стремительно. Он хочет рассказать происшествия, озабочен динамикой событий. Потому и стиль его — стиль действия. Слово, как меч, разит и проходит. Эпос не любит разжевывать и узорчатых описаний, не желает останавливаться над горестными и торжественными, радостными и печальными событиями, и отдаваться трогательной лирике. Опытный, мудрый рассказчик, философ и обладатель большого сердца рассказывает с эпическим спокойствием.

Глагольная форма стиля преобладает над остроумными метафорами, олицетворениями и другими тропами, которыми тоже богат эпос. В стихосложении — ассиметрический ритм, имеющий печать глубокой древности. В эпосе имеются также симметрические песни и сказы. Но в целом изложение эпоса придерживается многообразного, легкоподвижного, типичного стихосложения, которое придает словам своеобразную прелесть, легкость, свежесть, непосредственность. Песни гохтавских гусанов Хоренского должно быть были прообразами такого стихосложения, которое столетиями жило в творчестве армянского народа.

Небеса и Земля были в муках родни,
Морей багрянец был в страдании родни,
Из воды возник алый тростник,
Из горля его дым возник,
Из горля его пламень возник,
Из того огня младенец возник,
И были его власы из огня,
Была у него брада из огня,
И, как солнце, был прекрасен лик.

(Пер. В. БРЮСОВА).

В эпосе:

Вначале был идолопоклонник Халиф,
И еще армянский царь Гагик.
Идолопоклонник Халиф сидел в Багдаде,
Царь Гагик — в крепости Кануткох.
Царь Гагик был стар и сед,
Имел большие богатства,
Потомства и детей не имел

Одну дочь имел, очень красивую,
Звали ее — Цовинар ханум.

В этом эпосе имеются следы и веяние тысячелетий. Над его созданием работал гений всего армянского народа. Армянский народ создал его в точности наподобие своей жизни. Несчетные века работал, создавал, мучился и боролся этот народ, выдержал, сохранил свои заветные стремления — к свободе, труду и творчеству и пришел, дошел до этого счастливого будущего. Его светлый сегодняшний день — факт осуществления этой мечты, а его великолепный эпос останется памятником его поучительной много-страдальной жизни и несокрушимой силы.

Овик Меликян

**ПАТРИОТИЗМ, ДЕМОКРАТИЗМ И ИДЕЯ ТРУДА В
ЭПОСЕ «ДАВИД САСУНСКИЙ»**

О великой творческой силе трудового народа Максим Горький писал: «Народ не только — сила, создающая все материальные ценности; он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных; первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры (Статьи 1905—1916 г.г., изд. «Парус» 1916 г., стр. 9).

Эта справедливая оценка великого революционного писателя относится и к армянскому народу.

За время своего многовекового существования трудовой армянский народ являл великую силу культурного творчества. Эта творческая сила народа расцветала в той героической борьбе, которую он вел с природной стихией, равно как с деспотами, будь они — отечественные эксплуататоры или иноземные завоеватели. В упорной и справедливой борьбе он создавал богатую и великодушную поэзию — героические поэмы, лучезарные песни, мудрые легенды и радостные сказки. Он создал роскошную литературу и искусство. Культуру, созданную им в освободительной борьбе, он питал своими лучшими национальными и общечеловеческими чувствами. С великим мастерством армянский народ воспел труд, свободу, родину, мир, солидарность народов и тем самым культуру свою он обратил в драгоценное благо человечества.

Культура армянского народа, как говорит русский поэт Вал. Брюсов, — является ценным вкладом в мировую культуру.

В этой-то культуре занимает свое исключительное место наш юбилей — героический эпос «Давид Сасунский».

Свой великий эпос «Давид Сасунский» армянский народ создав в VII—X веках, как бессмертный художественный венец победы над деспотическим владычеством арабского халифата.

В эпосе «Давид Сасунский» армянский народ выявил в блестящих художественных образах основные черты своего национального духа — свободолюбие, патриотизм, трудолюбие, стремление к солидарной жизни с другими народами.

Основная идея эпоса «Давид Сасунский», — это боевой призыв к объединению всех жизнеспособных национальных сил против арабского деспотического владычества, к уничтожению внешнего врага, к защите независимости Армении. Однако, сросшись с этой основной идеей, народ отразил в эпосе и свои смелые демократические, социальные целеустремления. Признавая иноземного деспота главным злом, угнетенный народ полагал, что с уничтожением в Армении ужасных арабских поборов, уничтожатся всякого рода налоги и разорение вообще. В эпосе армянский народ отрицал феодальные поборы. Он чтит своих героев, патриотов — правителей Сасуна за то, что они не облагали трудящихся налогом.

Эпосу «Давид Сасунский» чуждо чувство почитания идеи средневекового феодального подданства.

В эпосе армянский народ прославил честный труд, в котором он полагал величайшее достоинство человека. Одновременно с этим он с обаятельной теплотой воспеет и чистоту быта, непорочность человеческой души, непоколебимую верность друга, любовь.

«Давид Сасунский» — это художественное творчество, оформившееся в течение не одного века. Героическая борьба армянского народа VII—X веков против арабского владычества служила неисчерпаемым материалом для создания эпоса. Но и эпосе «Давид Сасунский» с большим мастерством переработаны также армянские героические, исторические и исторически-легендарные древние сказы («Война Гайка против Бела», «Война Тиграна против Аждаака», «Персидская война», «Таронская война» и т. д.). На эпос «Давид Сасунский», несомненно, наложили свою печать и последующие века. Первый сказ эпоса записан лишь во II-й половине IX-го века. Целое тысячелетие, а может быть и более, армянский народ хранил этот эпос в своем горячем сердце. Люди трудные рассказывали о нем друг другу и передавали его из поколения в поколение. В героическом эпосе, созданном предками, новые поколения находили свои переживания, чувствования, чаяния, идеалы и вдохновение. Эпос жил бурной жизнью борющегося народа и рос вместе с народом. И потому естественно, что новые поколения, вдохновлявшиеся эпосом, наложили на него свою печать. Однако можно ут-

верждать смело, что народ сохранил в неприкосновенности основной дух гениального эпоса.

Эпос «Давид Сасунский» — художественная эпическая история армянского народа, его энциклопедия.

Да, историчен наш эпос. В нем в художественной форме гениально отражен один из главных этапов истории армянского народа. Но историчность эта выражена не в документальном описании конкретных фактов и людей, а в общем его духе.

Напрасно некоторые армянские литераторы объявили «Давид Сасунский» эпосом феодального происхождения, а героев его — конкретными князьями — патриотами из Багратидов, Мамиконянов, Арцруни, Рштуни и др. С чувством признательности мы отмечаем тот исторический факт, что в VII—X веках передовое армянское дворянство самоотверженно возглавляло героическую народную борьбу с арабским деспотизмом. Патриоты — князья и Багратиды, и Мамиконяны, и Рштуни, и другие возглавляли антихалифатскую освободительную борьбу народа, вели его к победам. Но все это еще не дает основания утверждать, что герои нашего эпоса конкретно олицетворяли именно этих князей. В эпосе о них содержатся лишь отдельные упоминания. Эпос — конкретное историческое явление. Обязанность ученого — исследовать происхождение каждого эпоса и его конкретных исторических условиях. Нет сомнения, что главный герой французского эпоса «Песня о Роланде» — известный префект Бретонской марки Роланд, павший в стране Басков в 778 году. Герой гениального русского эпоса «Слово о полку Игореве» — исторический князь Игорь Святославович, сражавшийся в 1185 году с врагами Руси, как говорит Марке, накануне монгольского нашествия. Однако как французский, так и русский эпос — индивидуальное творчество, в котором сохранились точные исторические данные о конкретных героях. Но никто не станет утверждать, что русский богатырь Илья Муромец олицетворяет также ту или другую конкретную историческую личность.

Следующие основные черты характерны для эпоса «Давид Сасунский»:

1. Эпос — коллективное творчество армянского народа.
2. В эпосе не соблюдается хронология исторических фактов.
3. Герои эпоса — обобщенные художественные образы, созданные на основе деятельности замечательных личностей — как дворян, так и рабиков — вековой истории армянского народа.

4. В эпосе с историческим сливаются мифологические элементы. С помощью мифа герои эпоса наделяются сверхчеловеческой силой; — по своей деятельностью они отражают общественные отношения эпохи арабского владычества.

Эпос «Давид Сасунский» — создал народ, создала демократия. Этим демократизмом и следует, по нашему мнению, объяснить то обстоятельство, что в течение всего средневековья, с его феодальной иерархией и религиозным обскурантизмом, эпос наш оставался забытым.

Такова истина о нашем эпосе. В этом и заключается величайшая оригинальность его.

* * *

Борьбу против арабской деспотии в эпосе «Давид Сасунский» ведут четыре поколения армянских героев: Санасар, Мгер Старший, Давид и Мгер Младший. Они — главы великого дома Сасуна, правители страны; но они — не феодальные властители. В народном представлении вожди Сасуна — трудовые герои: они и каменщики, и пастухи, и полководцы. Они героически защищают всю Армению от внешнего врага, очищают родину от арабских, франкских и прочих иноземных завоевателей, но сами не стремятся к деспотической власти. Они стремятся к свободе, к порядкам простого и справедливого народовластия.

На всем протяжении эпоса, от начала его до конца, армянский народ выражает свою жажду полной свободы. Когда представитель младшего поколения, славного героического рода — Мгер Младший убеждается в том, что старый мир — царство зла и что полная всенародная свобода невозможна в этом царстве, то он, возмущенный, уединяется в пещеру. Однако герой Мгер надеется, что мир, не вечно останется злым, пройдет время, рухнет старый мир, создастся новый мир на развалинах старого, возарится воцаренная полная истина — всенародная свобода.

По своим смелым и передовым идеалам «Давид Сасунский» представляет исключительное явление во всей истории средневековой поэзии.

* * *

Эпос «Давид Сасунский» рожден в буре освободительной войны армянского народа. Изложением мотивов этой борьбы и открывает первую страницу своего эпоса поэт — народ.

А багдадский Халиф был могуч, силен,
Он с войском пришел в наш край,
Добычи он много взял,
Он много пленных увел.
Порезал армянский люд, —
И армянский царь Гагик
Стал багдадскому — дань платить.

Армения становится данницей арабского халифата, но армянский народ не хочет долго терпеть его иго. Четыре армянских героических поколения ведут освободительную войну против халифата и последовательно громят его силой. В промежутки между смертью главы одного поколения и появлением на арену героя следующего поколения деспот — враг, одержимый страстью к грабежу и войне, собирает новые силы, вторгается в пределы родины героев, производит убийства и требует налогов. Сасунские герои все также последовательно разбивают внешних врагов. В них неугасим дух освободительной борьбы: гордым орлом вечно реет он над горизонтом народных дум. В истории трудно указать другой эпос, в котором освободительная борьба народов представлялась бы такой же непрерывной, также протекала бы она через ряд поколений и также не предвиделось бы ей конца.

Исторический вопрос уничтожения прага и окончательного изгнания его из страны в эпосе «Давид Сасунский» не решается однократным восстанием, однократной победной борьбой. Для того, чтобы изобразить длительные опустошения, производившиеся халифатом, для того, чтобы представить ужас налогового бремени, народ не ограничивается победной борьбой только одного поколения героев. Борьба продолжается веками. Исторически оно так и было. Борьбу против владычества халифата армянский народ вел два с половиной века.

Для смертельной борьбы с могущественным и яростным врагом народ считает бессильным обыкновенного человека. Для победной борьбы с жестоким Дэвом ему необходимы герои-богатыри, рожденные огнем, громом, водой; насыщенные легендарной, сверхчеловеческой силой; наделенные бескорыстным, безгранично добрым и отважным сердцем; вооруженные нестигаемым, вылитым из молнии, мечом. И пылкая фантазия талантливого народа создает подобных героев.

Вернувшись из Армении, сборщики халифа сообщают своему

господину об исключительной красоте дочери армянского царя, которая «Как будто к солнцу держит речь: что тебе всходить? — Выйду я».

Халиф увлечен красотой дочери царя Гагика. Он предлагает Гагику: «мне в жены дочь отдай свою». Гагик-же ему отвечает:

«Ты — араб, я — армянин.
Славлю я — крест, идолов — ты.
Зачем-же дочь свою отдам тебе?»

С яростью могущественного деспота халиф грозит царю Гагику:

«..Послушай, государь —
Когда мне дочь не дашь,
Тогда возьму, народ пленю я твой,
Передушу его.
Весь род я вырежу твой.
И трон выкину я твой».

Халиф наводняет границы Армении своими войсками, падкими на грабежи.

Дочь Гагика, мудрая Цовинар, видя, что из-за нее сильный враг может разорить Армению, решает стать женою халифа и спасти этим родную страну и ее народ.

Героиня-патристка, дивная Цовинар уговаривает отца согласиться на этот вынужденный брак.

— «Когда за нехриста я волей не пойду,
Из-за меня народ он перебьет.
Пойду уж лучше я сама.
Другим уж лучше не терпеть.
Пусть я умру, погибну за отца,
Да не разрушен будет Айастан».

Интересы родины Цовинар предпочла собственной жизни. Но и народ прапственно вознаградил свою героиню. В последний день, перед отъездом в Багдад, Цовинар вышла на родные поля — погулять. В поле, усеянном распустившимися цветами, на берегу моря соленой воды, она почувствовала сильную жажду. Она заметила, как у берега, в море вдруг появился камень и бьет из этого камня кипучий, белый ключ. Цовинар вошла в море, хлебнула из бессмертного ключа «горсточку воды, еще полгорсточки». Героиня «зачала

от этих двух горстей воды» и уже в Багдаде родила двух мальчиков, из которых «был один полновесен, другой — не вполне». Полновесному мальчику дали имя Санасар, неполновесному — Багдасар.

Вот эти-то мальчики, рожденные от воды, выросли, разбили цепи халифатского гнета и основали героический Сасун — неприступную твердыню армянских героев. Патристические, демократические думы армянского народа постепенно раскрываются в деятельности этих именно героев. Санасар и Багдасар побеждают халифа, но сами не стремятся стать господами халифата. По совету матери они едут в армянскую страну и основывают здесь неприступный Сасун. Характерно то, что они едут не к деду, к царю Гагику. Местом постройки дома они добровольно выбирают себе «необитаемый край».

«И все шли и пришли в необитаемые края:
Пропасти, скалы, упалы, провалы, обвалов края.
И лес, и медведь, и много зверья.
Безлюдно было покруг.
Еще издали полюбились им эти края, —
И пошли и нашли они ключ.
Из ключа бежала струя,
Текла, рассекала реку внизу.
И видят: сладка вода, отрадно окрест.
Санасар сказал: пригоже кругом!
Вот, наконец, и путям конец!
Тут мы выстроим дом, построим дворец».

Крайне интересно выяснить вопрос — почему для основания своего нового дома рожденные от воды герои выбирают специально «необитаемый край»? Герои, рожденные от воды, ищут себе источник сил и совершенства и находят его здесь, в этом, дотоле неведомом крае:

«И видят: узенький ручей
Бежит, спешит с высоких гор
И прямо в реку буйно бьет,
И реку режет поперек».

Санасар открывает секрет тайного источника.

«Кто отыщет исток еле видной воды,
Кто дом свой построит у этой воды.

Тот сам будет сильным, сильнее других.
Спина его не ударит о землю никто.
И сын его будет силен.
И сын ему сильного внука родит».

— Народные герои, бойцы свободы стремятся к непобедимости: «узенький ручей» обещает сообщить им эту непобедимость.

Народ стремится к полной свободе. Он убежден, что обладать полной свободой может лишь ново-построенный дом. Ново-построенный-же дом, это — символ могущественной, непобедимой Армении, завоевавшей свою свободу. Иначе нельзя объяснить постройку нового дома. В дальнейшем, в связи с другим эпизодом, рассказывается в эпосе о том, как молодые герои вторично едут в Багдад, разбивают халифа и возвращаются к Гагику. Когда они собираются уехать отсюда в свою крепость, постаревший царь Гагик предлагает Санасару остаться при нем:

«Сын мой, у меня нет сына,
Как я умру, мое царство
Останется вам и будет вашим домом».

Царство Гагика для наших героев — символ слабой, бессильной, разоренной иноземными деспотами Армении. Они категорически отказываются от полунезависимого дома Гагика, ибо сами строят себе новый, могущественный дом. Этот новый дом, как указано выше, — лучезарный символ вполне независимой, вполне свободной Армении.

Однако известно из истории, что в период антихалифатской борьбы, в VII—X веках, Сасун уже существовал. Как же случилось, что в эпосе он только строится. Не трудно объяснить это, если принять во внимание ту крупную роль, какую в антихалифатской борьбе играл неприступный Сасун.

Нагорный Сасун, согласно свидетельству армянских и иностранных историков, являлся цитаделью народных восстаний, их неприступной твердыней. Свободолюбивые сасуны, это те хутские горцы, которые в 851 году разгромили арабскую армию в долине Муша и казнили ее командующего, надменного Юсуфа. Своими победами древний Сасун в глазах творческого народа являлся символом завоевавшей полную свободу Армении, фундаментом нового армянского дома.

Приписывая основание свободного и могущественного дома Са-

суна своим героям, народ вместе с тем представляет их гигантами мастерами, трудовыми людьми:

«Санасар глыбы таскал, межи обводил.
Уже рубеж основной крепости новой лежал.
Санасар к востоку пошел,
Багдасар к закату пошел.
И каждый по глыбе брал, таскал.
И еще таскал, изгромождал.
И брат брату руку пожал, каждый к богу воззвал,
Мастером стал, стену из глыб вдымал.
У малой воды, где был их привал,
Рука об руку строили дом, дом все выше вставал».

Народолюбие и демократизм армянских героев находят свое наиболее яркое выражение на следующем этапе строительства Сасунской крепости. Для заселения крепости, этого «неведомого края» Санасар и Багдасар просят у армянского царя Теодороса сорока дымов (семей). В связи с вопросом об устройстве этих новоселов происходит между братьями следующий разговор, столь же характерный для их демократизма, сколько и трогательный по своему непосредственному народолюбию.

«Санасар молвил брату: скажи,
Что начать нам, крепость возводить,
Или возводить немущим дома?»
Багдасар отвечал:
«Сперва дома устроим для них,
Достроим крепость свою потом.
Кров иметь над головою
Бедный должен в этот зной».

Герои решают построить в первую очередь дома «немущих» и с большой энергией немедленно приступают к делу:

«И вдвоем они стройку вели: для нопой своей земли,
Для брата и четыре дня все до конца довели.
Вдвоем сорока домов стены они возвели.
Много стволов с этих огромных гор
Приволокли, нанесли, не обрубая ветвей.
К домам поднесли, на стены изнесли, покрыли дома.
И новоселов они по домам развели».

Здесь мы видим народолюбивую мораль героев-братьев, диаметрально противоположную феодальной морали. Последняя учила: сеньор, король — привилегированный господин подданных, которые обязаны проявлять в отношении его бесграничную преданность, переносить зной и стужу и, наконец, не жалеть крови и самой жизни («Песнь о Роланде»). В армянском средневековом эпосе этой феодальной морали противопоставляется демократическая, народная мораль. Санасар и Багдасар — не феодальные князья, а народные руководители, вожди. В соответствии со всем духом эпоса, вожди — слуги народные. Они в первую очередь заботятся о нуждах людей, находящихся под их попечением, о создании им благополучной жизни. Сасун они превращают в страну расцветшую, богатую, свободную.

«...Слава его (Сасуна) покатилась по всему миру.

Многие, услышав об этом, сказали:

— Да что, в самом деле, мы сидим здесь?

Нас грабят воры и злодеи, что ни день —

Нападают на наш скот и уводят.

Давайте пойдем в Сасун,

Где два таких удальца, как Санасар и Багдасар,

Которые со своих людей ни налогов, ни податей не
взимают,

Чтобы никто не трогал наш скот».

Сасун не знает ни притеснения, ни грабежа, ни разбоя, ни налога, ни подати. Герои-вожди обеспечивают трудовому люду его жизнь и имущество. Они не взимают налогов, не принуждают к податным повинностям.

Было-б, конечно, наивно предположить, что с населения в реальном Сасуне не собирали налогов и податей. Народ в эпосе изображает лишь желательное. Надо быть знакомым со средневековой Арменией, надо, в частности, знать о страшных убийствах и грабежах, производившихся арабскими деспотами, о невероятных налогах, собиравшихся с населения, для того, чтобы уяснить себе, почему героический Сасун являлся столь пожеланным краем для всего армянского народа.

На фоне героических антихалифатских восстаний исторического Сасуна народная могучая фантазия создала образ этого вождельного края. Но дальновидный, мудрый народ не успокоился на одном

создании свободной, справедливой родины. Надо было подумать и о защите этой родины, и для этого он вооружил своих героев доспехами непобедимости.

Санасар спускается на дно моря, где он в водном пространстве получает доспехи непобедимости — жеребца Джа.а.и. Меч-Молнию, огненное одеяние, Крест Ратный.

Легендарные эти доспехи конкретизируются в нашем эпосе, получают реалистический характер, становятся средствами защиты национальных, демократических прав народа. Армянские легендарные доспехи, чудные очертания которых сложились в средние века, являются порождением патриотических и демократических дум и мечтаний народа. Во всех случаях защиты народных интересов, доспехи эти мы видим на передовых позициях борьбы.

Историческую миссию своих героев мудрый народ не считает законченной тем, что они разбили халифа и спасли родину от внешней опасности. Народ дальновиден, рассудителен. Он заботится о завтрашнем дне. Глубокий смысл жизни он видит в развитии.

Должно быть обеспечено также будущее родины. Для этого необходимо, чтобы герои имели потомство. Почему и плодотворная фантазия народа создает героический сказ о браке «полновесного Санасара» с Дехиун-Цам.

Брак Санасара не из обыкновенных. Он связан с большими затруднениями и служит новым поводом для того, чтобы показать великодушие, мощь и гуманность героев.

У Багдасара нет потомства. Он остался бездетным, может быть, потому, что он сам родился «неполновесным». «Полновесный» же Санасар имеет потомство, которое должно поддерживать неугасимым Сасуекий очаг. Со смертью Санасара, казалось, должен был закончиться и самый эпос. И в самом деле. Санасар оставляет страну в состоянии такой исключительной славы и могущества, что, кажется, нет больше подвигов для его героического потомства. Сасуи он уже обратил в страну — обширную, богатую, свободную и непоколебимую. Под могучими крыльями Сасуна живут в безопасности и в свободе и остальные края Армении. Осуществлена патриотическая и социальная мечта народа.

О чем-же беспокоиться?

Вопреки всем этим предположениям, со смертью Санасара эпос наш открывает новую, еще более сложную главу народной героики.

Узнав о смерти Санасара, преемник Багдадского халифа Мера-Мелик идет походом на Сасун и обращает в своего данника этот свободный и независимый край. Начинается новый период освободительной борьбы. Старшие сыновья Санасара, — Верго и Горлан-Ован, — не могут возглавить эту борьбу. Верго родился, словно для подтверждения того, что иной раз и героический род не без раболепного, трусливого, корыстолюбивого, недостойного потомка. Горлан-Ован также лишен отцовской легендарной силы. Он не обладает отважным сердцем Санасара. Он патриот, — но не может защищать родину. Он народолюбец, — но не может обеспечить народу его жизнь, имущество. Создавая образы как трусливого, недостойного Верго, так и патриота, народолюбца, но слабохарактерного Ована, мудрый народ желает подчеркнуть ту истину, что защищать родину и народ может одна лишь сила. Одна лишь непоколебимая сила в состоянии обеспечить жизнь народа, его имущество, его мирный труд. Трусость или слабохарактерность человека, стоящего во главе управления, прямо или косвенно, ведет страну к поражению.

Героическая мощь, непоколебимые патриотизм и народолюбие во всем своем блеске олицетворяются в младшем сыне Санасара, — Львоподобном Мгере.

Но, как непобедимый патриот и народолюбец, Мгер представляется характером более сложным, чем его отец. Всем своим поведением Санасар — прост и монолитен. В характере Мгера появляются отдельные черты, свойственные средневековому рыцарю и осложняющие дело защиты народа.

Первое же выступление Мгера на арену его, если можно так выразиться, общественной деятельности, относится к обеспечению материального интереса рамика (крестьянина). Нагорный Сасун питается привозным хлебом. Лев отрезал все пути доставки хлеба и обрек народ на голод. Как только узнает юноша Мгер, что причина голода лев, он вступает с ним в бой. Ухватившись своими мощными руками, одною за верхнюю челюсть льва, другою — за нижнюю, он тут-же раскраивает его пополам. Народ дает ему имя — «Мгер-Львоподобный».

В первом же героическом акте Львоподобного-Мгера народ чует преемника величественного Санасара.

С полным доверием обращается народ ко Мгеру:

— «Ты наш покровитель,
Правь нами теперь!».

Характерно, что и правителем Мгера выбирает народ. Мгер унаследовал от отца его могучую силу, его народолюбие. Народ ему поручает руководство страны. Ему же вручает мать, — Дехцун-Цам, непобедимые доспехи на защиту народа.

«Когда сделал народ его правителем своим,
Мать Дехцун-Цам ему отдала
Молнию-Меч,
Коня Джалали,
Кана-хабуки,
Цветной тюрбан
И кушак на стан».

Демократизм и патриотизм эноса проявляются во всем своем многообразии. Они выражаются и в уничтожении внешнего врага, и в освобождении народа от деспотического налогового сбора и в отрицании феодальной зависимости, и в справедливом руководстве страной и в той моральной связи, которая на основе всего этого устанавливается между народом и его вождем. В этом плане деятельность Мгера является прямым продолжением демократизма и патриотизма Санасара.

Мгер убивает Белого Дэва, силою властвовавшего над Хлатом. Весть об убийстве деспота вместе со славой о демократизме Мгера распространяется далеко за пределы Сасуна.

«До Хлата весть дошла, что Белый Дэв убит.
Обрадовался там народ
И Мгера приветствовать он пришел
И в гости в город свой повел».

Но героическая деятельность, которая создает крепкие узы между Мгером и народом, вызывает не менее сильную вражду между Мгером и сосущими народную кровь деспотами. Вот почему, когда народ пошел Мгера в Хлат, —

«Оттуда дэвы роем поднялись
Хотели Мгера в город не пустить».

Мгер уничтожает Белого Дэва, абсолютно не зная о том, что невеста его Армаган, дочь царя Теодороса, находится у него в

плени. Борьбу против Дэва герой наш ведет исключительно во имя интересов народа.

Обаяние Мгера, его демократизм, заключается именно в том, что он выступает защитником интересов всего эксплуатируемого народа везде, где бы ни требовалась такая защита.

Преемник халифа, Мера-Мелик — полная противоположность Львоводобного Мгера. Подобно халифу, он — тиран, кровожаден, он — деспот в своей стране и вне ее. Его, как и всех дэвов Хланта, приводят в бешенство геройские подвиги, совершаемые Мгером в интересах народа.

Мера-Мелик нападает на Сасун. Он грозит Мгеру:

«Ты не привез мне дань?

Ты знаешь, что Сасун — моя земля?

На утро назначаю бой».

В единоборстве Львоводобный Мгер побеждает надменного Мелика и заставляет его признать независимость Армении, свободу армянского народа.

После смерти Мелика жена его, Исмиль-ханум, с хитростью приглашает Мгера в Мсыр. Она хочет иметь от могучего Мгера ребенка, грозного врага Сасуна. Она пишет ему: «если не придешь, то не мужчина ты». Мгер не знает предательской цели Мера-ханум. В нем говорит оскорбленный рыцарь. Он игнорирует супружескую верность, мольбы своей прелестной жены — Армаган и идет в Мсыр.

Как же расценивает поступок Мгера народ, создавший эпос? Народ не согласен с Мгером. Но решение Мгера он считает несправедливым заблуждением. Он прощает своего героя, когда последний, после семилетнего пребывания в Мсыре, случайно узнает об антинародном, завоевательном стремлении Исмиль-ханум и, проклинающая себя, возвращается на родину.

Только свободомыслием народа и следует объяснить то, что сасунцы освобождают Армаган от ее клятвы — сорок лет не быть Мгеру женой, побуждают ее нарушить обет, чтоб родился у них сын и не потух светоч Сасуна. Тяжело пришлось бы Сасуну, если бы народ, уценившийся за религиозные предрассудки, не уговорил Армаган принять на свое ложе Мгера. Не родился бы бесстрашный защитник родины и народа — Давид. Продолжение рода с целью обеспечить защиту свободы Сасуна, — вот что ценили выше жизни герой Мгер и дивная Армаган. Зная заранее, что нарушение

клятвы, рождение ребенка повлечет за собой их смерть, оба они сознательно идут на этот премудрый и славный шаг.

3 *

Ветвь Давида — вершина в эпосе. Патристические, демократические, интернациональные устремления народа находят еще более пламенное отражение в этой ветви. Враг, арабский деспотизм, выступает на этот раз с удвоенной яростью. К старому неприятелю — Мера-Мелику, прибавляются новые неприятели (Аджму Шапух — персидский царь Шапух, неконный враг независимости Армении; Баи-франка — франкский пана-император, тоже яростный враг независимости Армении). В ветви Давида детализируется до бытописания отражение народного труда, жизни, быта, нравов.

Подобно Санасару и Багдасару, Давиду, волею судеб, приходится оказывать сопротивление арабскому деспоту еще в детском возрасте. Санасар и Багдасар родились и выросли в Багдаде, постоянно подверженные мстительности деспота — халифа. Давид родился в родной стране, но вырос также в Аравии (в Месыр). После смерти Мгера и Армаган Гордан-Ован послал ребенка к Исмиль-ханум на воспитание ради ее прежней любви к Мгеру.

Но нельзя ли было воспитывать ребенка Давида в родной стране, в Сасуне? На этот вопрос творец эпоса отвечает отрицательно. Отправка Давида в Месыр, по нашему мнению, сообщает эпосу новую силу и идеологическую насыщенность.

Описание детства Давида, проведенного им в Месыре, — разоблачение антинародной сущности арабской деспотии в лице Исмиль-ханум и Мера-Мелика Младшего.

Исмиль-ханум, — характер сложный. Она умна, дипломатична, хитра. По завоевательным соображениям она имела ребенка от Мгера Младшего Мера-Мелика, которого и воспитывает в отвратительном, деспотически-завоевательном духе. Даже принимая на воспитание ребенка Давида, она рассуждает:

«Пусть он растет у нас.
Пусть будут братьями Давид и Мера-Мелик,
Товарищами пусть растут,
Пусть правят вместе всей землей.
Ведь не вернутся Давиду в Сасун!».

Прекрасно сознавая, что в лице Давида растет непобедимый гигант, она прилагает все усилия к тому, чтобы приязнать к себе армянского героя, сделать его помощником грубого Мелика. Исмиль-ханум держится взгляда, что не следует ссориться с сильным соседом, с ним следует жить в мире. Она находит, что пользу приносит лишь борьба со слабым. Этой политикой и объясняется ее изменчивое отношение к Сасуну. Слабый Сасун она силою обращает в своего данника. При сильном же Сасуне она любит рассказывать воспоминания о старой арабско-армянской дружбе. Как образец хитрой, умной и деспотичной женщины, стоящей во главе деспотического-же государства, Исмиль-ханум не имеет себе равной в истории поэзии.

Реалистически правдива в эпосе характеристика грубого, надменного и кровожадного Мелика Младшего. Очевидна пропасть, отделяющая арабский народ от самодержавного его повелителя Мелика. Арабы, подданные с ненавистью называют его: «Злой, беловый Мелик».

Столкновения с Давидом вскрывают деспотический характер Мера-Мелика. Грубому Мелику противопоставлен честный, добрый, наивный, бескорыстный и вместе с тем уверенный в своих силах, непоколебимый Давид.

Отправка Давида в Мейр является, таким образом, средством для противопоставления добра — злу, честности — коварству и свободы — деспотизму.

Семилетним Давид возвращается в Сасун. Честность и коварство не могли ужиться под одним кровом.

Дед Давида — богатырь Санасар был каменщиком. Сам же Давид стал пастухом в Сасуне.

Пастушество его наводит ужас на сасунских князей.

Вместе со стадом наивный титан собирает и пригоняет в город лесных зверей.

В пастушестве постепенно обнаруживаются пока наивность и физическая сила Давида. Возникают столкновения между сасунскими князьями и Давидом. Поэт — народ на стороне последнего. Он любит титана-героя, восхищен чудной простотой и легендарной силой его. Он смеется над трусливыми князьями.

Юноша Давид — рамик, простой трудящийся. В честном труде

зарабатывать хлеб насущный — правило, которое он считает обязательным для всех. Трудиться должны все: как князь, так и рабник: как рожденный от воды, так и рожденный от человека.

Давид обращается к Кери (дяде) Торосу:

«...Кери, вот весна на дворе,
Пора пастьбы, работ полевых.
Мы, сорок душ сидим в твоём дому,
Не обязан ты всю ораву кормить.
Пойди, отдай нас в пастухи, в работники отдай,
Поработаем, денег собьем, домой принесем,
Осенью сложимся, заживем».

Идея честной трудовой жизни, как высшей морали, представляет один из постоянных мотивов армянского эпоса. Честный труд, — тот, что создает человеку средства к жизни, почет и славу. Честный труд — кормилец всего мира. «Весь мир насытится у плуга» — говорит Давиду пахарь-сасунец. Несчастливы или преступны неспособные к труду. Способность к труду — величайшее качество человека. Труд — мать всех человеческих добродетелей.

Но обеспечен ли на родине Давида мирный труд или, по выражению мудрого народа, мать всех человеческих добродетелей? Нет, не обеспечен. Сасун вновь обращен в данника арабской деспотии (Мера-Мелика). Лучшие земли, пастбища и места охоты в стране захвачены врагами. Под предлогом сбора налогов шайки Мелика разоряют армянскую страну, грабят народ, мешают его труду. В стране нет, как сказал-бы народ, авторитетного, сильного, справедливого управления.

Сасунские князья не посвящают юноши-титана в несчастья родины. Посвящает его лишь мудрая старуха, старая подруга его отца. Старуха эта, «Яр Мгера», становится советницей Давида. Это — она направляет гигантские силы Давида против иноземных завоевателей; это — она открывает Давиду секрет существования доспехов непобедимости, оставшихся в наследство от отца. Старуха — душа народная, пылающий дух могучего патриота — Мгера, освещающий путь Давида.

Давид достигает славы постепенно. Он уничтожает дэвов Белой скалы. По совету старухи он отбивает у Мелика отцовский участок охоты — Цовасар.

Для наказания Давида Мера-Мелик отправляет в Сасун полко-

водца Холбани вместе с пятьюстами всадниками. Давид разбивает Холбани. Впервые, после смерти Мгера, опускается меч Сасуна на голову внешнего врага. Мелик в ярости. Он отправляет против Сасуна огромное войско во главе с кичливым полководцем Козбади, которого обязывает:

«Сорок рослых жен — верблюжий вьюк грузить,
Сорок низких жен — нам жернова крутить,
Сорок невинных красавиц добыть,
Бычков и корову и казну
И Давида главну».

Объятые ужасом, официальные князья Сасуна — Цран Верго и Горлан-Ован, втайне от Давида приступают к исполнению требований Козбади. Но старуха, бессмертный дух Мгера, сообщает об этом Давиду.

Герой Давид разбивает и Козбади. Он объявляет, что впредь Сасун — не данник Мера-Мелика.

Поэт — народ во всех случаях остается верен своему свободолюбивому и миролюбивому духу. Он стремится к независимости, не хочет быть данником иноземного завоевателя и отправляет героя Давида на войну против деспотии. Но он одновременно сознает, что в угнетении Армении неповинен народ враждебной страны. В ряде чудных, художественных образов он воспроизводит антивоенные настроения арабского народа. Арабские женщины насмехаются над Мера-Меликом, когда он с погромной целью снаряжает Козбади в Сасун. Вот небольшая, но характерная для отношения арабских женщин к хвастунам — полководцам, картина:

« — Привет! Бади и Чархад!
Куда вы мчитесь так, бегом?
Эй, Козбади! Эй ты, Сюди!
Что лютым смотрите зверем?».

Ирония тонкая и глубокая. Полководцев Меры, идущих на ограбление Сасуна, они называют зверями, так как арабский народ против этого грабежа. Они вместе с тем знают, что героические «Сасунские Потомки» миролюбивы и храбры, никому не дадут завладеть их страной.

Ирония арабских женщин по адресу воинственных, падких на грабежи полководцев, обращается к подлинный народный сарказм, когда они, полководцы, разбитые в Сасуне, возвращаются домой:

Эй Козбади, горазд сулить!
Ходил в Сасун добра добыть.
Взять сорок рослых жен, — верблюжий вык грузить,
Взять сорок низких жен, — нам жернова крутить.
Да сорок невинных дев похитить,
Да сорок с золотом тюков, да сорок с серебром
взвалить,

Корон нам сорок подарить —
Чортан готовить, масло бить.
Корон ты красных не таи!
Где жены — девушки твои?
Идешь-бредешь, разодрал, и где вся прыть?
А зубы-то на ябу торчат, блестят, как нить.
Болтун, чинь, грязью зацелен — залит!
Как шел, был лютый волк на вид,
Вернулся неом, затравлен, побит».

В данных условиях нельзя представить более жестокого и убийственного сарказма. Но и этот сарказм арабских женщин превращается в грозную ненависть, в открытое антивоенное выступление, когда они узнают о гибели своих мужей в сасунских боях. «А много жен их (мужей) заждались — и их кричать: — «Эй, где наши мужья девались?»

Мера-Мелик объявляет несправедливую войну Сасуну.

Но согласен-ли с этой войной арабский народ, согласны-ли лучшие люди страны? Нет, не согласны, — отвечает эпос. Перед тем как объявить войну, Мелик спрашивает совета у мудрых людей. Последние высказываются против войны:

«Много было таких, кто говорил: Мелик,
Какой ущерб нанес тебе Давид?
Давид спокойно дома сидел,
Ты первый — учинил погром,
И рвешься в бой — опять-же ты».

Мелик, однако, не слушает мудрого совета. Он опирается на советчиков, настроенных так же воинственно, как и он сам, и собирается в поход:

«Разгромлю Сасун, — на Сасун иду!»

Он грубо пренебрег мнением миролюбивого народа. И народ отомстил ему на поле брани. Старик-араб, выразитель чувств тру-

дового народа, выступает перед героем Давидом, которому он выражает свои симпатии, и просит его обратить свой меч против действительного врага: «Давид, мой дорогой», — говорит старик-араб:

«Мелик насильно нас привел,
Мы не враги тебе! Твой враг, — Мелик,
Иди с ним воюй!»

Решительное поражение, нанесенное Давидом Козблдику, освобождение им пленных женщин и обратный захват уже собранного налога, все эти подвиги Давида народ встречает с восторгом. Устанавливается духовное единство между народом и Давидом. Народ живет в сердце Давида, Давид — в сердце народа. Давид выступает как вождь народа, как выразитель воли народа.

Объявление Мера-Меликом войны Сасуну приводит армянских князей в полное замешательство. Растерянные, они мечутся беспомощно и вину разразившегося бедствия сваливают на Давида. Но народ принимает весть о войне спокойно, без паники, уверенный в своем Давиде, который уничтожит врага. Народ вполне уверен в непобедимости своего героя. Одетый в доспехи непобедимости, вооруженный мечом, верхом на коне, с любовью в сердце, — Давид отправляется в поход. На прощальную песню сасунских женщин, полную трогательной любви и горячих пожеланий, Давид отвечает:

«Братья и сестры! не бойтесь врагов, —
Народ меня идет с Меликом на бой.
Сестры, вам добро оставаться!
Все вы сестрами были мне.
Матерям — добро оставаться!
Матерями вы были мне.
Добрым соседям — добро оставаться!
Старым и малым — добро оставаться!
Часто, соседи, был я вам в тягость,
Не забывайте лихом меня!
Хозяйки добрые, — хлеб затевая,
Вспомните имя мое!
Вы тоже, юноши, — шир начиная,
Вспомните имя мое!
Мои сестры! Матери! Братья мои!
Прощайте, — иду сражаться за вас».

В этом трогательном, возмущающем обращении к народу — весь

Давид с его чудным, народолюбивым сердцем. Он уверен в правоте народного дела, он уверен в своих силах и в полной победе в борьбе за народную свободу. Поэтому он и успокаивает народ:

«Братья и сестры! Не бойтесь врагов. —
Народ меня идет с Меликом на бой».

Давид будет бороться как единый народ. Прощальное свое слово он обращает к матери и отцу-народу, к сестре и брату-народу. Он не идет на войну, как плесел — пожертвовать жизнь своему королю. Он идет в бой, как народный герой — добыть свободу родному народу.

Этот непреклонный в своем патриотизме и демократизме дух и подымает армянский эпос на высоту всей средневековой культуры.

Мог ли Давид, один, предоставленный самому себе, победить огромную арабскую армию? Фантазия народа приходит на помощь герою. Мудрый Жеребец-Джалали останавливается у молочного источника в Цовласаре и просит Давида хлебнуть воды из огненного ключа. Источник храбрости, честности и непобедимости придает ему силу, необходимую для того, чтобы одолеть любого врага.

Моральная сущность Давида, следовательно, и эпоса, раскрывается во всей полноте на поле брани. Великодушие, героизм, прямодушие, интернациональные устремления Давида (армянского народа) бурлят на поле брани и господствуют над бражанием вражеского оружия.

Давид великодушен. Он не нападает на спящее арабское войско. Убить людей, когда они спят — дело бесчестное. Он будит арабов и затем вступает с ними в бой. В единоборстве с Мера-Меликом, из трех ударов, которыми он располагал по договору с противником, первые два удара он уступает матери и сестре Мелика из-за уважения к ним. В детстве он сам называл их: первую — мамой, вторую — сестрой. Но долг перед родиной и народом обязывает великого патриота-народолюбца, и Давид не уступит третьего удара никому и ни за что, кто бы и как бы не пытался польстить его чувству великодушия.

Третий удар должен пасть на кровожадного Мера-Мелика и

уничтожить его навсегда. Этим ударом меча Давид рассекает пополам врага и тем кончает войну. Давид любит свою родину беззаветною любовью и одновременно считает бесчестьем захват чужой земли. Он отклоняет предложение Исмиль ханум стать владельцем Меры. Давид ни на миг не зарится на чужую землю; он любит мирный и честный труд; он хочет жить в дружном соседстве со смежными странами. И это—признак не слабости его, а силы и мощи. Мирным арабским воинам он разрешает вернуться на родину с тем, чтобы там они занимались честным трудом. Но он знает, что у главного деспота были и свои приспешники, которые не прочь возобновить попытки к заплдению Арменией. За подобную попытку непобедимый народный герой угрожает этим приспешникам сираведливой войной и беспощадной расправой.

«Идите, люди, как пришли,
В свой Меср родимый, сей же час,—
Но если из своей земли
Вы вновь подымитесь на нас,
Лежи вы под жерновом,
Будь вы в глубокой яме скрыты,
Как ныне, дерзких поразит
Меч-молния, Сасна-Давид».

Давид восстановил независимость Сасуна, вернул народу свободную жизнь и мирный труд. Но восстановлением независимости Сасуна еще не кончается освободительная борьба армянского народа. Остаются безнаказанными старые враги независимости Армении — Аджму Шапук и Бал франка. Народ мечтает о дне, когда могучий меч непобедимого героя сокрушит всех старых и новых врагов независимости его родины. И гениальный поэт-народ осуществляет свою мечту тем, что создает новый мотив для патриотической деятельности Давида. Этот новый мотив — поэтический, бытовой; но он вместе с тем, естественный, типичный, убедительный.

Дочь знаменитого армянского князя замка Капуткоха — Хандутхатун увлекается патриотической борьбой Давида, его победами и красотой. Она отправляет к Давиду, в Сасун, гусанов, которые носпевали бы ее. Чудные песни гусанов пленяют сердце Сасунского богатыря.

Великолепно изображение отправки гусанов в Сасун, их встречи с Давидом. Народ, поэт-гусан, использовал здесь жемчужины

своей поэзии, бессмертные песни, их формы и краски Сасунский настух, вождь национальной освободительной борьбы — Давид выступает на этот раз со своими новыми, чудными переживаниями. Он уже любящий мужчина, преклоняющийся перед красотой и чистой любовью. Великолепен образ, созданный народом для Давида в этой его новой роли.

Старые враги Армении — Аджму Шапух (царь Персии) и Бап франка (папа франков — император) не могут терпеть, чтобы установилось родство между Сасуном и Капуткохом. Они заключают союз и объединенными войсками идут войной на Капуткох.

Здесь необходимо отметить, что война Аджму Шапуха, равно как и Бапа франка, в эпосе «Давид Сасунский» — представляется историческим анахронизмом. Рассказ о Шапухе заимствован из старого эпоса «Персидская война». Что же касается Бапа франка, или папы франков, то в его лице, по нашему мнению, выступает древний деспотический Рим, но отнюдь не эпоха крестовых походов, как полагают некоторые исследователи.

Как Шапух, так и римская армия — старые враги армянского народа. Появление древних деспотов в новом эпосе — отклонение от исторической хронологии, продукт народной фантазии. Отклонение это, однако, обогащает эпос, украшает народного героя новыми качествами богатыря.

Давид — гуманист. Он ненавидит войну. Он знает, что народы миролюбивы, не хотят битв и выходят на бой лишь по принуждению своих деспотов. С гениальной прозорливостью он утадывает, что положить конец губительным войнам может лишь страна, управляемая «простым людом».

Эти демократические догадки народной мысли находят свое яркое выражение и в нашем эпосе, особенно в тех его чудных страницах, которые относятся к новым героическим битвам Давида. Великолепно описание этих битв. Народ не пожалел красок для того, чтобы наиболее ярко отобразить блеск, мощь и отвагу Давида.

Давид разит в бою Аджму-Шапуха, старого врага Армении

«Обернулся Давид, Шапуха рубил —

Голову Молния-Меч отсек».

Давид против убийства рядовых воинов, неповинных в самой войне. Войска Бана франка, обратившиеся в панике в бегство, он успокаивает:

«Не бойтесь!..

Скажите, где ваш царь укрыт?»

И франкское войско с такою-же готовностью, как и старик-араб, направляет меч против своего деспота.

Рассказ о вступлении Давида в город франков. — не более как поэтическая форма, которая дает армянскому народу возможность выразить свои демократические идеи:

«...Погнался за ним (франком) Давид,
Схватил, на месте убил.
Он всех больших людей заколол,
Вместо них селян назначил, сказал:
— Доколь у власти вы — не знайте войны!
Лишь станет туго вам,

Пришлите мне письмо, — и приеду к вам».

Таков был идеал Давида, армянского народа. Он хотел видеть мир в мире, деспотов — разгромленными, «селян» — хозяевами страны.

Сын Давида — Мгер Младший пытался продолжать демократическую борьбу отца, однако земля одряхлела в этом мире и не поддержала его.

* * *

Мгер Младший — богоборец. Родился он с зажатым кулаком. Вызванный в Капутках Кери Торос «начал ручку ему (младенцу) тереть, и тот разжал кулак». Увидев «в руке его сгусток крови» Кери Торос сказал:

«...ай, ай, держать его
Земля не сможет, — лишь камень один.
Он в сгусток крови мир превратил
И залжал в ладони.
Коль будет он жив, ждать можно много чудес».

Исполнилось пророчество Кери Тороса. Не сошлись старый мир и новый Мгер (Мгер-Младший). Старый мир — колыбель насилия, пытается с помощью всевозможных заговоров, диктовать Мге-

ру свою злую волю. Свободолюбивый же дух Мгера Младшего стремится вырвать злую страсть старого мира и перестроить его. В этой борьбе боги помогают родственным себе по духу насильникам, вероломным и злым царям. Но не уступает им армянский богатырь, неподкупный и гордый знаменосец правды, доброты и свободы.

— Меч против меча, сила против силы. Пусть исчезнет в мире последний атом зла, как исчезла единственная старуха — символ насилия над Хлатом.

Основные черты национального характера армянского народа выявляются в их наиболее сгущенном виде и через глубокие философские обобщения в четвертой части или ветви эпоса.

Последний и бессмертный армянский богатырь — Мгер-Младший продолжает справедливую и длительную освободительную борьбу своих предков.

С глубокой скорбью армянский народ изображает в своем эпосе вероломное убийство Давида в Хлате, но не отчаивается. Свою надежду на светлое будущее он проносит через философские думы знаменосца патриотизма — Мгера Младшего.

После инцидента с Давидом и Кануткохе, где он безосознательно оскорбил родного отца, Мгер-Младший удаляется в замок деда и там

«Сорок ребят взял.

Сорок девиц взял и сел за столы:

Семклетисе стали вино гранатное пить».

Голос Дзенов Ована, или, как сказал бы поэт, могучий голос армянского народа, вызвал его с пира.

Против Мгера выступают не только внешние, но и внутренние враги, отечественные предатели.

В Сасуне строили монастыри и Сандсар, и Львоподобный Мгер, и Давид. Строительство монастырей, — в условиях Армении представлялось выражением не узкого религиозного фанатизма, а закономерного развития. В своем великом, содержательном эпосе армянский народ не мог не отразить духовной жизни средневековой Армении. Умственная же жизнь средневековой сосредоточивалась, как известно, главным образом в монастырях. И в средневековье «монополию на интеллектуальное образование», пишет Марке, «получили поны и само образование приняло преимущественно бого-

словский характер». (Маркс и Энгельс. Соч. т. VIII, стр. 128). Свидетельство армянского эпоса о том, что в средневековой Армении герои строили монастыри, отражает картину этой эпохи и ее духовной жизни. Однако весьма характерна та ненависть, с какою те же герои выступают против монастырей и монахов в тех случаях, когда они вредят народному освободительному движению. Армянская история знает немало фактов помощи, которую в средние века оказывали врагам Армении монастыри, ставя под угрозу независимость народа.

В эпосе разоблачается один из предательских актов клерикальных элементов. По подкупу внешнего врага монахи из Матхаванского монастыря устраивают на пути Мгера-Младшего засаду с целью захватить его. Заговор против Мгера-Младшего это — сотрудничество внутренних и внешних врагов против независимости Армении. Совершенно прав Мгер-Младший, когда он после своевременного раскрытия заговора и уничтожения заговорщиков говорит:

«Пусть монастырь проклятый тот
Не храмом жертв (по арм. Матхаванк) зовется вперед.
А храмом предательства (по арм. Матнаванк) зовется
вперед».

Против Мгера-Младшего стоят враги: на западе — Султан-Чимишкик, символ византийского насилия; на востоке — внуки Козбади, символ арабского насилия.

Мгер получает доспехи непобедимости и разит коварных врагов родины. Но он не находит себе покоя: — зло наводнило старый мир.

Подобно Прометею он видит, как зло, насилие, несправедливость, объединившись, царствуют над миром и народами; как они, по выражению Прометея, лишают простых смертных мира и земных благ.

Мгер — этот дух правды, объявляет войну против зла, насилия и несправедливости. Но всемогущий бог, этот дух насилия, призванный будто бы защищать правду в мире, гневается и «высылает семь ангелов на конях сразиться с Мгером».

«С полудня до сумрака бились они.
Мечом-молнией Мгер махал, —
Меч ангелов не задевал.
А уж Мгеров конь на земле устоять не мог».

Конь шагнет — увязают ноги в земле.
Ослабела, осела земля,
Не хотела Мгера поить.
Молвил Мгер: ай-о! Все напрасно!
Постарела сама земля.
Не поднять ей коня моего».

Враги не могли сковать Мгера. Но дух свободы — Мгер, сковал сам себя и вместе со своими доспехами ушел в пещеру.

Насилие, соединенное с несправедливостью смутили чистую душу, и он ушел в пещеру. Мгер — олицетворяет независимость Армении, армянского народа, независимость, которая в средние века попала в пасть Дэва.

На вопрос народа: долго-ли думает он оставаться взаперти. Мгер отвечает словами, полными глубокого смысла:

«Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда станет шишеница лесного ореха крупней,
Крупней шишовниковой ягоды — ячмень,
Тогда придет мой день, —отсюда я выйду в тот день!»

Ответ — пророческий, вызывающий, отважный, боевой.

Мгер-Младший, сын свободолюбивого армянского народа проочит крушение одряхлевшего старого мира и построение нового. Свою пылкую надежду он возлагает на будущий, молодой мир. Ответ Мгера, выраженный в четырех стихах, представляет логическое развитие основной идеи четырех ветвей эпоса. Он является синтезом тех патристических, демократических и гуманистических идеалов, которые составляют дух эпоса и поднимают самый эпос на вершину средневековой культуры.

Исполнилось пророчество армянского героя. Рухнул мир, и на развалинах его построен новый. В одной шестой части земного шара господствует правда, свобода и справедливость.

Ниспровергнуты боги насилия. В братском союзе с советскими трудовыми народами армянский народ идет к царству коммунистической свободы.

На социалистической, свободной родине великая семья народов празднует с братской любовью и восторженностью тысячелетие национального эпоса армянского народа. Великий друг передовой культуры — наш отец Сталин, своей заботливой рукой лично подтвердил организацию этого празднества. Юбилей эпоса «Давид Са-

сунский» — праздник вековой культуры армянского народа. Благодаря отеческой заботливости великого Сталина, армянский эпос вышел из национальных рамок и вошел в золотой фонд советской культуры. Это значит, что он прорвал плотины старого мира и занял достойное место в сокровищнице мировой литературы.

Для защиты своей свободной, богатой и справедливой родины, освобожденный народ создал героическую, могущественную армию. Армянские же богатыри под водительством великого богатыря Давида Сасунского, в доспехах непобедимости, через головы веков и государств, вошли в мир правды, которого искало передовое человечество. Они стали бойцами этого мира. Те, которые в древние времена разбивали на земле Армении персидских, римских, византийских и арабских насильников, дэвов, сегодня вдохновляют своих внуков на патриотизм и на отвагу. Сегодня, они в Армии советских богатырей оберегают мирный труд социалистического общества, пока не исчезнет зло во всем мире, пока воцарится коммунистическая правда на всей земле.

Июнь—июль 1939 г.

Профессор-доктор МАНУК АБЕГЯН
Библиография

ОБ АРМЯНСКОМ НАРОДНОМ ЭПОСЕ
«ДАВИД САСУНСКИЙ»

1.

Армянские литераторы до 1870-ых годов вообще очень мало интересовались современной армянской народной словесностью и чрезвычайно мало вещей записали и напечатали, а народного эпоса или эпической песни -- ни одной. Внимание немногочисленных филологов до этих пор было направлено только на старое, в особенности на эпос, имеющийся в «Армянской истории» Моисея Хоренского.

Впервые Гарегин Срвандзтян, пионер наших собирателей произведений народного творчества, — напечатавший уже несколько народных вещей в «Арциве Васпуракани», как затем и в «Тароно Арцвике», — в 1873 г записал один сказ нашего нового народного эпоса и в 1874 году издал в Константинополе в книге «Гроц броц и Давид Сасунский» или «дверь Мгера».

Содержание этого сказа таково:

Богдатский халиф совершает нашествия на Армению, берет в жены армянскую девушку, от которой родятся два сына — Абамелик и Синасар. Еще раз напав на Армению, он терпит поражение от армян и в тяжелую минуту дает обет принести в жертву своих сыновей. Те спасаются бегством в Армению, закладывают крепость Сасун и получают от армянского царя простого народу для заселения города Сасуна. Затем один из братьев становится сасунским князем и расширяет свои владения, а другой возвращается в Багдат, убивает в кумирне Халифа и властвует там вместо отца.

Из сыновей правящего в Сасуне брата делается знаменитым Давид. Эпос подробно рассказывает детство Давида и его борьбу с Мерамеликом, его женитьбу на Хандут и смерть у Давида сын — Мгер, который, отомстив за смерть отца, удаляется на холм Тоспан и скрывается в «пещере Мгера» или за «дверью Мгера».

Срвандзтян по именам этих двух героев назвал эпос «Давид

Сасунский» или «дверь Мгера». В виде примечания о «двери Мгера» он пишет, что это «голый камень, отесанный и отшлифованный в виде двери, с очень четкими клинописями». Далее он приводит несколько преданий о будто бы закрытом за этой «дверью» Мгере, прибавив, что «Значит, таким образом Мгер является выражающим судьбою мира и дарующим золото богом; может быть Мгер и есть сам Великий Митра, и дверь его, смотрящая на юг или на солнце, достойна поклонения».

Срвандзтян, как опытный собиратель, сообщает о своем сказе достаточно сведений, которые я считаю нужным уложить тут, так как впоследствии долгое время другие на разные лады повторяли в сущности то, что было сказано им. «Я три года добивался того, чтобы найти эпос «Давид Сасунский» или «дверь Мгера», пишет он, но не находил никого, кто бы полностью знал его, пока, наконец, в июне 1873 года не представился мне при посредстве преподобного архимандрита Отана ктитор селения Ариист, что на Леушской равнине, г. Крно. Он мне говорил, что его мастер знал более пространный вариант этого сказа и что в нем местами были стихотворные песни, которые он пел на распев. У этого мастера будто было два ученика, которые в совершенстве знали этот эпос, сам же он (Крно) многие места уже позабыл, так как давно не рассказывал. Тем не менее... он рассказал мне наизусть, на своем наречии, что я записал. В языке рассказчика попадаются багешские слова. Причина та, что селение рассказчика, хотя и находится в Мушском районе, но очень близко к Багешу. Вообще армянский язык деревень Хойта и Чухура относится к этому типу.

Срвандзтян напечатал свой сказ прозой, кроме трех отрывков, которые сложены на рифму «АН». Эти отрывки он считал стихотворными и напечатал отдельными строками. Это те отрывки, которые в сказах, записанных позднее, рапсоды пели. Первым исследователем также был сам Срвандзтян.

«Темой рассказа, — продолжает Срвандзтян, — является Арируинское пахарарство и устройство Сасунской области».

«В этом сказе имеются места, которые согласуются с историей, но есть и такие места, которые расходятся с хронологией, топографией и другими данными. События, имевшие место до Христа, рассказываются по-христиански, Мушский монастырь св. Каранета и армяне времен Санасара и Адрамелика представлены в христианском виде». То-есть, в сказе много анахронизмов. «Упомянутый в сказе

Метир — может быть Мусел или Мусул, что очень вероятно, и он недалеко отстоит от Сасуиных владений. Багдат это Багдад, Хлат — Хлат, Капуткох — Капуткох. Также и все другие названия мест правильны»...

«Весь этот рассказ является описанием храбрости, семейственности, благочестивости и простых, бесхитростных отношений Давида к своей возлюбленной, к своему противнику. Это произведение при всех своих неправильностях имеет величественные обороты речи. Для того, чтобы показать несравненную силу рук героя, оно заставляет Давида вырвать из рук Джорджиза(=Горгиза) палицу и бросить с такою силой, что и до сих пор еще она летит, показывая беспредельность силы Давида и необозримость вселенной. В этом произведении интересующийся найдет бытовые условия крестьянской жизни, оплакивание сасуицами смерти Абамелика, обет Кери Тороса, клятву «Хлеб и вино да живой господь», прохождение под мечом в знак покорности, близость Давида к товарищу, изумлению телят, посылка Хандут Хатун ашуга (певца для привлечения любви Давида), отважность и великодушие Давида в поединке с Мсрамеликом, храбрость Хандут Хатун, непомерно чудовищные образы пахлеванов (силачей), ужасающую силу голоса Дзенов — Огана и мощь Мгера, несравнимого соперником с людьми, которого и земной шар не выдерживает».

В конце Срвандзтян прибавляет: «Издание этого произведения для человека понимающего будет иметь значение. Но, кажется, будет больше пренебрегателей и хулителей, не только этого отрывка, но всей книги, да и моей личности. Это — люди, не понимающие. Но нас это не беспокоит. Для меня будет большим поощрением, если хоть двадцать найдется человек, которым это произведение понравится».

2.

Срвандзтян ошибался. В эти годы у нас уже были интеллигенты, хотя и не многочисленные, которые умели ценить народную словесность. В этом же 1874-ом году архимандрит Аристакес Седракян издает в Вагаршапате сборник народных песен под заглавием «Жизнь мужиков и женщин», в котором были также и эпические песни. Срвандзтян от многих получает поощряющие письма, как например, от известного деятеля Маркоса Агабекяна, Адишана. Он даже по-

лучает денежную субсидию от Иосифа Измиряна, который несколько позднее установил в Константинополе ежегодный конкурс, под названием «Саак-Месропян», для наилучших литературных работ.

Тотчас же печатаются поощрительные рецензии в периодических изданиях, как в ерусалимском «Сноне», смирнском «Аревелян Мамуле», константинопольском «Масисе». В начале следующего года пишут и тифлиссские армянские газеты — «Мшак» и «Мегу Айа-стани».

Рецензенты, однако, в своих оценках довольствуются похвалой общего характера и говорят больше о первой части книги, о «Гроц броце», чем о второй. В отношении «Давида Сасунского» они довольствуются только приведением содержания, иногда в нескольких строках (Аревелян Мамул 1875 год). Сравнительно более обстоятельное содержание дает рецензент Г. Т. А. (Георгий Тер-Александрян), который, десять лет спустя (в 1885 г.), издал свой богатый и разносторонний сборник под заглавием «Умственная жизнь тифлисцев».

Еще более пространно и с новыми интересными данными говорит о «Гроц броце» в «Мшаке» Меликзадэ (=Раффи). Но и он об эпосе говорит только несколько слов, общая «выступит с отдельной критической статьей».

Нам неизвестно, Меликзадэ написал и опубликовал ли где-либо эту «отдельную статью», или нет. Но в «Кайцере», говоря о двери Мг'ера и заключении Мг'ера, он пишет: «В один день он (=Мг'ер) сокрушит свои цепи и верхом на своем коне вырвется из пещеры, отомстит своим врагам и очистит Армянскую страну от зла». Потом еще: «В один день он выйдет из своего заключения и распространит свет и справедливость по Армянской стране. Народ это говорит легендарным языком, говорит и верит сказанному, и идет».

Профессор К. Патканян сейчас же в 1875 г. использовал текст эпоса для лингвистических целей. Он в своей серии «Материалы для изучения армянских наречий» в числе других материалов издает во втором выпуске также эпос «Давид Сасунский» полностью. Вначале дает краткие грамматические замечания о мушском наречии и в конце — словарь, о содержании же эпоса и его ценности — ни слова.

Этот труд К. Патканяна был рассчитан на очень узкий круг. Не таков был труд Седрака Мандиняна. Этот известный педагог про-

повеждал ту мысль, что для обучения детей с самого же начала материалом должна служить народная словесность. Поэтому он для первого года обучения составляет учебник под названием «Национальный домашний мир», пользуясь народными песнями и пр., а для второго года «Национальный героический мир» (напечатанный в 1880 г.). Здесь он центром преподавания делает эпос «Давид Сасунский», который он для этой цели перелагает на литературный язык. Во второй части книги он дает в отдельных статьях сведения о Багдаде, Тароне и других географических местах, как и о царе Сенехериме и других. У него совершенно тот же взгляд на эпос, как и у Срвандзтяна, и, принимая Мсыр за Мосул, он даже имя «Мерамелика» превращает в «Меламелик». Этот учебник Мандиняна перепечатывался несколько раз, и его ученики (он был учителем в Нерсисян семинарии и в Эчмиадзинской Академии) занимались по этому учебнику. Таким образом наш эпос «Давид Сасунский» делается общераспространенным среди нового грамотного поколения.

Но филологического изучения эпоса еще не доставало. Григорий Халатян еще студентом университета в следующем 1881 году, приготовив в перевод «Давида Сасунского» на русский язык, «обращается с пространном письмом к Срвандзтяну с просьбой сообщить ему несколько сведений об эпосе. В этом году анонимно под тремя звездочками печатается его русский перевод «Давид Сасунский, армянский народный эпос». В начале имеется предисловие переводчика, в конце — ряд примечаний.

Трудно было бы ожидать от известного впоследствии филолога, но пока еще молодого Григория Халатянца серьезного исследования эпоса. Он дословно приводит отрывок из Библии, касающийся царя Сенехерима и его сыновей, добавляет к этому отрывок из «Древней истории евреев» Иосифа Флавия, в котором рассказывает о бегстве в Армению сыновей этого ассирийского царя, затем упоминает имена армянских историков, передающих это событие, и о том, что «армянский царь Скайорди» принял братьев-беглецов.

«Так передают этот любопытный рассказ письменные памятники, — говорит он. — Его разительное сходство с нашей поэмой... дает повод к предположению, что последняя, по крайней мере в своей основе, заимствована из названных источников». Вот та новая мысль, которую проводит Халатянц. Но, к сожалению, он не оста-

наливается на ней, а сейчас же продолжает: «Можно допустить и то, что поэма сложилась и составилаь независимо от книжного влияния, — только по преданию народа, сохранившего в памяти рассказ о приходе в Армению ассирийских царевичей». И Халатьянц, действительно, держится того же мнения, что и Срванзтян. Выше он даже пишет: «Содержанием предлагаемого эпического рассказа служат события, упоминаемые в древнейшей армянской истории, но эти события так разукрашены эпическими и мифологическими подробностями, что рассказ от этого совершенно теряет характер исторического повествования, походя скорее на былинку в прозе или героическую поэму»... И он в предисловии, а затем и в примечаниях мимоходом замечает, что Мгер своим тяжестью напоминает Святого — богатыря русских былин, Давид — Илью Муромца или Алешу Поповича и Дунай Ивановича.

И так эпос, и сущности первая его ветвь, сложилась по событиям, сохранившимся в народном предании, только «потерявшим исторический характер», или, как говорил Меликяц, — «искаженным». Но живя в устах народа в течение веков, — пишет Халатьянц общими словами, — переходя от поколения к поколению, древнейшая редакция поэмы, естественно, должна была подвергаться многим изменениям и наслоениям. Она обогатилась новыми чертами, новыми подробностями и даже целыми эпизодами из современности различных поколений, не говоря уже о многих странных анахронизмах, которыми полна наша поэма. Так вместо Издеи и Ерусалима — мы видим Армению и монастырь св. Предтечи» и т. д.

Все это касается истории Санасара и его брата. Хотя Халатьянц и подчеркивает, что в эпосе важнее часть Давида, «этого излюбленного народного героя», но он не определяет его историчности.

Далее Халатьянц опять в нескольких весьма общих выражениях пытается определить время древнейшей редакции эпоса. «Неосомненно лишь одно, — пишет он, — что основная, первоначальная редакция нашей поэмы относится ко временам древним: она, по видимому, восходит к первым векам христианства, когда с особенной энергией совершался переход в народной фантазии от мифов древнейшего периода к эпосу, собственно историческому. Это особенно ясно из смешения в поэме многих мифических и языческих элементов с воззрениями христианскими».

Можно не согласиться с мнением Халатьяна и еще больше с его обоснованием, но важно то, что он впервые говорит о времени

возникновения эпоса, но опять таки не эпоса Давида. В Давиде он замечает остатки древнейшей мифической примеси к позднейшим чертам героического типа христианской эпохи», а в Мгере видит явление обратное: мифические свойства божества преобладают в нем над богатырскими: он скорее бог, чем богатырь. Затем он вспоминает, как Срвандэти, сходство имени «Мг'ер и Митры — бога солнца и прибавляет: «Можно даже предположить, что Мг'ер — это воплощение мифических представлений о горных силах, предания о которых армянский эпос сохранил в титаническом образе Мг'ера, заключенного именно в горе».

Халатянц в начале же своего предисловия писал, что «предлагает вниманию ученых один из памятников народной армянской литературы в русском переводе», так как «армянская литература представляет обширное поле для любопытных исследований», в особенности для сравнительных исследований. И один из русских ученых, Всеволод Миллер, в своем труде «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», напечатанном в 1883 г. вместе с подобными мифами, говорит и об Армянском Артавазде и Мг'ере, заключенных в пещере.

Так за десять лет эпос «Давид Сасунский» удостоивается большего внимания. В первой половине 1880-ых годов он делается также предметом преподавания в высшей школе. В это время учитель армянской литературы Эчмиадзинской Академии Каранет Костянн раз или два на курсах читал лекцию об армянской народной словесности, более подробно останавливаясь на нашем народном эпосе.

3.

До 1889 года не появилось ни одного нового сказа эпоса. Малук Абегян в начале января 1886 года в Эчмиадзине услышал от крестьянина Мокского селения Гискани Нах'апета и записал новый сказ «Давид Сасунского», который и был напечатан в 1889 году в Цуше под заглавием «Давид и Мг'ер, народный героический эпос».

Этот сказ тоже оказался новым откровением и удостоился особого внимания интересующихся литераторов.

Как замечает Абегян в своем предисловии под заглавием «Несколько слов», сказ этот не только восполняет дефектные стороны

изданного Сривандзтяном сказа, «но в особенности и сам представляет художественную ценность, имеющую свои особые достоинства».

Это меняло существовавший взгляд на объем эпоса. Стало видно, что эпос, состоящий из многих «ветвей», гораздо обширнее, чем думали.

В этом новом сказе имеются только ветви Давида и Мгера, но это все рассказано «со многими эпическими деталями, на которых имеется печать древнейшего героического эпоса». Сказ богат новыми эпическими мотивами и эпизодами, «Характеры героев определены и художественно выдержаны». Почти совершенно была нова история представления необъятной силы, склонной ко злу — Мгеря, как новы и многие герои и героини.

«Это — история рода владетелей Сасуна». Между владетелями Сасуна и города Мсыра, как видно, имел место наследственный спор, и название Мсыра Мелик (Мсра-Мелик) выходит не собственное имя, а простое название владетелей города Мсыра.

Далее выяснилось, что эпос наш рассказывается не только в Мушском районе, но и в Мокеском и на мокеском паречии, что существуют сказы двух типов — Мушский и Мокеский. Этот мокеский сказ более поэтичен, содержит достаточное количество песен, которые пел сказитель Наханет. Эпос начинается песней, в которой сказитель, прежде чем приступить к рассказу, упоминает героев эпоса. Он, как и его слушатели, верил в то, что действие и герои эпоса имели место на самом деле.

Наконец, выяснилось и то, что сказ этого второго типа почти полностью стихотворный, точно такого же размера, как и имеющиеся в эпосе песни. Абегиан в своем предисловии выяснил существенные стороны этого размера. Это — свободные стихи, со строками в 6—13 слогов (очень редко в 14 слогов).

Затем, сравнивая стихи нового эпоса с теми дословно приведенными отрывками из нашего древнего эпоса, которые имеются в «Истории Армении» М. Хоренского, он находил, что и там и тут — одинаковый размер. С этой формальной стороны, значит, он определял соотношение нашего древнего и нового эпоса.

4.

М. Абегиан еще в рукописи читал Мокеский сказ в 1888 г. в г. Шуше, на товарищеском литературном вечере. Это вызвало боль-

ной интерес, и на следующем же литературном вечере чтение это было повторено при еще большем наплыве слушателей.

Одним из активных участников этих литературных вечеров был Лео, который написал статью о новом варианте эпоса. Он привел содержание нового сказа и восхвалял его красоты. Статья под заглавием «Новое богатство для нашей народной литературы», была напечатана в газете «Мишак». Как был встречен этот сказ, видно из следующих строк Лео: «Этот вариант дважды читался в нашем товарищеском кругу и оба раза по-разному доставил нам удовольствие». «Мокекий склантель — прекрасный рассказчик», пишет он. «Противопоставляя силу Рустама и Мгера, — он обещает потом подробно поговорить об этом сказе эпоса».

По издании второго сказа, в 1889 г. в журнале «Мурча» появилась обширная рецензия за подписью «Л. С.» (Левон Саркисян, будущий редактор «Мурча»). «Вариант Абегиана», пишет он, — «больше проливает света на художественную сторону нашего устного народного творчества». «Глава о шепелявом Давиде настолько цельна, что оставляет впечатление художественной законченности и стройности». Далее, говоря о стихах, поэтических красотах, характерах и теме эпоса, рецензент заканчивает так: «Итак, значит, изданный Абегианом народный героический эпос «Давид и Мгер»... весьма значительное явление в нашей литературе, и желательно, чтобы оно не случайно из неизвестности появилось на свет обложки предположительного героического эпоса нашего народа, а чтобы это было результатом организованного исследования и изучения».

Это пожелание так и осталось пожеланием до реализации.

В это же время, в 1889 году в трех номерах газеты «Нор Дар», появилась рецензия без подписи, которая принадлежала лишившему эти строки (М. Абегиану) о Мокеком сказе. Кроме подробного содержания, тут подчеркиваются такие характеры героев и красивые места эпоса: «Народ хотел в Давиде изобразить идею добра и благодетельства, и в Мгере — зла»...

Читатели увидят: «Как народ делает интересною и вместе с тем очень приятной биографию героя, рассказанную простейшим, безыскусственным языком, с простым и незатейливым описанием повседневной жизни, как несколькими словами, маленьким поступком, легким участием в деяниях главного героя, даже второстепенные персонажи предстают перед читателем в своих живых образах, и читатель их любит и ненавидит».

Далее, говоря о разнице Мушского и Мокского сказов, он пишет: «Основа главного действия обоих вариантов та же, например, сиротство Давида, вражда с Мсра-Меликом и поединок, брак с Хандут Хатун, рождение сына по имени Мгера и пр., а характеры главных героев действия и другие второстепенные герои почти целиком новые и в варианте Абегиана, например, детские проказы Давида, подготовка к войне, бой Парона Астг'ика, детство Мгера и вообще почти весь Мгер и т. д. Из второстепенных героев бросаются в глаза Дзенон Ован своими делами, его жена Сарисен, Чмшкик Султан, Парон Астгик, Кохар Хятун и другие, к которым надо прибавить коня Давида, Куркик Джалали, который олицетворяется, как говорящее существо».

Все это и многое другое было новостью в мокском сказе.

Этот второй сказ тоже удостоился внимания русской научной мысли. Николай Марр, под инициалами «Н. М.», в 1889 году написал довольно пространную рецензию, в которой привел содержание сказа. Он, как ученик К. Патканова, прежде всего считает этот сказ материалом для лингвистики. Но этот сказ, говорит он, «несравненно важнее, как редкий памятник армянского народного творчества вообще и в частности как вариант известных рассказов о Сасунских героях». «Текст, записанный Абегианом, целен и в том отношении, что он представляет обработку сказания в своеобразной народной стихотворной форме и если напоминает что-либо своею формою, то скорее всего древнюю народную армянскую поэзию, к сожалению, только в отрывках сохранившуюся у некоторых армянских историков».

После этого формального сопоставления нашего древнего и нового эпоса, уже выясненного в предисловии «Несколько слов» М. Абегиана, Марр непосредственно ставит новый весьма важный вопрос о связи по содержанию между древним и новым эпосом: «Но есть ли внутренняя связь между народными эпическими рассказами... и между песнями, также народными, дошедшими до нас в отрывочной передаче древних писателей, или, действительно, нужно помириться с мыслью, что «песни те бесследно исчезли», как выразился известный арменист Н. Эмин.

Поставив так вопрос, он сейчас же прибавляет, что «этого вопроса и поднять нельзя со смыслом, пока собрание армянских устных преданий не лишится своего любительского и случайного характера». «До тех пор, — говорит он, — следует избегать и тех

сопоставлений, которые, пожалуй, сами собою напрашиваются, как, напр., заключение проклятого отцом Мгера в скалу и подобная же участь Артавазда».

Конечно, по двум вариантам нельзя было определить со многих сторон внутреннюю связь между нашим древним и новым эпосом. Но что связь между эпосами Мгера и Артавазда ясна по двум нашим сказам, этого не мог отрицать и считать излишним молодой ученый, который и сам немного выше писал, что Мгер своею судьбой напоминает героев Кавказского народного эпоса, в особенности грузинского Амирана, т. е. то, что приводил и В. Миллер.

В том же 1889 году начинается, а в следующем году продолжается печатание под заглавием «Народный эпос» большого труда лингвиста эти строки М. Абегиан, который был приготовлен и Шуше и читался на вышеупомянутых литературных вечерах. Цель была — выяснить историчность, героичность и древность нашего эпоса.

В этом труде рассмотрены многие, связанные с эпосом вопросы. Обо всем этом говорить здесь нет возможности.

«Для героического и исторического эпоса, — пишет Абегиан, — нужны взятые из реальной жизни подвиги, нужны народные герои... которые были бы достойны всеобщего изумления и народ в минуты своего восхищения в восторге рассказывал бы и пел об их деяниях». «Если в нашей стране есть область, которая имела мало эмиграций, по крайней мере в истории об этом не упоминается, то это — отроги Таврских гор, со своим неприступным расположением. Сасун, Шатах и Мокенская страна. Если в Армении есть место, где не было столько опустошений и где отважный дух национальной независимости более или менее остался жив, — то в нашей истории такими считаются Сасун и Таврские горы, в южной стороне Ванского озера... И вот мы с удивлением видим, что центром национальной народной поэзии являются эти места, среди армянских обитателей которых циркулирует много песен и эпосов как вновь созданных, так и дошедших, по преданию, с древних времен. У сасунцев был материал для своего эпоса, так как они вели героическую борьбу против турок и татар. Сасунцы и Мокенцы сохранили свой поэтический язык, так мало подверглись турецкому влиянию, они сохранили свои древние эпические сказания, так как оставались на своей родине и, благодаря крепкому расположению своей роди-

ны, вели обособленную жизнь и сохранили свои национальные особенности».

Таким образом, по Абегяну, исторической основой эпоса, его основной темой является история Сасуна.

Вот события исторической жизни этого Сасунского дома, подвиги его исторических героев, героические войны сасунов с иноземцами, — это и есть материал эпоса. Надо вычленил это, чтобы показать историчность эпоса.

Что является исторической основой первой ветви эпоса?

В те времена сообщения М. Хоренского и Санагара и его брата считались реальными историческими событиями. И Абегян в своем полном исследовании, понятно, упоминает то, что было уже высказано Срвадзтяном и повторено другими. Он дословно приводит сообщения Библии и М. Хоренского.

Таким образом историческую основу эпоса составляло приведенное в Библии и у М. Хоренского предание, которое считалось реальным. «Помимо одинаковых имен, весь ход эпоса (первой ветви) со своими географическими местами совпадает с историей и местами Библии и Хоренского».

«Багдадский Халиф предстает вместо царя Ассирии (Ниневии, южнее которой лежит Багдад) Сенехерима, который был идоломолочником, как и Багдадский Халиф эпоса. Народ Ниневийского царя называет Багдадским Халифом, потому что Ниневия с ее царством, вследствие глубокой древности, вывала из памяти народа, и ее заменил в новое время Багдадский магометанский Халифат. В эпосе упоминаются нашествия Багдадского халифа на Армению, а из истории известно, что Ассирийские цари много раз совершали нашествия на Армению».

Итак, значит, первоначально были ассирийский царь Сенехерим и его нашествия на Армению, которые под влиянием истории последующего периода заменили Багдадский Халиф и его нашествия.

Происхождение сасунов и Арицруни от Санагара и его брата у Хоренского, «должно быть, изыто из преданий, сохранившихся в народе и у самих дворянских родов».

Даже еще в II-ом веке жители Сасуна, по Ариетакесу Мластивертскому, считали, что их имя и имя «Санагунк» (древняя форма имени «Сасун») произошло от имени их предка Санагара. Мы имели доказательство существования таких преданий. И Абегян приводит из Хоренского цитату, на которую другие не обращали внима-

ния: «Не станем говорить о нелепых сказках, рассказываемых в Ада-Макерте: — Дити спало (под открытым небом): его беспокоили дождь и солнце; птица своими крыльями осеняла изнеможенного ребенка». Этот юноша — предок Арцруни, брат Санасара, а птица — орел. Из этого ясно видно, что в старину, самое позднее во время Хоренского, сказание о Санасаре и его брате сделалось, независимо от библейского предания, материалом нового эпизода, нового армянского народного мифа или сказания». Слово «Арцруни» по мифу происходило от того «арцива» (орла), который осенил крыльями родоначальника того места. Об этом более подробно пишет Абе-гян в своих трудах.

Далее, говоря о географических названиях мест, он не признает того, что Мсыр или Мера город, занимающий важное место в эпосе, — есть Мосул, как заявлял Сриандзгян с «быть-может», и другие повторяли без «быть-может». Но, основываясь на ходе рассказа эпоса, он предполагает, что это, должно быть, упоминаемый Ф. Бюзандом древний город и местность «Мцурк», находившийся у места слияния северного и восточного Евфратов, который по иноземному произношению делается «Меур», Мера город (= Мира-город). С этой стороны нападает Мерамелик на Сасун.

Историчность ветвей Давида и Мгера он видит, во-первых, в том, вообще, положении, в котором находилась наша страна, после падения Багратидов, в 11-ом и 12-ом веках, что и выражено в эпосе с большою точностью, затем в положении Сасуны в тех же веках.

«После падения Багратидов, — пишет он, — из княжеств южной Армении стало значительным княжество Сасунокое в Тавреких горах. В Сасуне сидели князья, считавшиеся потомками мамиконидов, которые, подобно другим, воспали против иноземцев». В 11-ом веке был известен Торник Мамиконян, историю которого он приводит «как картину войны Сасуновцев против иноземцев». Далее он подробно сравнивает эту историю Торника, — нападение деспота Филартоса на него со стороны Мцура, границы его страны, т. е. Сасунокоего княжества, его войны и обстоятельства его смерти и места с эпосом Давида, и (кроме их имен), находя большое сходство в них обоих, заключает: «Если не сказать, что Давид тот же Торник, только в устах народа превратившийся в эпического героя, то хотя бы с уверенностью можно сказать, что эпос Давида сложился из деяний многих героев, подобных Торнику, которые были в Сасуне в

средние века, или что под влиянием этих деланий, народ внес в более древний эпос героические войны нового времени, которые вел «он» против иноплеменников». Следовательно Торник «если не является историческим основанием эпоса Давида, то является хотя бы одним из тех лиц, — под влиянием деяний которого потерпел изменения эпос Давида, который должен быть более древним».

Касаясь древности эпоса, Абегян древность первой части эпоса, отчасти и части Мгера, связывает с клинописными временами (т. е. халдскими) державами Армении, во владениях которых и происходило действие эпоса. В те времена, т. е. за восемь веков до нашего летоисчисления, должны были жить и сыновья Сенехерима.

«Однако не все три ветви свидетельствуют об одинаковой древности. Ветви Абамелика и Мгера кажутся более древними, — говорит он. — тогда как ветвь Давида — сравнительно более новая... Так что эпос Давида... как отдел вошел в более древние эпосы Абамелика и Мгера, которые связаны с клинописными временами как местом, так и именами и событиями». «Но тем не менее нельзя сказать, что эпос Давида совершенно новый».

«Самым главным доказательством древности эпоса Давида является то, что эпос этот со всеми подробностями является героической эпопеей, а не чисто историческим эпосом».

«Естественно, что остатки древнего героического эпоса сохранились в устах мокцев и сасунцев как по указанным уже причинам, так и потому, что народ, живущий в этих районах Армении, — единственный народ, который жил обособленной самобытной жизнью, который не только в древности, но и в новые времена не был тронут развитием цивилизации. Начиная с древних времен, армяне этих районов считались полудиким горским народом, жизнь которого не была похожа на жизнь армян других районов, который сохранил грубость своего быта и права».

И Абегян далее останавливается на всех выявленных в обоих сказах героических и мифологических чертах, придерживаясь господствовавшей пятьдесят лет тому назад мифологической теории.

Так, он поясняет, что Санасар и Абамелик являются строителями крепости великанов (пиклонической): Давид и Мгер «уже совершенные великаны, герои». «Возможно, что по другим вариантам Абамелик и Санасар произошли от какого либо бога» (потом выяснилось, что они действительно имеют морское происхождение), но уже, по имеющимся вариантам, Давид представляет как потомок

великанов «божественное дитя», т. е. то же, что и «герой» в точном смысле этого слова.

Далее он подробно пишет о дэвах и вишапах, как и о Марутском монастыре, талисмане Давида (Кресте Патараза), об оружии Давида — о Мече-молнии, Мече Авлуни, огненной лошади и об их происхождении по народным верованиям. Он приводит главные героические мотивы и эпизоды: пастушество, пахание плугом, охоту, молочный источник бессмертия, испытание силы и пр., героический эпический брак, типы героических женщин, гусанов (рапсодов), пахлеванов (богатырей), праздник Вознесения, звезды, тени мертвых и пр. — обо всем дает подробные объяснения героики — с эпической точки зрения, часто приводя схожие мотивы из наших суеверных поверий и сказок, иногда и из эпосов других народов, как детство Мгера и Захраба или силу Рустама и Мгера и т. д.

«Не наша цель, — пишет он, — писать художественное исследование национального эпоса; мы хотим только указать на его героичность». Далее он объясняет, что недостаточно, чтобы герой совершал подвиг, от него требуется также внутреннее нравственное достоинство, внутренняя нравственная сила, и в нашем эпосе в особенности — справедливость и верность. Требуется, чтобы герой совершал свои подвиги для общей пользы. «И от вражеских героев должен освободить народ свой герой, являющийся его идеалом». И вот войны между городами Мсыр и Сасун, напоминающие войны между Ираном и Тураном в Шах-Наме.

Владетели Сасуна являются любимыми народом, честными ти-нами, главное внимание и мысль которых обращены на то, чтобы защищать свою страну от чужеземных насилий. Мсра-Мелики, наоборот, не любимы народом, они ненавистные деспоты, которые и над своим народом властвуют путем насилия. И это хорошо видно из слов старого воина: «Давид, ты зачем убиваешь столько людей... Мсра-Мелик же их силою привел».

«Вот этот ненавистный и для своего народа Мсрамелик хочет сделать Сасун своим данником... Идет на Давида»... и т. д.

Давид, по тогдашней мифологической теории, является дру-жественным людям «младшим богатырем», а Мсра-Мелик — враждебным людям, «старшим богатырем». Поэтому последний и опи-сан в таких обстоятельствах, в каких описываются в наших сказ-ках дьявольские, безобразные, чудовищные существа. Он как титанический великан, подобно дэвам, беспросыпно засыпает на семь

дней... Чтобы разбудить его, нужно накалить железный вертел или лемех от плуга и приложить к его ногам. Нужно представить себе этого великана, эту несуразную громадину, — для которого прижигание раскаленным железом то же, что для людей укусы блохи, от которого человек «просыпается и опять погружается в сон». «Такой же способ выражения, говорит он, — видим мы в русской стихийной старшей богатырке Настасии Микулишиной и человекоподобном младшем богатыре Добрыне Никитиче: Добрыня трижды со всею силой стегает бичом сзади Настасью, и она на третий раз только оборачивается и говорит: «Я думала, что комары кусают». Так говорится и о других героических чертах в первом опыте изучения нашего народного эпоса.

Редактор журнала «Мурч» Аветик Арасханян в своем обзоре 1889 г. пишет: «В особенности достойно внимания это последнее («пространное исследование г. Абегяна «Национальный эпос»), которое силою критики хочет восстановить наш древний поэтический мир, труд, который, несомненно, привлечет всеобщее внимание и станет важнейшей заслугой армянской критической литературы за настоящий год».

Лео тоже исполняет свое обещание. Ту новую статью, в которой он хотел «подробно поговорить», он готовит для упомянутых выше товарищеских литературных вечеров в г. Шуше. Она читается там в 1889 году, потом в 1890 году печатается в Москве, в журнале «Андек гракан ел патмакан», а затем отдельной книгой издается в 1891 г. Она названа «Библиографией», на самом деле это — пространный и подробный пересказ с рассуждениями, объяснениями и характеристиками самого Лео. Он охотно останавливается не только на характерах и поступках героев, но еще больше на художественном мастерстве и красоте эпоса. «На этот раз, — пишет он, — перед каждым армянским читателем положена такая книга, над которой чем больше будешь думать, тем больше красот будешь видеть»... «После издания эпоса «Давид и Мгер» и мы с полным правом можем говорить, потому что и наш народ оказался автором прекрасного произведения». «Незатейливое и простое творение — его самобытный эпос», «обо всем рассказывается с удивительным хладнокровием: душа творца не видна: ни лица факты только, которые сами говорят». Давид, это — «благотворная сила», а «Мгер с первого же дня объявляется, как злое наказание кара, вредоносная сила, темная адская мощь». «Мы не можем сказать,

что на образование эпоса Мгера оказала воздействие знаменитая персидская героическая поэма», сходство обоих — только в чрезвычайно большой силе, «герои не одни и те же». «Наш народ с большей заботливостью обрисовал добрую и злую силу, чем персидский народ».

В конце Лео добавляет, что «Давид и Мгер» — предстает, на котором может быть воздвигнуто чудесное поэтическое произведение». Это, значит, призыв к художественной обработке эпоса, шаг перее, к воссозданию его.

Об этом труде Лео в 1891 году была напечатана рецензия в журнале «Мурч», за подписью «Кл» (— Калантар Александр). Будущий редактор газеты «Мшак» тут предлагает сравнить героев нашего эпоса с героями Шах-Наме, и что важнее, мимоходом, очень правильно называет наш эпос «Сасунакан» (Сасунада).

Осенью 1891 года пишущий эти строки получил в Тифлисе из Эчмиадзина объемистый том сборника под заглавием «Фрагменты народной словесности». Произведения народной словесности были записаны в Эчмиадзине со слов мохекских переселенцев Аветия, как член «Редакционной Комиссии Общества издания армянских книг в Тифлисе», с особым докладом представил этот сборник названному обществу для напечатания. «Редакционная Комиссия» приняла это предложение, только решила новые варианты эпоса отделить от других материалов и напечатать как «два новых варианта народного эпоса «Давид Сасунский». Пишущий эти строки находил это заглавие неудобным, так как в эпосе имеются и другие герои, кроме Давида. В конце концов заглавие «Фрагменты» сохранилось для второй книги (книга была напечатана в 1892 г.), а варианты эпоса должны были быть напечатаны под заглавием «Сасма Црер» (Сасунские храбрецы).

Предисловие к «Сасма Цреру» заканчивалось следующими словами:

«Несколько слов еще о названии эпоса «Сасма Црер». Заглавия «Давид Сасунский или дверь Мгера» или «Давид и Мгер» не выражают полностью содержания эпоса, так как, кроме Давида и Мгера, в эпосе действуют и другие главные герои (Санасар, Аслимелик и другие). Имея это в виду, мы находим более удобным назвать этот эпос одним общим заглавием «Сасма Црер», что означает «Сасунские храбрецы». Это — красивое выразительное название и вполне

народное, так как Сасунским храбрецом является каждый из героев, действующих в эпосе»

Таким вот образом наш эпос был назван «Сасма Црер». И под этим названием в 1892 г. были изданы не «два новых варианта», а несколько сказов: один на армянском наречии и три (не полных) сказа на мокском наречии.

6.

В том же 1892 г. в двух номерах газеты «Нор дар» была напечатана пространная статья пишущего эти строки, за подписью «Варсам». Подробно определяя важность этих новых вариантов для изучения исторической и героической точек зрения, он пишет: «Эпос — героический, нужно, чтобы, соответственно с характером героического эпоса, главные герои были божественного происхождения, или героями, полубогами. В вариантах Сргандзтяна и Абегяна имеются только смутные упоминания о героическом происхождении Сасунских храбрецов, но в мокском варианте («Рождение Санасара и Багдасара») рассказывается о божественном происхождении обоих братьев от морского божества».

Итак, значит, начало нашего эпоса, как и у других народов, имеет мифологический характер.

Кроме того выяснилось, что эпос распространен особенно среди аваранцев, выходящих из Муша и Буланыха. Вместе с народом перекочевал и эпос, который, к счастью, на этой новой родине не был предан забвению.

Можно было ожидать, что составятся научные группы, которые хотя бы в Эчмиадзине, где стекаются армяне со всех концов, и вообще в русской Армении запишут новые варианты. Но, к сожалению, этого не было. Наши литераторы даже не откликнулись на этот весьма важный сборник. Не появилось других рецензий. Как будто насытились и довольствовались имеющимися вариантами.

Спустя три года, в 1895 г. учитель Шушинских училищ Акоп Бахирбекян, который был активным участником вышеупомянутых литературных вечеров, успешно осуществил возникшую на этих вечерах мысль. Он изложил с большим вкусом на легком литературном языке составленный им на вариантов эпос «Давид Сасунский», который и издал в 1895 г.

Это произведение удостоилось рецензий в журнале «Арабат»

и в газете «Мшак». Сам Чахирбекян тоже напечатал в газете «Ардаганк» статью о нашем эпосе. «В Давиде, — говорит он, — народ воплотил не только идею свободы и любви к родине, но и святыни семьи». Но мы продолжим.

Результатом вышеупомянутых литературных вечеров было также и следующее. Управляющим типографией местного Епархиального училища был Ваган Дадян (впоследствии архимандрит Хачик). Он посещал литературные вечера и присутствовал на докладах об эпосе. Вот он записал в монастыре Аракелюц в Персии один сказ, который в том же 1895 г. был напечатан в Эчмиадзине в журнале «Арагат» под заглавием «Тха Давид» (Мальчик Давид) за подписью «Х. В.».

Это был сказ особого типа, относительно которого «Н. К.» (= Николай Карамян) написал и напечатал предисловие — «Тха Давид», — говорит он, — творение очень любопытного периода. Это не героический эпос и не сказка, а героический эпос, превращающийся в сказку. В нем мы видим, с одной стороны, следы знакомого нам героического эпоса, а с другой стороны, элементы сказки, которые присущи всем нашим сказкам». И он приводит примеры в доказательство этого правильного замечания.

Два года спустя в 1897 г. в сборнике «Братская помощь» перепечатывается вышеуказанный русский перевод Гр. Халатьянца с новым предисловием, которое частично касается и нашего эпоса. Тут уже Халатьянец изменил свой взгляд на древность эпоса. Он уже не относит «начальную редакцию» эпоса к «первым годам христианства», а пишет: «эпос, по крайней мере в своей основе, относится, как предполагаю, к позднему времени XI и XII веков, т. е. того периода, когда на месте действия, в Сасуне, властвовали еще армянские князья, как прирожденные владетели, каковы они в нашем рассказе».

Итак с 1874 г. по 1898 г., за 24 года, появилось всего четыре издания сказов эпоса.

7.

Осенью 1898 года М. Абегян вступил в должность лектора по армянской литературе в аудитории Эчмиадзинской Академии. Среди эчмиадзинских рабочих и служащих Академии оказались сказители эпоса, которых привели к пишущему эти строки. М. Абегян пору-

чил записать новых вариантов эпоса одному студенту последнего курса и другим лицам. За два года было записано посемь новых сказов, которые и были напечатаны до 1902 г. в журнале «Арагат» и «Азгагрякан Андесе», а также были выпущены отдельными книгами.

Тогда служил в Эчмиадзине Сяргис Айкуни, впоследствии очень известный собиратель. По своей должности он близко соприкасался с принятыми рабочими. Он записал один вариант на хлатском наречии, который в конце того же 1898 г. был напечатан в журнале «Арагат», не знаю почему, без подписи. В следующем году он продолжал это дело и записал еще других четыре сказа.

Здесь следует упомянуть об одном его замечании (в конце одного сказа, напечатанного в 1901 г. стр. 15) о мохских, куманских и озниаских шерстобоях, которые рассказывали по деревням в одах эпос. «Они где бы ни занимались своим ремеслом, там же и рассказывают о Санагаре и Багасаре, о Давиде и Мгере, также и другие сказки... Они группами ходят пооду. У каждой группы свой сказитель-пахла (сказак), который занимает как самих членов группы в их трудовой жизни, так и крестьян деревни, в которую они приходят. Чем лучше сказитель группы, тем больше чести группе, которой дают лучшую и более обильную плату. Когда группа приходит в деревню, то хозяин оды или старшина спрашивает, есть ли у них хороший сказитель, и только тогда принимают к себе».

В сентябре того же 1898 г. был приглашен учителем в Эчмиадзинскую Академию только что окончивший курс Ваграт Хатагян. Он по своей охоте записал один вариант, который и напечатал в начале следующего года под заглавием «Сасма пахлеваннер кам Тлор Давид ев Мгер» (Сасунские богатыри или Шенелявый Давид и Мгер). В примечании он пишет: «Мы записали еще несколько новых вариантов, которые войдут в наш сборник». Этот сборник, о котором он упоминает еще в другом месте, не появился на свет.

В 1899 г. в Лейпциге был выпущен труд М. Абегяна на немецком языке, «Армянское народное поверие», который был слан в печать в 1898 году. Тут он под общим заглавием «Грозовые сказания» имеет один параграф под заглавием «Герой молнии Санагар». «В народном эпосе, — пишет он; — Санагар, в несколько потускневшем виде, является героем молнии и вишаноборцем. Он также со своим братом-близнецом рожден из моря и называется морским. Так он называет сам себя, чтобы показать, что он не земной.

Мать братьев-близнецов также беременеет, как мать братьев в германской сказке, которую сравнил Манграя (в своей «Германской мифологии», стр. 216) с Индрой. Она идет гулять на берег... вытекает источник, она нагибается, выпивает полную пригоршню и полпригоршню воды и «беременеет от моря». Впоследствии Морской Санасар опускается на дно морское, добывает огненную лошадь. Он там пьет из молочного источника и от этого становится горюподобным, получает чрезвычайно большую силу и может биться со многими врагами... Оружие Санасара — меч-молния, который он добывает вместе с огненным конем в море... Санасар едет в мифический город Пхилаэ (Мединэй), который окружен высокими стенами и не имеет дверей, его огненный конь влетает в город. Там темно и черно и недостаток в воде. Обязательная дочь царя, сияющая, как солнце, сидит в своем черном жилище, как в тюрьме. Окна ее заперены черными занавесками. Санасар, прежде чем ее взять, должен биться с вишаном в море. Он бьется с вишаном в море и изловив его похищает драгоценный камень. В это время вишан трясет себя и шлет воду на город, «который делается мокрым, как будто дождь пошел». «Что видят на следующий день? Окна царской дочери открываются и светом ее озаряется город», т. е. солнце-девица освобождена. — В этом мифе не совсем ясно отношение вишана к солнцу-девице... Но вместе с тем очевидно, что это — грозовой миф, в котором солнце-девица преследуется вишаном, как это выявляется во время грозового боя. — Добавим теперь, что в других вариантах вместе с дождем говорится: «Море забеснулось, вишан ветер поднялся в городе», «Черная туча назад пошла от Са-суна», — все это следы грозового мифа, так и то, что братья-близнецы в Канач (Зеленом) городе убивают сидящего у источника вишана и освобождают девицу.

Об этом кратко сказано также в книге М. Абегяна «Арм. нар. мифы» (стр. 138).

8.

С 1899 г. у нас начинается художественная обработка нашего народного эпоса. Первую попытку делает Григор Баласаян своей книгой «Львоподобный Мгер», «народная поэма — героический эпос в стихах». Он очень свободно перекладывает на стихи содержание эпоса. «Моею целью было, — пишет он, — попытаться обогатить бедную отечественную литературу такими прекрасными произведе-

ниями героического эпоса в стихах». Потом он в следующие годы печатает и другие такие отрывки из эпоса.

Далее в 1903 г. печатается «Давид Сасунский» О. Туманяна. Два года спустя, в 1905 г. в журнале «Мурч» печатается «Драматическая поэма из героических времен» «Давид Сасунский» Левона Манвеляна. Далее, начиная с 1923 г. Аветик Исаакян обрабатывает отрывки из ветви Мгера — «Мгер в пещере», «Крепость Мгера», «Жалоба Мгера», «Борьба Мгера с Сасунскими джоджами (старейшинами)», «Мгер Сасунский». Недавно вышла драма в стихах «Давид Сасунский» В. Вагаршяна.

Обратимся к филологическим работам.

9.

В Париже в 1901 г. вышла книга Б. Халатьяна «Иранские герои в армянском народе». Оказывается, что, согласно наших сказителей, герои персидского и армянского эпосов находятся в родстве. Об этом родстве сообщалось в 1899 г. в февральском номере журнала «Арабат». Более подробно это выяснилось из сказов, приведенных в книге Б. Халатьяна о героях Иранского эпоса.

Один из сказителей, Мурад Мхитарян, пишет Б. Халатьян, род иранских героев «прямо производит от Мгера, которому наследует его сын двуборец Рустам Зал. Это уже доказывает, что народ старается примирить в своем воспоминании различных богатырей, встретившихся друг с другом... превращая чужеземцев в армян». В эпическом отрывке под заглавием «Бурзе» (стр. 24), Зал является царем города Сасуна, Давид — братом Зала, Бурзе — сыном Давида. Дядя Бурзе — Ован, который иногда также Дзенов-Ован (стр. 56)... Родина всех этих героев — Сасун, и они тут, как и в нашем национальном эпосе, в глазах чужеземцев называются «Сасман царь» (стр. 25). В другом отрывке, под заглавием «Рустам Зал», который Халатьян записал в иранском селении Чамриу, Рустам себя называет сасунцем (стр. 74) и взятую у Красного Двуборца добычу относит в Сасун (стр. 76). Таким образом мы видим, что герои персидского эпоса превращены в армян и связаны тесными родственными узами с героями нашего национального эпоса. Халатьян в этой своей книге слегка сравнивает армянский и иранский эпосы. Через два года, в 1903 году, в Вене выходит другая книга

Б. Халатьян, перепечатанная из журнала «Андес Амсор» 1902 г. «Армянский народный героический эпос — с критикой», вероятно, хочет сказать — с научным исследованием.

Сначала он приводит сообщение Томи Арируни о Сасунском народе, уже отмеченное пишущим эти строки в 1889 г. Далее, сказав в общей форме несколько очень известных замечаний об «армянских сказителях» и ашугах, о стихах и песнях эпоса, дает подробное содержание эпоса.

Важно то, что он пишет о Давиде. «Армянский героический эпос собственно проявляется в преданиях о Давиде Сасунском, в которых отразилась историческая судьба армянского народа во время арабских нашествий, глубоко запечатлелась та вековая национальная борьба, которая, наконец, привела на трон Багратидскую династию (885 г.). Затем он делает обзор арабского периода — угнетений, взыскания податей, восстаний, особенно в Веспуракане и в Турубераке в середине IX века, опустошения Бугая и пленении армянских князей. В конце говорит о сыне Апулелча Арируни — Гургене и его браке. «Вот та историческая почва, на которой выросли предания о Давиде», говорит Халатьян.

Все это вполне правильно, и автор настоящей статьи уже в 1898—1899 гг. подчеркивал это в своих лекциях. Но после всего этого, он, Халатьян, не сосредоточивается на истории Сасуна и не сравнивает с этой историей содержание эпоса. Из исторических героев Сасуна он только в личности Дзенов-Ована находит воспоминание о Ованесе Хутском, что то же с самого начала было сказано пишущим эти строки. В отношении других эпических героев он берет представителей дома Арируни. Как будто эпос «Давид Сасунский» является эпосом Арируни, а не Сасунцев.

Итак, по Халатьяну, «Давид Сасунский», будучи в действительности Гургеном Арируни, в поэме соответствует Давиду священного писания, Мерамелик — Галиафу священного писания, Давид эпоса, пасущий ягнят и крупный скот; — Давиду пастуху того же священного писания. Мало того, «повидимому, — говорит он, на той же почве возникло установление родственной связи между Давидом и Дзенов-Ованом. Сведения, сообщаемые в Ветхом Завете о любви царевича Ованатана к Давиду и о вступлении последнего в родство с ним, давали уже достаточное основание народу признать родственниками обоих героев нашей поэмы. Еще до Халатьяна, и в моей работе «Армянские народные мифы» уже отмечал сход-

ство повести о Давиде и Мерамелике с ветхозаветным повествованием о Давиде и Голиафе, но подходил с другой точки зрения. Касаясь мифа об Айке и Беле, я указывал на большую распространенность подобных эпических рассказов и приводил к тому примеры «борьбу Давида и великана Гаснафа», на которую похожа борьба Самбата и Эитата (по Себеосу), а на эти два случая, только отчасти, похожа и борьба Трдата с готским князем. Единоборетво Айка и Беле, будучи вообще похожим на эти случаи, ближе напоминает борьбу Саха и Керкоя. Мы могли бы значительно умножить эти примеры, например, единоборетвом Зала и Ростамы, сопровождавшейся бранью совершенно так, как это было при единоборетве Давида и Гаснафа, Давида и Мерамелика и в др. случаях.

Подобные многочисленные рассказы, указывал я (Абеган), являются не замеченными друг у друга, а «лишь по своей форме — простым обобщением первобытных столкновений враждебных племен и народов, в которых главари играли первенствующую роль. Эти народные сказания в устах разных народов получили сходное оформление и виду того, что везде в эпическую эпоху у разных народов характер войны в общем был одинаков». Это — общие эпические мотивы, как, например, и единоборетво двух влюбленных, с которым Халатян сравнивает единоборетво героя русского народного эпоса Чулан с возлюбленной.

Таким же образом все примеры сопоставлений, приводимые Халатяном для доказательства иранского влияния на поэму, являются бесцелостными и беспристрастными эпическими образами, на которых нельзя исключительно основывать свои выводы.

В конце книги Халатян говорит о сказаниях о Мгерере и Артавазде и долго задерживается на вопросе о божестве Митре.

Еще одно обстоятельство, имя Чмикик Султан напоминает каждому читателю имя императора Иоанна Чмикика (Цимисхий), но никто не осмелился отождествлять эти имена.

Б. Халатян делает это: «здесь очень интересно, пишет он, что греческий император Иоанн Цимисхий (от 969—976) фигурирует в образе женщины, продолжая сохранять титул «султан». Халатян думает, что «Султан» означает только царь; султан означает также царица, королева, государыня. У императора Цимисхия была когда-то возлюбленная, владелица города Амида, происходившая из Чмикикага, как и сам император». «Народ бессознательно перенес упомянутое предание на Давида, причем имя императора было да-

по его возлюбленной». Но почему произошло такое перенесение, почему «Чмшик Суктан», т. е. «Царь Чмшик» превратился в возлюбленную Давида, — это не выясняется и никогда не будет выяснено.

10.

Обратимся к другой работе. Как выше я писал, в 1904—1905 году в Эчмиадзинской Академии мною был прочитан в третий раз доклад о нашем народном эпосе и в том же году было подготовлено к изданию исследование «армянский народный эпос», которое летом 1905 г. в законченном виде мною было передано в Ленинакане Ерванду Падаяну для издания в его журнале «Этнографическое обозрение». Оно печаталось по частям в течение 1906—1908 гг. В том же 1906 г. преподаватель Эчмиадзинской Академии Степан Канаян стал печатать в апрельском номере ежемесячника «Арарат» свою работу под заглавием «История Мамиконянов» и «Значение Мамиконянов и источники их Истории».

К этому времени часть исследования Аветяна уже появилась в двух книгах «Этнографического обозрения» за 1906 год. Позднее Канаян напечатал три «добавления» к истории Мамиконянов в июнь—декабрьских номерах «Арарата» того же года. Он же в 1907 году поместил в «Арарате» статью, перепечатанную в его книге «Историческое и повести о доме Джолжанц». «Добавления» были напечатаны, но «История Мамиконянов» затем нигде не появлялась. Хотя моя работа была произведена раньше и частью даже издана и хотя, начиная с 1898—1899 г., некоторые выводы из нее посредством лекций и публичных дискуссий были достаточно распространены, я здесь все же подвергну критике прежде всего указанные статьи Канаяна.

Приступая к изложению «Истории Мамиконянов», он вначале заявляет, что «Мамиконяны, которые с IV по VII век сделали предметом народных песен, сказаний, мифов, как сами, так и их страна Тарон, в частности Сасун, дали главный материал к созданию народной героической поэмы «Давид Сасунский» и «Мгер». На чем он основывает это свое утверждение, ничего у Канаяна не сказано. Продолжаем приводить его слова:

«Давид Сасунский» — это сын Смбата Мамиконяна Давид, соперник Ашота патрика (743—757), тот, который с братом Григором

был отправлен пленником в Еман, затем освобожден и произвел нашествие на Васпуракан». В примечании по другому поводу автор пишет, что этот «Давид Мамиконян был убит по приказанию Мрвана II Оманла, т. е. 740—750 гг. Но почему этот Давид Мамиконян есть Давид—герой поэмы,—об этом у него ни слова. Далее у него говорится: «Но народный эпос, который не считается с хронологией, по свойственному ему приему и приобщил и присоединил других Давидов, а также Давида Кюропалата, который владел провинцией Мамиконянов тайком».

Кто эти, «другие Давиды»? Опять автор в примечании пишет: «Езид, вероятно, второй, придя в Армению, посылает одного вестника в Багреванд и предает избиению более чем сорок человек из братии монастыря св. Григория в селе Багване, событие, которое так отмечает народный эпос... По Чамчяну... во время этого езид жил какой-то Давид Мамиконян», и больше ничего. Вот и этот Давид стал героем поэмы... В том же примечании опять читаем, «по приказанию Буги в 852 году были схвачены Ашот и Давид, сыновья Баграта Багратуни, владельца Тарона, и со своими родственниками отправлены к Халифу» и т. д.

Вот четыре Давида. В дальнейшем он не довольствуется Мамиконянами: «не только Мамиконяны, но и Арируниды и Багратиды и др., наши и чужие также стали предметом нашей поэмы». И так—обширное поприще отождествления упоминаемых в поэме имен с историческими именами, можно сказать, на протяжении всей армянской истории до XV в. Автор забывает «Тарон и особенно Сасун», оставляет в стороне и то, что поэма—это история Сасуна.

Таким же образом Канаян поступает и с Мгером, Хандут Хатун и другими героями поэмы. Приводя случайные сопоставления, основываясь на данных, не имеющих ничего общего с поэмой и Сасуном, а чаще всего без всякого обоснования, Канаян ничего нового не внес в изучение вопроса об интересующем нас эпосе.

В «Арарате» за 1909 год напечатаны три повествования, записанные с Айкуни Арутюном Апяном и неким Неизвестным. Эти статьи были перепечатаны в 1901 году под общим заглавием «Джоджанц Туи», под редакцией и с предисловием Ст. Канаяна. И здесь Канаян пытается определить историчность некоторых имен, следуя совершенно приему и методу предыдущих работ.

Что касается вариантов эпоса в Венском ежемесячном Обозрении, в 1909 году было опубликовано незаконченное повествование,

записанное Тиграном Читунни, а затем в 1912 г. в Константинополе издан «Дом Сасманц» — литературная переделка с спаркетского наречия. В Этнографическом Обзрении в 1910 году появился записанный Ервандом Лалаяном «Дом Сасуна», а в 1911 году «Дом Востана» — по записи неизвестного лица. Наконец, в 1913 году Лалаян опубликовал в своей книге Маргаритлер (жемчужины) вариант, не знаю почему под заглавием «Сенекерим». Необходимо упомянуть, что Тигран Читунни в статье, появившейся в 1911 г., предлагал нашу народную поэму называть общим именем «Сасманц тун» (Дом Сасманц) — как он слышал от сказителей. Это название и раньше было известно, как и название «Дом Сасуна».

В одном варианте эпос называется «Дом Джоджанц», а в других вариантах эти «Джоджи» (богатыри) называются «азнанц» «род азнанц» т. е. дворянский.

Таким образом на наречиях было издано, считая в том числе и неполные варианты: в 1874 году — один, в 1889—1895 гг. — шесть, в 1898—1902 гг. — восемь, в 1906—1913 гг. — семь, в общем двадцать, двадцать два варианта. Один вариант был пересказан литературным языком.

11.

С 1913 г. по 1936 г., в течение всех 22-х лет, не издано ни одного варианта. За границей, насколько мне известно, напечатан один вариант, и то не полный и не целиком на наречии.

В 1916 г. вышел в свет русский перевод первой части записанного мною варианта, который был передан в 1935 г., в этом же году были изданы и переизданы литературные обработки Исаакяна и Туманяна. В 1916 г. появилась на русском языке «Дверь Мгеря» в обработке А. Кулебякина. Перепечатан и вариант, записанный мною.

После 1906—1908 гг. до 1936 г. не издана ни одна исследовательская работа. Имеется за это время несколько мелких заметок о «Давиде Сасунеском» у Ов. Туманяна и Тиграна Читунни, а также в прочитанном мною в 1916 г. в Тбилиси докладе, изданном отдельною книжкою, как и в моих сочинениях: «Сокращенный курс армянского народного эпоса» и «История армянской древней литературы» и в двух статьях, написанных по другому поводу. Есть упоминания об этой поэме и в русской литературе, так, в очерке

В. Брюсова: «Армянская поэзия» 1916 г. или в появившемся в том же году на русском языке под редакцией М. Горького «Армянском сборнике», и статье «Обзор армянской литературы». Ничего нового не внесло появившееся за границей в 1930 году на французском языке исследование, посвященное греческому эпосу, где в конце затрагивается вопрос и о нашем эпосе.

Ценную новую мысль я нахожу в работе Спиридона Меликяна «Очерк истории армянской музыки», появившейся в 1935 г.

В ней он очень кратко говорит о музыкальных мотивах трех известных ему отрывков, которые, по его словам, имеют «эпический характер и асимметрическое ритмическое оформление». «Эти древние фрагменты и Мокекий мирза имеют декламационный характер, что не свойственно крестьянской трудовой песне: они, следовательно, принадлежат городским певцам или рассказчикам и после упадка городской жизни и превращения городов в деревни сохранились в памяти крестьян». Это наблюдение, с одной стороны, соответствует стиху подлинника, а с другой — сходится с выводами моих исследований.

Почти непосредственно после советизации Армении был открыт в 1921 г. Ереванский народный Университет, преобразованный затем в Государственный Университет, а позднее, на короткое время, в Педагогический Институт. С самого дня основания его в университетскую программу был введен, как особый предмет, и курс устной армянской литературы, главным образом, эпоса. Преподавание этого предмета было поручено мне. Студенты с большой любовью занимались этим предметом, но наступила пора, когда не со стороны студентов, а со стороны администрации стала проявляться недооценка значения этого предмета, пока из Москвы не донесся авторитетный голос о высокой ценности фольклора.

Обратимся к изучению эпоса.

12.

Вводная статья в начале первого тома «Сасунские удалыцы», приносит очень мало нового, по существу — это краткое изложение содержания моей работы, законченной в 1905 году, так как, как сказано в примечании (9 стр.), «после появления в свет работы М. Абегиан... новые варианты в основном только выяснили и подтвердили выводы этого исследования. По поручению Института

Истории Арм. культуры, труд этот переработан и, с присоединением к нему древних эпических произведений, озаглавлен «Армянская эпическая словесность». Он будет вскоре передан в печать».

Мое исследование, которое написано около 35 лет тому назад на основании 15 вариантов, затрагивает и освещает многочисленные вопросы, касающиеся нашего эпоса. Я не могу обременять читателя повторением всего этого, а передам лишь часть важнейших выводов. Так, в начале своей работы я вкратце останавливаюсь на вариантах эпоса, на их содержании и редакциях, указывая, что, в целях полного, всестороннего изучения, необходимо собрать новые варианты и как должна производиться их запись.

Может быть, не лишено интереса то обстоятельство, что в поисках упоминаний об эпосе Давида, в письменной литературе я встретил лишь одно упоминание, написанное в начале XIX века (1806 г.). Географ и известный знаток древностей Лукас Ничичян в своей географии: «Новая Армения», приурочивая местонахождение «Хандуги дзора» («Ущелье Хандуты») и «Хандуты берда» («Крепости Хандуты») к Кагызманской провинции, добавляет, «Эта крепость находится в ущелье того же имени, которое названо по имени сестры одного из наших царей, поселившейся здесь: ее история похожа на историю Тигрануи». К несчастью, больше ничего Ничичян не сообщает, хотя-б приведено было у него краткое содержание. Но этого нельзя было ожидать в то время, когда не только у нас, но и в Европе не было соответствующей оценки значения народного словесного творчества. Как бы там ни было, но это краткое сведение важно: это, так сказать, — первый вариант нашего эпоса.

Данные о вариантах были важны не только потому, что они составляют фундамент изучения, но и потому, что ими устанавливается территория распространения эпоса.

«Поэма, зародившись в Сасуне и Гароне, рассказывается и в Витлисской и Мушской провинциях, в Ахлате и дальше в Бадяных, откуда прошла на север в Арджеш и Кагызман, где в XVIII веке уже была приурочена к известной местности. Затем она проникла на Араратскую равнину, в Эчмиадзинский уезд, где ее восприняли местные жители и рассказывают на своем восточном наречии. Поэма известна и на склонах Арагаца (Алагеза), в Анаране. С другой стороны, она из Шатаха, из провинций Рштунийской и Мокской, где она еще живет, прошла в Ван, слившись со сказанием о двери Мгера, и отсюда через Абагинское поле проникла в

Персидскую Армению, а именно в район Хоя и Маку, где также указываются местности, приводимые в связь с содержанием и героями поэмы». «Местности, связанные с содержанием поэмы, упоминаются и в Востанском Капане... и, наконец, конечно, в самом Сасуне». Впоследствии, число таких местностей, по мере отыскания новых вариантов в Алашкерте, Нор-Баязете, Ване и т. п., возросло.

Какой же напрашивается вывод? Выяснилось, что «поэма достаточно распространена и вне Сасуна и Тарона среди армян других местностей и захватывает обширную зону в средней Армении с юга на север... Это обстоятельство, как и то, что имеются вне Сасуна и Тарона местности, увязываемые с именами героев поэмы, доказывает, что поэма утратила свой местный характер и армянский народ воспринял и усвоил ее». Иначе говоря, поэма стала общенародной, общearмянской.

Вот тот, очень важный вывод, к которому я пришел около 35 лет тому назад.

Затем, в своем труде выяснив, что у нас последний период героического-эпического творчества совпадает с XVI—XVII вв., я пишу об эпических сказителях и их искусстве, о том, что когда-то существовала школа таких Винасанов, что поэму рассказывали прошедшие школу винасаны и как теперь она передается, и какая связь существует в способе передачи между современными сказителями и древними винасанами, какие отрывки пелись в сопровождении саза и тамбура и какие рассказывались, как в результате передачи по счету, речетативом, язык поэмы приобрел своего рода мотивность, усвоил стиль, близкий к прозе, часто и прозу.

Привожу один отрывок из моего труда:

«То обстоятельство, что в настоящее время лишь немногие места эпоса поются и что эти места в некоторых пересказах хотя и имеются, но уж не поются, опять является доказательством того, что эпос переживает период упадка. Эта перемена, когда песня уступает место рассказу, отмечается в эпосе и других народов. Так, греческий эпос, продукт творчества певцов, которые создавали в процессе песнопения, позже переходит в простое повествование... певцов замещают рhapsоды-сказители, которые рассказывают лишь созданные другими поэмы, не сопровождая их пением и игрой на инструменте.

Такую же перемену находим и во французском эпосе, который в первый период своего развития пелся, а затем, во втором периоде, сказывался».

В последнем случае вместо стиха господствует уже проза. «Это явление отмечается не только в армянском эпосе; и русский народный эпос впоследствии перешел от стиха к прозе, былины, имевшие стихотворную форму, перешли в побывальщины, где преобладает уже проза».

Итак, «наш народный эпос пережил такую же жизнь и развитие, как эпос вообще у других народов. Мастеров песнопевцев — *випасанов* заменяли простые безыскусственные сказители, игра на инструменте предана забвению, и песня во многих случаях предана забвению, в других сохраняется лишь в отдельных местах. Стих уступает место прозе. Словом, эпос, искажаясь, изнашивается и отмирает и если совершенно не исчезает бесследно, то только благодаря тому, что в XIX в. и теперь мы его реликты собираем».

Но каковы эти реликтовые фрагменты? Это — поэма или сказка? — Я выделил этот вопрос и подробно разъяснил разницу между той и другой.

Как *випасаны*, так и их слушатели твердо верят, что действующие лица эпоса действительно жили и их героизм на самом деле имел место. Эпос для них — настоящая правдивая история, при том, история армянского народа, связанная с определенными географическими местами И, действительно, то, о чем повествует эпос, является воспоминанием о важных исторических событиях и лицах, только в видоизмененной форме.

И в своей работе выясняю, почему и как происходит это видоизменение, какие иные элементы воспринимает в себе эпос, «ядро и сердцевина которого чисто национальны» и в котором «широко отражается жизнь нашего простонародья, как дома, так и вне дома».

Следующим для меня стоял вопрос о географической среде эпоса.

Прежде всего, естественно, я интересовался, что такое Сасун, родина героев, область Сасунская, город, крепость, которые правдиво и подробно отображены в эпосе, каковы они действительно теперь и каковы были когда-то. В эпосе из Сасунских горных высот упоминаются и Черная гора (гора Сим), Цовасар, Маратук, гора Сасуна, гора Мера, река Батман и мост Батманский, как южная граница Сасуна, река и мост Англа, ущелье Англа, как юго-западная граница Сасуна; река Мурад-чай на севере и, наконец, Джанагджур и Муш, г. е. Тарон, как часть Сасуна, Мушская равнина, Меграгет, Цыцмакакит, город Муш, Св. Каранет, Се-

гансар и другие места. Сасуи, Мушская равнина (Тарон) и Джапагджур — все три области составляют одно княжество, край тюрсов, как и исторически они составляли единое целое.

Затем я говорю о сасуицах, их занятиях, о некоторых чертах их быта.

После Сасуна я перехожу к другим местностям. Прежде всего я выясняю, что Мысыр не Мосул, как думали до сих пор, а настоящий Мысыр, т. е. Египет, земли которого при династии Эюбидов (1169—1250 гг.) владели временно и Сасуном и западной частью Армении. В эпосе упоминаются даже центральные города этого государства: Диарбекир, Алеппо и за Алеппом — город Мысыр, т. е. Каир, а также Мекка и Медина. Затем, последовательно я останавливаюсь на Багдадском халифате, городе Джызиурской области и городе на р. Тигре, на городе и царстве Мосула, на городе Ахлате, Ахлатском царстве и горе Нимруде, на Капуткохе, Востане, Востанском Канане, Ване и двери Мгера в Акрне, как и на Капуйт (Голубой), крепости Кагызманской, на Грузин, городе Ирана и Тавризе, реке Бендумаги и др.

Переходя к вопросу об историчности эпоса, я долго останавливаюсь на «исторических воспоминаниях», которые очень отчетливо выражаются в эпосе. Они относятся к эпохе арабского владычества. Краткое содержание этой части моего исследования таково.

В начале арабского владычества, в VII веке, выдающимся лицом в политической жизни страны был Теводорос Рштуни. Этот князь защищал Армению от врагов «своей глубокой мудростью», стал любимцем народа и предметом его повествований, позже он вошел в эпос, как народный герой. Память о нем сохраняется в эпосе и лице мудрого дяди Тороса из Капуткога (в Рштунинской области), также и лице Теватороса. По эпосе Теваторос выступает в роли, подобной Теводоросу Рштуни: он укрепляет Армению, он основатель крепостей и крае.

По смерти Теводороса Рштуни власть в Армении переходит к его зятю Амазаспу Мамиконяну, затем выдающуюся роль играют Мамиконяны. Эти владетели Тарона и Сасуна в последующие века становятся во главе восстаний против арабов, вызываемых постепенно тяжелыми налогами.

Но в середине IX века владетелем Тарона и Сасуна является Багарат Багратуни, с титулом «Князь Армении» или «князь князей

Армении». В его управление, в середине IX века произошло то знаменательное в истории Сасуна кровавое событие, которое привело в смятение всю Армению, привлекло особое внимание историков и стало предметом народной повести.

Это была борьба, вызванная поборами, служащая историческим ядром эпоса.

Багарат Багратуни изгоняет из своего края сборщика донатов Ануэста. Вместо него появляется другой сборщик, по имени Мусе; и он принужден удалиться. В исступлении Халиф посылает в третий раз Юсуфа. Он производит погромы в Тароне. Багарат путем обмана попадает в плен и отсылается в Багдад. Его сыновья Ашот и Давид спасаются бегством в Хут, т. е. к горцам Сасуна. Юсуф зимы 851—852 гг. проводит в Мусе. В это время (как для меня выяснилось позже, в 1936 г., после знакомства с показаниями одного арабского источника, см. введение к изданию «Сасунокне удильцы») один из провинциальных правителей Юсуфа, Ал-Али-Ибн-Ахмад отправляется в Сасунский монастырь Марата, высокопочитаемый армянскими христианами, делавшими туда многочисленные приношения, захватывает все, что там было, и чинит обиды его обитателям (братии). Это вызывает большое недовольство среди сасунов, и они, собравшись и вооружившись, спускаются с гор и нападают на арабские войска в г. Мусе, перебивают их и убивают самого вестикана Юсуфа. Возглавляли это движение молодые сыновья Багарата Ашот и Давид и, в еще большей мере, хутянец Овиан, их двоюродный брат, как выяснилось для меня в 1936 г. по арабским источникам.

Таковы вкратце эта история, история Сасуна, которая, по Абегиану, составляет существенное, историческое ядро эпоса «Сасуна тун».

Затем Абегиан приводит историю последующих веков: Бад эмир и Арваняны, Сельджуки и Лорийское царство, господство Мамиконидов в Сасуне (в 11—12 вв.) Торник Мамиконян, Атабек, князь Виген и преемники (их сношения с халатскими царями — Шахарменами), Эюбская династия в Египте (Мерамелики), грузины, татары и Сасунокский князь Садун в половине XIII века. События этого периода с середины X в. до XIII в., как пишет Абегиан, оказали влияние и видоизменили в эпосе лишь историческое ядро IX века, да и источники этого ядра уходят в древние века, в наши

древний эпос и под влиянием событий IX века сильно видоизменяются.

Багдадский халиф в эпосе играет ту же роль, какую играл он в истории, впрочем он выступает лишь в 2 сказах, в ветви о Давиде. Под влиянием последующих веков, времен Эюбской династии, вместо багдадского халифа выступает египетский Мерамелик. Эпос сохранил имя полководца багдадского халифата — Буга: этот последний — пахлеван (богатырь) Мерамелика, и Мерамелик ему поручает убить Давида.

В сношениях Сасуна с Багдадским халифатом (Мерамеликом) центральным пунктом в эпосе, как и в истории, является война из-за податей. В сказах, говорящих о Давиде, как и в исторической действительности, фигурируют несколько сборщиков податей. О последних рассказывается также в эпосе. Имена сборщиков податей забыты. В эпосе играет видную роль Куз Бадни или Бадик, который опустошает Марутский монастырь. Это — отголосок Амидского царя Бад, который опустошил Тарон и жестоко истребил собравшихся в церквах Муша священников. Имя прежнего учинителя резни заменено новым именем.

Таким образом действительным ядром в сказах о Давиде является история Сасуна половины IX века.

Осветив историю Давидовой ветви эпоса, автор статьи переходит к первой ветви эпоса, к «сказу о Санасаре», эту часть он считает заимствованной из Св. Писания. Встречающееся в Св. Писании имя «Сарасар», приняли за «Санасар» и отождествили с «Санасуном», этой древней формой названия Сасун. Бежавших детей Навенийского царя приняли за своих предков; таким происхождением гордились князья Арцруни и даже простой люд Сасуна, который, по Тома Арцруни, считал себя происшедшим от простонародия, пришедшего вместе с Санасаром; так же точно в эпосе простой народ происходит от тех людей, которых приводят и которыми заселяют Сасун.

Для нас имеет значение то обстоятельство, что во времена Моисея Хоренского и Тома Арцруни (последний жил во второй половине IX в. и в первой трети X в.) уже сказывали сказ о Санасаре и сказ был украшен легендой об орле, взявшем Санасара под пахину своих крыльев.

И эта часть эпоса, если откинуть легенды, является лишь тем, о чем рассказывают наши историографы.

Автор приводит и другое прибавление в части сказа о Санасаре. В истории арабского историографа Эль-Вакиди (748—823), в его книге «История завоевания Месопотамии и Армении», которая впоследствии подверглась большим изменениям и местами носит сказочный характер, приводится один армянский сказ, — это история девушки Тарун. Тарун — дочь Хлатского царя, владетеля Хоя и Салмаета; точно так же в некоторых вариантах Хандут — дочь князя Хлата или Хоя. Это очень красивая и мужественная девушка. За нее сватаются многие, но ни один из них ей не по вкусу. У Сасунского князя Санасара был сын «Муш(ег)». Армянские князья идут войной на завоевателей арабов. Среди них и сын Санасара со своими войсками и Тарун — вожительница отцовских войск и владетель Арзии Бакур. Тарун и Муш(ег) влюблены друг в друга, но Бакур похищает Тарун и переходит на сторону арабов. Потом Тарун сумела освободиться и вернуться в Армению. Она выходит замуж за Муш(ег)а и живет на горе Марат, которая впоследствии, по ее имени, стала называться Тарон. Абегян подробно приводит эту сагу и, сравнивая этот (?) сказ о Хандут, считает его весьма древним и находит, что он очень похож на сагу о Тигрануи. По Ипчиняну, сказ о Хандут похож на легенду о Тигрануи.

Важно здесь то, что сказ о Санасаре уже связан с первым изшествием арабов и с войной против них и он развит путем добавления сказа о женитьбе его сына.

Кто этот Муш(ег) и кто его противник Бакур? Это — герои нашего древнего эпоса. И Абегян затем подробно исследует наш «древний эпос», тот эпос, который встречается у Агатангоса и Бюзанда, называя его «Персидской войной». Потом он выясняет, каким образом так долго хранились определенные отрывки из этого большого национального эпоса, особенно отрывок о Муш(ег)е, и как впоследствии создавался носящий местный характер эпос Мамиконидов — «Таронская война» с напавшими персами. В ней участвуют и Сасунцы, которые называются Санасаровым племенем, так как Муш(ег) был владетелем не только Тарона, но и Сасуна. Затем этот эпос под влиянием арабской эпохи подвергся изменению: война с персами превратилась в войну с арабами под водительством Мушега, сына Санасара. Измена владетеля Арзии Бакура и его переход на сторону арабов, без сомнения, взяты из древнего эпоса. Это — измена Агдзникского бдехи Бакура и его переход на сторону персов. Затем этот эпос под влиянием событий, имевших место в

Сасуне и Тароне во второй половине IX века, совсем видоизменился: на него повлияли также события последующих веков вплоть до XIII-го, и таким образом образовался наш «новый эпос».

Затем Абегиан выявляет остатки древнего эпоса в новом. В новом эпосе остаются определенные части из содержания древнего эпоса, остаются также и имена. В древнем эпосе на Армению нападает царь Шапук, противником которого был Мушег; а в новом эпосе мы находим царя Шапуха, противником которого является Мушег. Упоминается и Мушег, но он отодвинут в позднее время.

В древнем эпосе армянским царем был Пап, который также упоминается и в новом эпосе. Упоминаются также и другие лица. В новом эпосе хранятся еще определенные остатки из «Персидской войны» и «Таронской войны», но они передвинуты. Под влиянием новых событий персов заменили арабы, царя Шапуха — багдадский халиф, которого впоследствии заменил Мерамеликом; под влиянием событий полувини IX века древнего Мушега заменил Давид, который превратился в сына Санацара; вместо царя Папа появляется царь Гагик, который был современником Давида.

«Если глубже разобраться в этом», пишет Абегиан, «то увидим, что в новом эпосе и по духу сохранились отголоски древнего эпоса», каковы: защита независимости, вопрос о податях, опустошение монастыря, истребление монахов и т. п.

И таким образом автор детально рассматривает отношение, связь нового эпоса с древним.

Также подробно он останавливается на разборе «героической стороны» эпоса. Об этом я здесь не стану писать. Я упомяну только заглавия параграфов: влияние преданий, героический эпос, дом Азиза, рождение из моря, вода, Куркик Джалали и огненные кони, меч-молния и другие виды оружия и одежды, легенда о Санацаре, дэвы, львоподобный Мгер, эпические мотивы и общие сцены из ветви о Давиде, борьба отца с сыном, остатки древних мифов. В этом последнем отрывке объясняется, что часть мифов нашего древнего эпоса осталась в нашем новом эпосе, и то и том порядке, который находим в «Истории Армении» Моисея Хоренского, а именно: легенда мифского Санацара отождествлена с сценой о Тигране, Ваагне и вишапах, легенда о Багдадском халифе и о матери сиротки Гаршик — с сценой о Сатеник и Ардаване, и, наконец, легенда об Артавазде — с мифом о Мгере; это отметили и другие исследователи.

В этом труде—приведены некоторые бытовые стороны, «штрихи жизни», которые являются достоянием армянского крестьянина. Хотя эпос рассказывает и о владетелях Сасуна, об армянских дворянах и князьях, но в нем нет почти ничего дворянского, под видом дворян и даже царя выступают наши крестьяне. Эпос всецело носит характер крестьянский, народный; в нем мы видим жизнь и дух армянского простонародья, видим его образ жизни, его занятия, нравы и т. п.

13.

Наконец я должен подчеркнуть следующее обстоятельство. Наш большой эпос «Давид Сасунский» или «Сасунский дом» представляет собою весьма интересное явление. Он интересен тем, что прожил многие века, в течение веков подвергался различным историческим влияниям и по причине этих влияний в него были внесены те или иные изменения. Именно в этом, в этих изменениях заключается одно из главных достоинств нашего эпоса. Многообразие вариантов нашего эпоса имеют весьма важное значение с точки зрения диалектического рассмотрения народного эпоса вообще. В истории изустной эпической поэзии это вековое движение нашего эпоса представляет собою весьма редкое явление.

В эпосе господствуют дух и идеология трудящихся, их антиимпериалистические тенденции. Давид становится даже «батраком», наемным работником и выступает защитником интересов трудящихся.

В нашем эпосе, благодаря его многовековому существованию, можно сказать, отражается существенная сторона нашей истории, начиная с самых древних веков. Наша страна часто, очень часто подвергалась нападениям; это мы видим и в наших эпосах. Но одновременно мы наблюдаем и несокрушимое стремление и волю нашего народа—защищаться от извне нападающих врагов и уничтожить их, нанести противудар угнетателям родной страны и отстаивать свою независимость и свободу.

Это и служит существенной темой для наших лучших эпических поэм.

Вот вам борьба нашего эпонима Гайка с Белом, который во главе многочисленных толп, со своими безумными и исполненными

гигантами нападает на страну Гайка и на его немногочисленных людей с тем, чтоб подчинить их себе. Но Гайк схватывает этого нападающего деспота и ударяет его о землю.

Вот вам «Персидская война». Персидский деспот Шапук со своей миллионной ратью, многомиллионными войсками в течение долгих, тридцати лет совершает нападения на Армению, но армяне под главенством полководцев Васака и Мушега остаются несокрушимыми и разбивают миллионы противника с тем, чтобы только защитить свою независимость.

Такие же нападения совершают персы на Тарон в народном эпосе «Таронская война». Персы стремятся подчинить себе армию и наложить на них дань, они разрушают армянский монастырь С. Карапета, истребляют иноков, но армяне полностью уничтожают этих нападающих врагов.

Вот вам и наш Давид рассекает на две половины безобразного гиганта, деспота Мерамелика, который шел покорить свободный Сасун.

Но что за стремление у Мушега и Давида, этих идеальных героев, уничтожающих врагов? А вот цитата о Мушеге.

«Круглые сутки работает Мушег, остается на фронте и не позволяет, чтоб у Армении отняли хотя бы пядь земли». Таков дворянский предшественник Давида. Но как поступает преемник Мушега Давид, сельчанин Давид, или, что одно и то же, наш крестьянин?

Вот вам интересный отрывок. Бап франки, т. е. римский папа (вспоминание о крестовых походах), этот царь в рясе, под диктовку Шаха без всякого предлога обращается к Давиду с письмом, вызывая его на войну. Тогда Хандут от имени Давида пишет ему в ответ, что если два царя со своими войсками нападут, и то не сумеют победить Давида.

Бап франки собирает войска, идет походом на Сасун и располагается лагерем на Мушской равнине. Давид нападет и, когда те пускаются в бегство, успокаивает их.

Затем герой вступает в город этого царя. Он убивает царя и вельмож, власть передает «простым людям», устанавливает порядок в городе и говорит:

— «Пока вы живы, в течение всей вашей жизни не ходите попой на других».

Таков наш народный герой Давид.

Вот идеал нашего эпоса; нашего народного, крестьянского эпоса.

Я не стану говорить о художественной и других сторонах нашего эпоса. Скажу только, что этот эпос—действительно наша гордость. И мы благодарны, в тысячу крат признательны Партии и Правительству за то, что они решили отпраздновать тысячелетие этого великолепного творения нашего талантливого народа.

Тридцать пять лет тому назад упомянутое спое исследование я закончил следующими словами. И теперь я повторяю то же:

«Мы должны любить наш эпос, потому что он— наш, наш собственный, потому что он дает картину многовековой жизни нашего народа. Будем же изучать этот эпос всесторонне; мы в нем найдем глубины нашего народного духа. А если какой-либо гениальный поэт возьмется за художественную обработку этой темы в том же народном духе, то это будет жемчужиной в нашей национальной поэзии».

«И этот гений, вобрав в себя родной живой источник, подобно Давиду, который испил воды из родного бессмертного ключа, сразу возрастет и станет великаном и, благодаря этой силе и могуществу, разорвет пределы нашей бедной литературы и откроет себе путь в мировое литературное море, подобно тому, как маленькая Сасунская речка, катясь с горных вершин, ударяется в огромную реку, разрезает эту реку, полосой втекает в середину вод и, полностью слившись с ней, течет общим потоком».

И теперь, благодаря решению нашей Партии и Правительства, эпос нашего народа пробил себе этот путь.

Итак, да здравствует народ—творец этого эпоса!

— — —

АМО АРУТІОНЯН

ЭПОХА «ДАВИДА САСУНСКОГО»

(Исторический обзор)

Гранича с двумя крупными государствами: Ираном — на Востоке и Византией — на Западе, Армения долгое время служит им ареной военных действий. Находясь в фокусе столкновений двух завоевательных держав и несмотря на неблагоприятные политические условия, армянский народ вырабатывает в себе героический дух сопротивления врагам. Этому способствует и военно-стратегическое положение исторической Армении. Благодаря своей напряжённой и упорной борьбе, на протяжении веков армянский народ противостоит грозным бурям, разыгрывающимся над его страной, отстаивает свою независимость и создает свою богатую национальную культуру.

В результате продолжительных и упорных войн, происходивших между Римом и Сассанидской Персией из-за Северной Месопотамии и Армении, последняя лишается своей независимости и в 387 году ее делит между собою Римская Империя и Сассанидская Персия. Большая часть Армении (Восточная) попадает Персии; Западная же часть — Риму. После смерти Аршака III (в 390 г.) Западная часть Армении присоединяется к Империи, как одна из ее провинций, под управлением греческого *к у с а к а л а* (наместника). В Восточной ее части Сассаниды сохраняют остатки царства Аршакидов до 429 г. Поддерживая в течение сорока лет разваливающееся царство Аршакидов, сассанидская династия преследует цель завоевать этим путем симпатии армянских *и ш х а н о в* (князей) и отвлечь Армению от влияния Запада.

В 429 году Ктисефонский двор окончательно упраздняет в Армении царство Аршакидов и управляет страной через назначаемых им же самим марзпанов (наместников).

Двести с лишним лет Армения остается под верховенством Сассанидской Персии. За эти два века армянский народ не раз под-

нимает знамя восстания против Сассанидских деспотов с целью отвоевать свою независимость. Важнейшими из этих восстаний являются освободительные войны 451, 481—484 и 572 гг. Сассаниды, правда, жестоко подавляли эти восстания. Но и ряд областей Армении завоевывают себе определенные политико-экономические привилегии.

Положение дел меняется в корне со второй половины седьмого века, когда из подчинения верховенству Сассанидской Персии и Византийской Империи Армения попадает под верховную власть арабского халифата.

1. ОБРАЗОВАНИЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА И ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ

Номадские племена Аравийской пустыни с древнейших времен кочевали в западной части обширного Аравийского полуострова, по берегам Красного моря. С переходом к оседлой жизни, некоторые из этих племен создают свою собственную культуру. В раннюю эпоху ряд арабских племен организует в долинах Евфрата и Тигра отдельные княжества, которые в своих военных целях используют Персия и Рим. Княжества эти впоследствии превращаются в сильные опорные пункты для арабских завоеваний.

В деле объединения разрозненных племен полуострова в V—VII веках выдающуюся роль играют арабские купцы. Наиболее крупная роль выпадает на долю купцов Мекки, сосредоточивших в своих руках торговлю продуктами северной и южной областей полуострова.

Персидско-византийские войны V в. и первой четверти VII в. нанесли сильный удар торговле арабских городов. Большой предпричиняли этой торговле также бесконечные нашествия абиссинцев на развивавшиеся к тому времени города Аравии. Эти обстоятельства и вызвали великие арабские походы VII века, связываемые с именем Магомета и также несущие религиозную окраску, как и вообще «история Востока», — которая, согласно замечанию Маркса, «выступает как история религий».

Магомет (570—632 гг.) родился в Мекке и происходил из рода Корейшитов. Вначале он занимался торговлей и поддерживал крупные торговые связи с рядом стран, особенно с Египтом. С 610 года в тесном кругу своих друзей Магомет начинает проповедывать свое

новое учение, ислам, который представляет синтез христианской, иудейской, персидской и монсеевой религий и по имени своего основателя называется Магометанством.

Подвергаясь насмешкам и гонениям со стороны керейшитов, Магомет в 622 году вынужден вместе со своими приверженцами бежать в город Ятреб, враждовавший с Меккой. С этого времени начинаются длительные войны между Магометом и его последователями, называющими себя мусульманами — правоверными, с одной стороны, и с другой стороны, — их противниками, которых они называют неверными. Войны эти кончаются победой правоверных. Благоприятную почву для своей проповеднической деятельности мусульмане находят в городе Ятребе, который впоследствии получает, по имени Магомета, название Медина-эль-Неби (город пророка). Магомет и его последователи постепенно привлекают на свою сторону кочевые племена Аравийской пустыни — бедуинов и завоевывают с их помощью Мекку. Затем, в течение непродолжительного времени они завоевывают юго-восточные области Аравийского полуострова и в 629 году основывают крупное арабское государство, возглавляемое халифом — распорядителем как светскими, так и духовными делами. Столицей халифов первоначально является Мекка.

Последующие завоевания халифов обнимают весь седьмой век и первую четверть восьмого века. Ослабленные в результате долготлетних войн, Персия и Византийская Империя оказываются бессильными против нападения арабов. В период 636—641 гг. арабский халифат завоевывает последовательно Сирию, Северную Месопотамию, Египет и Персию. Завоевания халифатов в дальнейшем развертываются на Запад, по берегам Средиземного моря и Африки. Волна этих завоеваний докатывается до Гибралтара и Испании. В 711 году, после сражения при Ксересе и после завоеваний Уатиба-бин-Муслима, границы арабского халифата тянутся от Центральной Азии до Атлантического океана и от Кавказских гор до Индийского океана.

В своих завоеваниях халифат опирается на мусульман, которые и составляют его действующую армию. В начальный период мусульманам запрещается владеть землею. Содержать победителей обязаны были побежденные общины. Все неверные или немусульманские подданные несли подушную подать: владельцы же земельных участков, кроме того, платили поземельный налог. Му-

сультане были освобождены от налогов. Демобилизованных магометан селили в завоеванных странах военными лагерями, откуда их снимали лишь во время военных походов. Подобными лагерями являлись: Куфа — на Евфрате, Басра — на Шат-уль-Арабе, Каир — в Египте, Мерв — в Средней Азии и Маназдр — на Инде.

II ЗАВОЕВАНИЕ АРМЕНИИ (640—661 гг.) И АРМЕНИЯ ПОД ВЕРХОВЕНСТВОМ ОМАЙЯДОВ (661—750 гг.)

Доведенная до состояния развала продолжительными персидско-византийскими войнами, гонениями со стороны как персов, так и византийцев, а также внутренними раздорами, Армения оказалась беззащитной перед лицом арабских нашествий. В 634 году в сражении под Ярмуком, арабы отбрасывают византийские войска из восточных стран Средиземноморья и захватывают юго-восточные области последнего. В сражениях под Кадисом (в 637 г.) и Нехавендом (в 641 году) они также наносят поражения персам, занимают все плоскогорье Ирана и тем самым ликвидируют Сассанидскую династию, державшую в своих руках государственную власть в течение более чем 400 лет.

Вслед за завоеванием Палестины, Сирии, Месопотамии и Персии, наступает очередь завоевания Армении.

Первое арабское нашествие на Армению происходит в 640 г. под предводительством полководца Абдула Рагима. Арабская армия проникает в Армению со стороны Месопотамии и занимает сперва Четвертую Армению, а затем — Тарон (Муш). В Тароне арабы встречают сильное народное сопротивление, организованное Тиграном Мамиконяном. Арабам, однако, удается преодолеть эти сопротивления и двинуться вглубь Армении. Они занимают последовательно Бзунник (в Хлатской области), Ахновит, округа (кангон) Арберана и по ущелью Беркри и через округа Коговита выходят в Араратскую долину. Некоторые из армянских *ишханов* (князей), оказывавших сопротивление арабским войскам, предупреждают Двин о наступлении арабов и о необходимости стойкой защиты города. В 640 году арабские войска осаждают Двин и через три месяца, 6 октября, вторгаются в город. Подвергнув его жестокому опустошению и резне, в которой гибнет до двенадцати тысяч человек, неприятель с огромной добычей и большим количеством пленных (до тридцати пяти тысяч) возвращается в Сирию,

разоряя по пути все населенные места. На этом обратном пути арабское войско встречает сильное сопротивление в Коговите. Ишхан страны Рштуник — Теодорос Рштуни нападает на неприятельскую армию с целью отбить у нее пленных и захватить вывозимую добычу. Однако, потерпев поражение, Рштуни отступает и приходит в Двин, где он приводит в порядок свои расстроенные боевые силы и готовится к сопротивлению предстоящим новым нашествиям. Арабам же удается удержать часть пленных и увести их с собою. Интересные сведения об этих событиях сообщает современник их, историограф Себеос:

«...И случилось это на пятый день, — пишет Себеос, — когда они (арабы) наступили на город и он достался им в руки, так как они разложили вокруг города костры, дымом и стрелами отогнали защитников стены и, приставив к ней лестницу, взобрались на стену, проникли во внутрь и отворили городские ворота. Ворвавшись к ним, неприятельские войска перебили много жителей города и, захватив добычу, вышли и устроились лагерем на прежнем месте. Это произошло в двенадцатый день месяца Тре, в пятницу. Отдохнув несколько дней, они возвратились по дороге, по которой они пришли, и погнали они множество пленных — тридцать пять тысяч человек. А ишхан армян, князь области Рштуник, бывший в засаде в округе Коговит, напал на них своим малочисленным отрядом. И он не мог противостоять им, почему и обратился в бегство. Они же (арабы), преследуя его, перебили многих из его отряда. (После этого) они сами возвратились в Сирию. И это случилось при ктотли-кесе Езре»^{*)}.

Второе нашествие арабов на Армению начинается в 642—643 годах со стороны Атрпатакана (персидский Азербайджан) в трех направлениях: на Арарат, Агванк и Васпуракан. Отряд, наступавший на Арарат, сперва осаждает Ереван, но, не будучи в состоянии взять его, движется дальше на Арцап. Однако, на помощь Арцапу пришел Теодорос Рштуни со своим войском и изгнал из страны этот отряд арабской армии. Такая же участь постигает под Нахичеваном и другой арабский отряд, наступавший на Агванк. Теодорос Рштуни изгоняет из страны также третий отряд арабского войска, направленный против Васпуракана.

Оба указанных нашествия на Армению, таким образом, кончаются для арабов неудачно. Им не удается укрепиться в Армении.

^{*)} Себеос — История. Тифлис, 1913 г. на арм. яз.

В этот же самый период времени арабский флот угрожал Византийской Империи у самых ворот Константинополя. Ценою уплаты военной контрибуции императору Константину удастся заключить с арабами мирный договор на три года. В связи с этим поражением Византии в Армении ставится вопрос об оценке сил враждующих сторон. Еще до этого Византийская армия потерпела поражение от арабов в сражении под Мартуцайком. Ответственность за это поражение византийский полководец Прокоп возлагал на Теодороса Рштуни. Отправленный в Византию, Теодорос Рштуни предается здесь суду, но, оправданный и восстановленный в звании полководца, вскоре возвращается обратно в Армению. Здесь он занимает анти-византийскую позицию. Политические единомышленники Теодороса Рштуни были малочисленны. Большинство армянских ишханов, с католикосом Нерсесом Тайкским (641—661 гг.) во главе, держались того взгляда, что отвести арабскую угрозу от Армении возможно лишь при помощи Византии. Эти противоборствующие политические взгляды вновь воскрешают старый халкедонский спор. К этому именно периоду временной победы халкедонского течения относится постройка церкви Звартноц, предпринятая католикосом Нерсесом Тайкским. Учитывая в связи со всеми этими обстоятельствами создавшуюся политическую ситуацию, Теодорос Рштуни вступает в переговоры с Сирийским наместником халифата, знаменитым полководцем Муавией, который пользовался в Аравии большим влиянием. В результате этих переговоров ему удается в 651 году заключить с ним союзный договор, согласно которому:

1. Армения признает верховенство халифата.
2. В течение семи лет Армения не платит налога; по истечении же семи лет, обязуется платить их в меру своих возможностей.
3. Армения имеет право держать конницу в составе пятнадцати тысяч человек, причем, жалование им выплачивает халифат; продовольствием же снабжает их Армения.
4. Армянское войско не подлежит отправке в поход в дальние края.
5. Халифат обязуется оказывать Армений военную помощь во всех случаях нападения на нее Византии.
6. В Армению не должен назначаться арабский чиновник.
7. По наступлении срока взимания налогов халифат обязуется наряду с драмом (деньгами) принимать налог и зерном.

Договор, заключенный Теодоросом Рштуни с халифатом, нахо-

онет сильнейший удар влиянию Византии в Армении. Обращения императора Константина к Теодоросу о прекращении сношений с халифатом остаются безрезультатными. Поэтому в 652 году византийский император во главе своих войск лично вступает в Армению и временно занимает ее. Теодорос же Рштуни к этому времени укрепляется на острове Ахтамар. Получив вскоре, согласно заключенному с халифатом договору, вспомогательное войско, он покидает остров, разбивает наголову византийскую армию, действовавшую под командованием полководца Маврианоса, и изгоняет его из пределов Армении. Вместе с византийской армией удаляется из Армении и Нерсес Тайкский. Страна пользуется миром в течение семи лет, до смерти Теодороса Рштуни (658—659 гг.).

В 659—661 гг. вспыхивают династические распри внутри халифата. Муавия, происходивший из крупнейшего рода Омайядов в Мекке и занимавший влиятельное положение и в Дамаске, опираясь на западных арабов и купцов Мекки, отказывается подчиниться халифу Али, племяннику пророка и женатому на его (Магомета) единственной дочери. Возникают внутренние войны. Воспользовавшись этими распрями внутри халифата, Византия возобновляет свои попытки завоевать Армению. Эту политическую миссию Византия возлагает на Амазаспа Мамиконяна, которого она направляет в Армению в высоком звании куропалата. Амазасп Мамиконян успешно выполняет эту миссию; католікос же Нерсес Тайкский, вернувшийся к тому времени в Армению, становится здесь хозяином положения. Однако, Омайяды, вышедшие победителями из династических войн, в лице Муавии в 661 году посылают в Армению грозный приказ о признании ими арабской власти. Армения вновь подчиняется халифату. Муавия устанавливает ежегодный налог в размере 500 дахекан; порядок же внутреннего управления страной он оставляет без изменения. Договор, заключенный с Теодоросом Рштуни, Муавия оставляет в силе, за исключением одного пункта, относящегося к платежу налога. Муавия старается привлечь на свою сторону определенные княжеские дома; возвращает на родину пленных: Григора Мамиконяна и Смбата Багратуни из влиятельных шахарарских родов Мамиконян и Багратуни. В 662 году он того же Григора Мамиконяна назначает правителем Армении с возложением на него обязанностей охранять внутренний порядок, собирать ежегодный налог в 500 дахекан и отсылать их в дворцовую казну.

С 683 года вновь разгораются внутренние войны в халифате.

После смерти Муавии (679 г.) между сторонниками Омайядов и Али возобновляется династическая война, которая продолжается до 692 года. Ослабленный в этих династических войнах, халифат распадается. Его делят между собою полководцы Сирии, Аравии и Ирана. Ободренные таким положением халифата, Армения и Грузия не признают его власти и поднимают знамя восстания. Византия также, со своей стороны, пользуясь случаем, вновь пытается изгнать утраченные земли в Армении.

Омайяды, возглавляемые Абул-Мелик-халифом (685—705 гг.), наносят своим противникам поражение (792 году), восстанавливают центральную власть и столицу из Мекки переносят в Дамаск. Реорганизовавшаяся династия Омайядов с 693 года открывает военные действия против Византии для отвоевания Армении и ряда мало-азиатских провинций. Армении приходится сильно терпеть от этих арабо-византийских войн, продолжавшихся в течение всего последнего десятилетия седьмого века. Войны эти кончаются победой халифата, после чего, в 698 году, арабский полководец Магомед-бин-Мирван (брат верховного эмира) с юга вторгается в Армению, окончательно завоевывает и подчиняет ее арабскому халифату.

Мирван завоевывает также Грузию и Агванк. В течение двух лет (698—700 г.г.) он остается в Армении в качестве первого арабского правителя, наводя ужас и страх на население и подвергая его самым жестоким притеснениям. После возвращения его в Дамаск, правителем — востиканом — оставляется полководец Абдул (700—702 г.г.), имея помощником Смбата Багратуни, сына Баграта, который еще с 695 года был назначен с паранетом, т. е. командующим конницей Армении.

С конца седьмого века по окончательное завоевание Армении, Омайяды уже не доверяют управления страной местным армянским князьям. Арменией они управляют через ими-же самими назначаемых арабов — востиканов (правителей). Функции востикана в Армении были аналогичны функциям мязаниа эпохи владычества Сасанидов. Резиденция востикана находилась в городе Двине, в военное ведомство которого входили Армения, Грузия и Агванк, под общим наименованием Эрмения. Эрмения делилась на четыре части: первую составляли Сюник и Агванк, вторую — Грузия, третью — Двин, Ширак и Багреванд, четвертую же — Арша-

мошат, Хлат, Карин и Арчеш. Востикан приводил с собою из центра большую свиту.

В феодальной Армении, как и в других подвластных странах, арабский халифат проводил с самого начала суровую политику разорения страны и истребления ее военных сил. Арабы сосредоточивали в своих руках важнейшие отрасли управления.

Налоги в Армении халифат собирал в основном деньгами и частично натурой. Налоги были двух видов: подушный — «муказуме», составлявший большую часть, и поземельный — «вазифе».

Восстановив свою власть в Армении, династия Омайядов на пороге восьмого века меняет свою политику в отношении нахарарских (княжеских) домов. Прежнюю политику заглаживания сменяет политика уничтожения крупных нахарарских домов и опустошения военных сил Армении. Преемник Мирвана, Востикан Абдула пытается «уничтожить в Армении свободные роды вместе с их конницей» *). С этой целью он арестовывает, заключает в тюрьмы и выселяет ряд ишханов, выдающихся руководителей страны и конфискует их имущество как движимое, так и недвижимое.

Востикан Абдула высылает в Дамаск даже католикоса Саака и Спаранета Смбата Багратуни (в 702 году). Последний, однако, бежит с пути и, вернувшись в Армению, приступает к организации восстания. В том же 702 году, в южных областях Армении — в горных округах Мокка и Рштуни население подымает восстание против арабов под предводительством Смбата Багратуни. Для подавления восстания Востикан Абдула высылает из Двина отряд своего войска. В сражении при селении Гуканг, во владениях Рштуни, повстанцы одерживают победу над арабским отрядом, изгоняют его из пределов южных областей Армении и поднимают знамя независимости. Отсюда повстанцы двигаются в Среднюю Армению, в город Двин с целью изгнать оттуда самого востикана Абдулу. Навстречу повстанцев вскоре выступает нахичеванский отряд арабов и 5000 всадников **) под предводительством Абдулы. Ввиду значительного превосходства арабского войска, восставшие отправляют к Абдуле посланцев для мирной ликвидации дела. Арабы оставляют без последствий мирное предложение восставших. В январе 703 года, под поселком Варданакерт происходит второе реше-

*) Гевонд «История» на арм. яз., гл. X, стр. 31. СПб 1887 г.

**) По данным историографа Вардана, арабское войско состояло из 5000 бойцов. Стр. 98.

тельное сражение, которое оканчивается полным разгромом арабов, несмотря на их численное превосходство. Абдула вынужден бежать в Дамаск *). Ободренные успехом этого сражения, поднимают восстание целый ряд других областей Армении (Рштуник, Вананд и др.) и все они изгоняют арабов из своих пределов.

Несмотря на одержанную победу, восставшие учитывают, однако, и последующую опасность, поэтому через католикоса Саака, находившегося в то время в Дамаске, в ссылке, они пытаются открыть мирные переговоры с халифатом. Полководец Магомед-бин-Окра, назначенный из центра для ведения переговоров, учитывая героическую ванданакертскую битву, мирно ликвидирует вопрос в пользу восставших и амнистирует их всех. Руководитель же восстания Смбаг, не доверяя арабам, переходит в византийскую часть и утверждается в Тайке, откуда он зорко следит за событиями в Армении.

В течение трех лет (в 703—706 гг.) мирно управляет Арменией востикан Окра; однако положение в Армении вновь осложняется при его преемнике, Востикане Касе (в 706—708 гг.). Последний возобновляет политику налогового разорения и уничтожения военных сил страны.

Под предлогом выплаты жалованья коннице, Кася обманным образом вызывает нахараров и их солдат в Нахичевань **). Преднамеренно разоружив их и ограбив имевшиеся при них ценности, он сгоняет всех в церкви Нахичевани и Храма (поселок около Нахичевани) и сжигает их. Страна подвергается грабежу. Начинаются аресты и высылки множества недовольных элементов. Для предупреждения всех этих ужасных событий Смбаг Багратуни вместе со своим отрядом, который он сорганизовал в Тайке, вторгся в Армению, но, потерпев поражение и отброшенный за пределы Ар-

*) Сражение под Варданакертом произвело на арабов столь потрясающее впечатление, что они долгое время, вплоть до X века, вспоминают о нем не иначе, как с горечью. Интересные сведения об этом столетии сообщает католикос Ошакес. «В это время, — пишет он, — происходит битва в Варданакерте и полное уничтожение армии Иднмалдов. Поэтому и до сих пор у арабов принято грубо говорить: «по какому-бы то ни было поводу, но не напоминая Варданакерта». Католикос Ошакес. История, на арм. яз. Ерусалим, 1867 г. стр. 121.

**) Боясь восставших армян, Кася первоначально утверждается в Нахичевани, желая обеспечить себе возможность бежать в Персию в случае нового восстания.

мени, удалился в город Потн. Ввиду гонения востиканов, определенная часть военных сил Армении удаляется в неприступные крепости и другие укрепленные места; другая часть уходит из страны; остальные же организуют партизанские нападения и стараются народное недовольство вновь направить против династии Омайядов. Халифат же, учитывая неизбежность новых осложнений в Армении, тем более что и Византия угрожала ему из Грузии и Агванка, меняет, в силу необходимости, свою суровую политику в отношении Армении. Он отзывает Касма и правителем Эрмении на его место назначает Абдул-Азиза (708—724 г. г.), который, согласно инструкциям из центра, прекращает гонение и облегчает налоговое бремя населения. Одновременно с этими мероприятиями освобождаются сосланные в Дамаск и в 712 году все они возвращаются на свои прежние места. Возвращается и Смбат Багратуни из Потн. Восстаивается город Двин и наступает период сравнительно мирной жизни.

III. АРМЕНИЯ ПРИ АББАСИДАХ.

(750 — 856 г.г.)

В 731 году востиканом Армении назначается кандидат на престол халифата Мамед-бин-Мирван. Ашот-же Багратуни, сын Васака, назначается и ш х а н а ц и ш х а н о м (князь-князей) и спарпетом (командующий) конницы Армении.

В отношении Армении Мирван ведет весьма умеренную политику, которая обуславливалась внутренним положением халифата. Против династии Омайядов вспыхивали внутренние мятежи, угрожавшие самому ее существованию. Не меньшую опасность представляли также нашествия хазаров, живших на Северном Кавказе и в южной России. Набеги на границы халифата хазары совершали по подстрекательству и при поддержке Византийской Империи. Для того, чтобы использовать военные силы Армении в борьбе со своими внутренними и внешними врагами, халифат вынужден был облегчить податное положение населения и положить конец гонениям на военные силы Армении.

Благодаря своей мирной политике Мирвану удается использовать военные силы Армении в борьбе с хазарами. Армянская конница под командованием спарпета Ашота одерживает крупные по-

беды над хазарами. В результате этих побед укрепляется положение Армении в халифате. По совету Мирвана спаранет Ашот является в Дамаск к верховному эмиру и получает полностью всю причитающуюся на содержание армянского войска сумму жалования из расчета в 100 тысяч дахекан (дерхин) годовых, которые не выплачивались за последние три года.

Распри вокруг престолонаследия, возникшие внутри династии Омайядов, и восстания шиитов создают исключительное тревожное положение для халифата. В подчиненных же халифату странах события эти вызывают новые надежды сбросить с себя арабское иго. После того, как в течение двух лет (743—745 гг.) на престоле халифата успели сменить друг друга три халифа, во главе династии Омайядов становится востикан Армении Мирван, к которому из Армении спешит на помощь Ашот Багратуни вместе со своим 15 тысячным войском.

После этой борьбы за престол, раздиравшей династию Омайядов, следуют восстания шиитов под предводительством Аббул-Аббаса; причем восставшие опирались: в Персии — на персидских, а в Ираке — на арабских помещиков и купцов. Аббул-Аббас одерживает победу над последним престолонаследником династии Омайядов и основывает династию Аббасидов.

В то время как в халифате развертываются внутренние династические войны, Григор Мамиконян вместе со своими единомышленниками поднимает восстание против арабской власти и укрепляется в Тайке. Ашот Багратуни возражает против этого восстания, мотивируя тем, что «мы не можем противостоять против арабских войск и вырвать нашу страну из пасти вишанов (дракон)». Григор же Мамиконян угрожает Ашоту, говоря ему: «Если ты не присоединишься к нашему решению, то не сойдет это ни тебе, ни твоему войску. Мы не можем терпеть кризиса, создавшегося в стране Армении». Ашот отклоняет предложение восставших и пытается идти в Багреванд и представиться там арабскому командующему. Восставшие преследуют его, постигают и ослепляют его (в 747 г.), после чего поднимают восстание против халифата и изгоняют из Армении арабские крепостные гарнизоны и арабских правителей.

IV. ПЕРВОЕ ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ АРМЕНИИ ПРОТИВ ХАЛИФАТА

(772 — 775 г.г.)

Династические распри, начавшиеся в халифате с середины восьмого века, кончаются победой Аббул-Аббаса. Однако, западные страны арабского халифата не подчиняются столь далекому от них халифам-Аббасидам. Вскоре, после победы над последними, объявляют себя независимыми и отказываются признать власть Аббасидов. Испания, Марокко и Египет. Последние представители рода Омайядов, нашедшие убежище в Испании, отказывают запад халифата от востока и основывают в Испании Кордобский халифат. Вскоре объявляют себя независимыми и наместники Египта и Африки, и таким образом отпадают от Востока все западные страны халифата. Аббасидам остается владычество лишь над восточной частью, т. е. над странами, лежащими на Восток от Средиземного и Красного морей, в том числе и над Арменией.

С появлением Аббасидов во главе власти, для арабского халифата наступают новая эпоха. Только начавшая формироваться династия основывает в Месопотамии, на реке Тигре, свою знаменитую столицу — Багдад, с его пышностью и роскошью, ставшими легендарными. Основание новой столицы, урегулирование жизни разложившейся армии, восстановление укреплений, разрушенных в течение долголетних династических войн, приведение в порядок почтового дела и, наконец, войны, которые Аббасиды вели во второй половине восьмого века, все это требует крупных финансовых средств.

Налоговые сборы халифата при таких условиях, очевидно, должны были увеличиться как во всех других подвластных странах, так и в исторической Армении.

Положение Армении отягчается еще более при Аббасидах, особенно при первых халифах из этого рода. После приведения в порядок дел центрального управления, халиф Абдул-Аббас (Ас-Саффа, 750—754 г.г.) все внимание свое обращает на восстанавливаемые области и края. Одним из таких краев являлась Армения, восстанавливаемая под предводительством Григора Мамиконяна против халифата в годы его династических войн (747—750 гг.). Управление Месопотамией, Атрпатаканом и Арменией Аббул-Аббас передает своему брату

Аббул-Джафар-аль-Мансур, с поручением, силою привести в покорность эти страны.

Подавив восстание, вспыхнувшее в ряде областей Месопотамии, Аль-Мансур во главе большой армии идет в 750 году на Армению. Здесь он подавляет восстание, огнем и мечом проходит по стране и вновь подчиняет ее халифату. Деспот этот проводит всеобщую перепись *) и облагает страну тяжелыми налогами. В связи с этой переписью, каждому из лиц, уплативших налог, он навешивал на шею свинцовую печать, чтобы этим отличить его от уклоняющихся от взноса налогов. Налога стали требовать даже с мертвых. Современник переписи, историограф Гевонд рассказывает:

«...Явившись сперва в страну армян, — этот Аббула — замучил всех многими горестями и притеснениями, поверг их в нищету и разорения вплоть до того, что стал требовать налогов и с мертвых. Таким же образом он подверг лютым страданиям много сирот и вдов. Подверг пыткам, побоям и позорному бичеванию также священников и служителей божественного алтаря, требуя, чтоб они сообщили имена умерших и их семей. Он угнетал также жителей страны насильственными жестокими налогами и, взимая с каждой души много зуз **) серебра, навешивал им всем свинцовые печати. Княжеские роды спешили, одни добровольно, другие поневоле приносить в дар коней, мулов, превосходные одежды, золото и серебро, чтобы набить пасть вишану (дракон), пришедшему опоглотить страну» ***).

При халифе Аббул-Аббасе (Ас-Саффа — 750—754 гг.) и Аль-Мансуре (754 — 755 г.г.) жизнь в Армении становится нестерпимой. Востикан Езид последовательно проводит суровую политику Аль-Мансура и сильно притесняет податное население. При взимании налогов применяются жесточайшие меры принуждения (бичевание, бросание в воду в лютую зиму, мучительные истязания, виселица и пр.). Взыскание налогов в Армении усиливается до того, что несякают в стране серебро и золото; доходы податного населения не покрывают налогового обложения. Заслуживают внимания сведения об этом, сообщаемые историографом Гевондом:

*) «Всеобщая перепись» — «ашхаратир», по армянской историографии означает запись в государственную книгу всех объектов, приносящих доход, а также рабочих рук с целью правильного сбора налогов.

**) Зуза — сирийская серебряная монета.

***) Гевонд. Стр. 127—128.

«В наместничество Езида налоговое ярмо сильно тяготило над Арменией, ибо алская жадность неумолимого врага не удовлетворялась тем, что съедала тела избранников христовой паствы и пила их кровь, как воду, и всю страну армянскую ввергла в невыносимые бедствия. Исчезло из страны серебро, и никто не мог откупиться, отдав даже последнее свое имущество. Тяжкими мучениями, виселицами и пытками обескровили жизнь людей. Многие убежали в пещеры и ущелья и скрывались там. Другие зарывались в снег — задохнуться, иные бросались в реку — топить, вследствие нестерпимого бедствия, ибо нельзя было достать то, чего требовали от них: *а требовали от них подушные подати серебром и, лишив всех всякой собственности, сковывали Армению нищетой. Все вообще покупали из одного и того же горнила бедности — и пахары и вельможи *).

Из этого сообщения современника-историкографа легко заключить о том тяжелом состоянии, которое Армения переживала при первых Аббасидских халифах.

Езид прекращает сбор ежегодных платежей в 100 тысяч дирахман, установленных на содержание армянской конницы, и обязывает феодалов Армении содержать свое войско на собственные же средства.

Духовенство, ставшее податным, вынуждено продавать церковные сосуды для покрытия требуемых с него налогов.

Подобное тяжелое положение, продолжавшееся четверть века, доводит до разорения как крестьянство, так и городское население. Фактически создается положение, когда «для спасения народа от пасти вишавов» население вынуждено взяться за оружие. В 772—775 гг. в Армении разгорается всенародное восстание, в котором участвуют почти все области и округа страны.

Сигнал к восстанию 772—775 гг. дает селение Кюмайри (нынешний Ленинакан) в Ширакской области. Во главе движения становится Артавазд Мамиконян, явившийся сюда вместе со своими людьми, которых он вооружил еще в Двине. Повстанцы убивают всех арабов — сборщиков податей, забирают наличность собранного ими налога и делят его между собой. Войска, высланные из Двина востиканом Гасаном, подавляют восстание; главарь же последнего находит убежище в соседней Мингрелии (Грузия).

*) Гевонд. стр. 135—136.

За ширакским восстанием следуют восстания в Тароне и Багреванде. Первым поднимает здесь знамя восстания население Муша с Мушегом Мамиконяном во главе. Восставшие и здесь убивают всех арбов-сборщиков и укрепляются в древней крепости Артагерса. Шестьдесят вооруженных бойцов из повстанцев проникают в Багревандский округ, убивают сборщиков Абумджисара и поднимают все население против халифата. При селении Харс повстанцы разбивают отряд арабской конницы в 200 всадников, высланных из Карина, и захватывают у них лошадей и оружие. Они одерживают победу и в Багаване над арабским регулярным войском в 4000 бойцов, высланных из Двина под предводительством полководца Абуниша.

Успехи повстанцев воодушевляют население и других округов Армении. Движение все более разрастается и принимает всенародный характер. Восстают область за областью, округ за округом. Всенародное движение это находит отклик и в Грузии и Ахванке. Повстанцы беспощадно уничтожают и изгоняют из Армении арабские войска и арабских правителей, осаждают город Карин и совершают нападение на Длин. Во главе восстания становится командующий армянским полком Смбат Багратуни. Арабов постепенно вытесняют из Армении и из Закавказья. Несмотря на все эти успехи, всенародное это восстание не имеет еще своего единого центра, которому бы оно подчинялось. Каждая область, каждый округ остается самостоятельным, лишь только кончаются восстания. Усилия Смбата Багратуни создать единый центр не приводят к положительным результатам.

Весною 775 года халиф Мансур отправляет в Армению, на подавление восстания, 30 тысячное тюркское войско, сформированное в Хорасане, под предводительством полководца Амра. Войско это проникает в Армению с юга и устраивается лагерем в Хлате, откуда оно и начинает свои военные действия. Первое серьезное сражение между арабским войском и восставшим народом происходит 15 апреля 775 года под Арчешем (на северном берегу Ванского озера). В этой неравной борьбе повстанцы терпят поражение и, оставив массу жертв на поле брани в (1500 человек), обращаются в бегство. Арабское же войско, одержав победу, движется на север в округ Багреванд.

Здесь около селения Арлаши, 24 апреля 775 года, происходит второе решительное сражение между арабским войском и повстан-

нами. Повстанцы терпят поражение и в этой неравной борьбе, после чего арабское войско подавляет восстание и в других округах и областях, равно как и в Грузии и Ахванке. Все эти страны подвергаются опустошению. Армения и Закавказье вновь подпадают под верховную власть халифата и на этом заканчивается первое великое восстание Армении при Аббасидах.

V. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРМЕНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX ВЕКА.

После подавления восстания второй половины VIII века арабский халифат еще более усиливает в Армении свою политику налогового нажима и ослабления ее военной мощи, вследствие чего «убыпают боевые силы Армении».

Арабские востиканы, весьма часто, почти ежегодно сменявшие один другого, прибегают ко всяким средствам (пысылка, тюрьма, отправка на войну, убийство и др.), чтобы ликвидировать крупные нахарарские дома и их военные силы и тем самым положить конец постоянно вспыхивающим восстаниям.

В 855 году гибнут в войне с хазарами и гунами под Дербентом ишханац-ишхан (князь-князей) Армении — Тачат Андзевани, командующий армянским полком Смбаг Багратуни и Нерсес Камсаракан, эти три наиболее крупных фигуры Армении, которые вели ожесточенную борьбу против арабов. В войне с хазарами и гунами они приняли участие по принуждению халифа.

Востикан Хазм арестовывает и пысылает в Багдад трех братьев Арцруни — Амазаспа, Саака и Меружана, как участников боев под Арчеием, и распускает их войско.

Такая политика гонения, усвоенная халифатом, принимает наиболее острый характер в царствование Гарун-аль-Рашида (786 — 809 гг.), особенно при востиканах Языд Ахбал-Кабире и Сулеймане. Непомерно растут налоги, вновь навешивают сенищовые печати уплатившим подушный налог. «И после него, — рассказывает Гевонд, — был назначен некий Сулейман, наиболее жестокий человек и наибольший злодей. Пришел в город Партав (столица Ахванка — авт.) и сам Овбеда и назначил Сулеймана князем нашей страны и предал ему христианский народ, как овец хищным волкам. Он наложил на людей такую невыносимую налоговую тяжесть, что

они не в состоянии были откупиться, даже отдав все свое имущество. Сулейман назначил сборщиком своего зятя, некоего Ибидока из греков, человека неверного, низкого, сына служанки. И, прийдя в Двин, Ибидок стал мучить население жестокими поборами. Ввиду этого собрались все нахарары и рамики (простолюдины) и вместе с духовенством и католикосом Исаем просили его облегчить непосильную тяжесть требуемых налогов, но ничего не помогло... и напешивал всем свинцовые печати и за каждую печать требовал много зуд, так что народ впал в крайнюю нищету от невыносимых притеснений этого адского палача» *).

При халифах Махди, Гади и Гарун-аль-Рашиде ежегодный налог в Эрмении (т. е. Армения, Грузия и Ахванк) составлял 13 миллионов дирхем**), в то время как тот же налог как до, так и после названных халифов колебался в пределах от 4 мил до 8 мил. 200 тыс. дирхем.

В результате подобной неслыханной эксплуатации страны и истощения ее военных сил, население, особенно нахарары, вынуждены покидать свои родные поместья, насиженные места и скрываться в крепостях и других неприступных местах.

Оба сына Самбата Багратуни (командующий армянским полком), Ашот, известный в истории под именем Мясоед, и Шапух вынуждены скрываться в Спере. Васак же Багратуни, покинув свой известный замок Друйик (нынешний старый Баязет), укрепляется в Тайке. От этого Васака и происходят впоследствии Багратиды Грузии.

Для того, чтобы создать себе опору власти, арабский халифат, по подавлении восстания 773—775 гг., переселяет в Армению в большом числе арабских эмиров и купцов. Их селят в административных и военных центрах Эрмении — Двине, Партаве, Тбилиси, Карине, Хлате, Арчеше, Беркри, Датване, Нахичевани и т. д. О заселении Армении арабскими эмирами интересные сведения сообщает арабский историкограф Якуби: «После смерти Махти Армения впала в это состояние (т. е. состояние восстания — авт.) и продолжала оставаться в том-же состоянии и при Мусе. Рашид назначил в Армению Хузейму-И-Хазим-Тамимья, который оставался там год и два месяца, укрепляя порядок и мир, и жители подчинились ему. Рашид (назначил) Суламья, который переселил сюда (в Арме-

*) Гевонд, стр. 166—167.

**) 5 милл. 775 тыс. золотых рублей.

нию — авт.) множество Назаров (Низаров). Последние завладели восточной Арменией, и население их размножилось при Юсуфе. После него Рашид назначил Езида-И-Мазайд-И-Занд-Шабана, который переселил племя Ребии со всех частей Месопотамии и вообще установил в стране порядок, так что вовсе прекратилась смута» *).

Отдельные арабские эмиры и купцы обосновывались в Армении, несомненно, и раньше. Но теперь с массовым их переселением здесь возникает ряд эмиратов.

Отдельный эмират образовался и в Двинне. Политика заселения Армении магометанско-мусульманскими массами и покровительства последним в ущерб коренному населению, начатая в последней четверти восьмого века при Аббасидах Махди, Гади и Гарун-аль Рашиде, продолжает проводиться халифами последовательно и в первой половине IX века. В южных областях Армении, как то: в окрестностях озера Ван, в округе Ахдзник и в других частях Средней Армении, как Двин, организуются эмираты, которые стремятся захватить имущество коренных жителей и укрепиться на их землях.

Под давлением этой политики арабского халифата ряд сравнительно слабых нахарарских домов покидает свои владения и вместе с массой жителей переселяется в Византию. Двенадцатитысячное население во главе с ишханами — Аматауни-Шапухом и Амамом эмигрирует из Армении и через Таик переселяется в пределы Византийской Империи **). Удерживаются в стране лишь крупные и сильные нахарары, ставшие на путь борьбы с халифатом. Борьба эта завершилась успешно не для всех нахараров, оставшихся в стране. Некоторые из них, начиная с последней четверти VIII века, как отмечено выше, теряют свое политическое значение в стране. С подавлением восстания 772—775 г.г. халифат наносит смертельный удар роду Мамиконян. Со смертью Нерсеса Камсаракана в 785 году доживает свои последние дни и род Камсаракан. Но за то, остальные нахарары, и в особенности наиболее крупные из них, — Багратиды, Арцруни и Сюнийские, в упорной и длительной борьбе, шаг за шагом отвоевывают свои прежние права и привилегии.

Сыновья руководителя восстания 772—775 г.г. Саака Багратуни — Ашот и Шапух, поместья которых находились в Дарунике и Спере, где они и оставались и самые тяжелые дни жизни стра-

*) «Арабские историографы об Армении», на арм. яз. Собрал и перевел Баграт Халатян. Вена. Стр. 110—111.

**) Гевонд, стр. 168.

ны, теперь стремятся укрепиться в Средней Армении. С помощью ли денег или силой оружия они расширяют свои владения за счет поместий магометанских эмиратов. За деньги Ашот Багратуни приобретает у Кимсараканов часть Аршаруника и Багаван обращает в свой Востан. Впоследствии, в первой четверти IX века Багратидам удается завладеть, помимо Средней Армении, также Тароном и Сасуном.

В последние годы жизни Гарун-аль-Рашида наступает период постепенного упадка арабского халифата. Разгораются восстания в Персии.

Нишханы, павшие убежища в неприступных укреплениях Армении, приобретают возможность отвоевать свои прежние владения и расширить их за счет земель арабских владений.

Халифат вынужден считаться с ростом значения дома Багратидов. В 806 году Гарун-аль-Рашид нишханац-нишханом (князь-князей) Армении назначает Ашота Мясода Багратуни.

В начале IX века в лице Васака и Саака Сюни выступает на историческую арену княжество Сюнийское, до того, в течение продолжительного времени, хранившее молчание в политической жизни страны. Саак Сюни владел Гехаркуником. Несмотря на свою самостоятельную и независимую от остальных нахараров политику в прошлом, Сюнийские нишханы теперь устанавливают тесные сношения с Багратидами.

Единственным соперником Багратидов, после упадка рода Мамиконян, могло явиться только нахарарство Арцруни. Руководимый политическими соображениями, Ашот Мясод выдает свою дочь Рипсиме за нишхана Арцруни, благодаря чему он устанавливает с этим домом тесную политическую связь и постепенно подчиняет его своему влиянию.

По тем же политическим соображениям Ашот Багратуни Мясод выдает и свою другую дочь за эмира Ахдзинского — Муса. С заятием Тарона и Сасуна Багратидами оказались в соседстве с арабским эмиратом Ахдзинка. Эмират этот прижился с северо-мессопотамским родом Шайбан и находился под постоянной угрозой последнего. Поэтому он, естественно, нуждался в таком союзнике, как Багратида. Используя, таким образом, восстания внутри халифата, частые войны помещиков, а также войны эмиратов, утвердившихся в Армении, Ашот Мясод в самый тяжелый период истории Армении усиливает и укрепляет княжество Багратидов. Во-

преки посягательствам магометанских эмиратов, он вместе с братом своим Шапухом завоевывает обширные области и округа, сплачивает вокруг себя нахараров Арицруни, Сюнийских князей и арабских эмиров Ахдзинка. Княжество Багратидов постепенно распространяет свой авторитет почти на всю Армению и создает предпосылки для завоевания независимости.

Арабский халифат, естественно, не мог спокойно взирать на такой рост могущества Багратидов. Он стремится ослабить эту мощь, для чего он натравливает нахараров друг на друга и всех их вместе на Багратидов.

О территориальной экспансии Багратидов и росте их политического влияния можно судить по тому, что в описываемый период времени один из сыновей Ашота Мясоеда — Баграт Багратуни владеет Тароном и получает от халифата титул ишханац-ишхана; другой же сын, Смбат, приобретает Арарат и Багаван и одновременно получает звание спаранета (командующий войсками). Брат Ашота Мясоеда — Шапух с сыновьями владеет Спером. По соседству же с последним, в Тайке владеют Тайкеские Багратиды, которые расширяют свои владения, доходят до Тбилиси и основывают здесь могущественную ветвь грузинских Багратидов.

Вместо пятидесяти нахарарских домов премен владычества Сасанидской Персии, ныне на политической арене остаются, таким образом, только три основных нахарарства (Багратуни, Арицруни и Сюнийское). Своими постоянными восстаниями эти растущие в силе нахарарства, в особенности Багратиды, ставят под угрозу и владычество халифата в Армении. Политика халифата в отношении Армении — по линии ее экономического и политического разложения, приводит к обратным результатам.

Во владениях феодалов-нахараров жили и трудились крестьяне в условиях двойной эксплуатации: ишханов, с одной стороны, арабского халифата — с другой. Крестьяне были лишены прав и жили в основном на положении крепостных. Они обрабатывали всю землю в стране и в качестве феодально-обязанных приносили своим господам часть урожая. Львиную же долю урожая брал себе халифат.

Представляют большой интерес положение и занятия крестьянства, жившего в поместьях Баграта Багратуни, владельца Тарона и Сасуна, с именами которых связан знаменитый эпос нашего народа «Давид Сасунский».

Сасунский округ делился на две части: равнинный Сасун, входивший в состав области Ахдзник в качестве одного из его округов, и нагорный Сасун, называвшийся Хут и входивший в состав области Турубераи, в качестве так же одной из его округов.

Наиболее важными занятиями сасунских крестьян являлись: скотоводство, земледелие, пчеловодство и охота. Важнейшими культурами полеводства являлись ячмень, просо и чечевица. В эпоху мы часто встречаем упоминание о «просянном поле старца», где герой Давид охотился за перепелами. Население предгорной полосы занималось также плодоводством.

Еще большее значение, чем земледелие, в хозяйственной жизни сасунцев имеет скотоводство. Пышная горная растительность и альпийские пастбища предоставляли населению широкую возможность заниматься этой отраслью сельского хозяйства. Не меньшую роль в занятиях населения играло и пчеловодство. В эпоху часто встречается указание на то, что в бытность свою в Мысе, Давид питался сасунским медом. Представляется не лишним основания предположение, что мед вывозился из Сасуна в двойном качестве — предмета торговли и налога халифату.

Ремесло было связано с сельским хозяйством. В продолжительную зиму крестьянство занималось кустарным хозяйством.

Жили сасунцы мелкими семьями, разбросанными по глубоким ущельям и даже по горным вершинам. Дома строились из земли и нетесаного камня землянками, как сравнительно теплые. Одежду они изготовляли преимущественно из овечьей шерсти, отчасти из волос, отчасти из шкуры. Бумажной материей, и то лишь привозной, пользовались весьма редко.

Из одеяний мужчин достойны внимания широкие шерстяные шаровары, вытканые из разноцветных ниток, с короткими рукавами казахик, едва достигавший пояса. На голову одевали «колоз» с обмоткой по нижнему краю. Из женских одеяний был известен зипун (антани), длинная верхняя одежда с богатыми украшениями.

Вследствие отсутствия безопасности в стране, особенно в горной ее части, что обуславливалось частыми набегами разбойничьих шайек и нападениями диких зверей (лев, тигр, волк, лиса и др.), сасунцы выходили на полевые работы или отправлялись путешествовать не иначе, как вооруженными. В этой постоянной борьбе они выработали в себе незаурядные боевые качества. Недаром Сасун известен издревле своими храбрецами и героями.

Интересные сведения о занятиях, труде, средствах к существованию, быте, образе жизни и боевых способностях сасунов сообщает близко знакомый с Сасуном и современник описываемых событий историкограф Фома Арицруни. «Здесь вкратце я дам, — говорит Фома Арицруни, — характеристику жителей горы, характеристику того, — кто и каковы они и каким образом в тяжком труде и ужасных невзгодах они добывают себе пропитание и удовлетворяют свои важнейшие нужды. Жилища их находятся в глубоких опрагах, расщелинах скал, в лесных гущах и на горных вершинах. Живут родами и так далеко друг от друга, что если кто-нибудь из сильных мужчин закричит, что есть мочи, то звук его голоса едва ли будет услышан где-нибудь, а произведет впечатление, как будто отдается эхо от скал. Половина населения отвыкла от родного, природного языка, так как живут в далеких местах и не имеют общения между собою. Говорят друг с другом на отрывистом и странном языке и так непонятно друг для друга, что даже нуждаются в переводчиках. В пищу употребляют разные бобовые, главным образом, так называемое просо, которое в голодные годы у них именуется хлебом. Просо они сеют на открытых лесных полянках, коная землю двурогими мотыгами. Для прикрытия своей наготы они одевают шерстяную одежду. Обувь изготавливают на подобие сапог из козьей кожи. Летом и зимою они довольствуются одной и той же пищей и одной и той же одеждой. И постоянно носят оружие — копье, готовые против зверей, обитающих в горах».

VI. ВТОРОЕ ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ АРМЕНИИ ПРОТИВ ХАЛИФАТА (850—852 гг.).

Завершив круг полного развития своей мощи при Гарун-аль-Рашиде, со смертью последнего арабский халифат вступает в полосу своего упадка. В последние годы своего существования багдадский двор представлял типичный образец восточной пышности, богатства, распутства и сластолюбия. Помимо административно-военных расходов, требовались колоссальные финансовые средства на содержание двора, и средства эти добывались лишь путем увеличения налогового обложения подвластных стран. Налоги, как указано выше, взимались как деньгами, так и натурой, но согласно

свидетельству арабского историографа Белазури, повинности населения не ограничивались этими взносами. Подчиненные страны, в том числе и Армения, обязаны были поставлять халифату также «черноволосых, чернобровых, с длинными ресницами стройных девишек и юношей»¹. Это характерное свидетельство Белазури совпадает с содержанием соответствующего отрывка из эпоса, в котором рассказывается о том, как, помимо денежных и натуральных налогов, Мера-Мелик требовал от сасунцев также женщин, девишек и юношей.

Распад династии Аббасидов, начавшийся с первых же лет IX века, выражался прежде всего в ее финансовом кризисе. Кризис этот, с своей стороны, отражался на состоянии государства и его армии, вызывая общий упадок и разложение их. В результате всего этого мы видим, как, с одной стороны, вспыхивает ряд восстаний внутри халифата, а с другой стороны, пользуясь случаем, поднимают знамя независимости подвластные страны. Из числа последних Северная Персия первая подымает против арабского халифата освободительное восстание, известное в истории под названием Хурамми (по арабским источникам), или движение Персе-Бабека (по армянским источникам).

Восстание это, разросшееся при Персе-Бабеке (817--837 гг.), ставит под угрозу самое владычество арабского халифата.

Пользуясь этими движениями против халифата, Византия с своей стороны стремится вновь отвоевать свои утраченные земли.

Все внимание, все силы халифата теперь сосредоточены на подавлении восстания Хурамми. В 835 году он снаряжает в Персию крупную регулярную армию под командованием известного полководца Гайдар-бин-Кауса (Афшан). Подавить окончательно персидское восстание удалось лишь после двух лет упорных боев в 837 году. Победивший Бабек пытается бежать в Византию через Ахванк, но, схваченный по дороге одним из Ахванских ишханов — Схалом, он попадает в руки Афшана. Последний отправляет Бабека вместе с братом его и 3.300 повстанцами в Багдад, где все приносятся в жертву смерти.

¹ Абдул-Аббас-Ахмед-аль-Беладюри, или Белазури — по происхождению перс, родился в Египте, умер в 892 году. Состоял почитателем при дворе халифов Аббасидов и пользовался большим уважением халифа Джафар-аль-Мутаваккки. Знаменит его труд «Книга завоеванных стран» («Книф-футух уль-болдан»), в которой Белазури описывает завоевания арабских халифов от Магомета до 890-ых годов. Одна глава книги посвящена Армении.

За все время, пока продолжалось восстание Хурамии, халифат в отношении Армении проводил миролюбивую политику, рассчитанную на то, чтобы использовать ее военные силы для подавления этого восстания. Но Армения в целом, в лице своих нахараров, за незначительным исключением некоторых слабых Багратидов, неизменно поддерживала персидское освободительное движение. Нахарары в общем, и в первую очередь Васак Сюнийский, оказывали помощь Бабеку. В успехе восстания Хурамии историческая Армения видела свое собственное спасение.

В Армении усиливается тенденция к освобождению от владычества халифата.

В период под'ема персидского движения восстает Смбат Багратуни против востикана Халид-ибн-Езида (827—832 гг.), прозванного за свои жестокости Хол (арабское слово — ужас). Смбат стремился расширить этим путем свои владения и права, а также установить тесные связи между всеми ветвями Багратидов, надеясь, таким образом, расчищать путь к полной независимости от халифата. Однако, эти стремления Багратидов к централизации и усилению встречают сопротивление, с одной стороны, в лице местных феодалов с их сепаратистическими тенденциями, с другой стороны, в лице как арабского халифата, так и Византийской империи, которые одинаково были заинтересованы в том, чтобы не допустить образования централизованного сильного государства на армянском плоскогорье крупного военно-стратегического значения.

Поэтому для ослабления наиболее сильных Багратидов Средней Армении, они противопоставят им периферийных Багратидов: арабский халифат — Таронских Багратидов, причем из них Баграт Багратуни получает звание ишхана-ишхана; Византия же — Спер и Тайк, которые она завоевала у халифата во время восстания Перса-Бабека и которые она теперь старается отколоть от центрального княжества Багратидов. С этой целью Византия превращает Спер в новый самостоятельный военный округ на границе с Багратидами Средней Армении, как постоянную угрозу их центростремительным политическим тенденциям.

По подавлении персидского восстания полководец Афиан совершает набеги на Армению (837—838 гг.) для наказания всех способствовавших восстанию Хурамии.

Наследовав в 826 году своему отцу, Ашоту Мясоеду, Баграт Багратуни расширяет свои владения за пределы Тарона до Сасуна

исключительно и становится, таким образом, нахараром «Дома Армяна» (так называлось подвластное ему владение в целом).

В середине IX века при князе Ашоте Арцруни (внук Ашота Мясоеда, сын его дочери Ринсима) владения Васпураканского нахарарства простирались с юга — от Нахичевани до Большого Зоба, с северо-запада — до озера Ван и с востока — до Урмийского озера. Владения Арцруни не были так обширны, как владения Багратидов, но представляли компактно организованный край, не распадавшийся между отдельными ветвями рода Арцруни. Укрепления постепенно свои позиции, эти два усилившихся нахарарства — Багратидов и Арцруни, явно готовились к восстанию против халифата. Перед лицом возобновившейся агрессивной политики халифата они проявляли явно пренебрежительное отношение к назначаемым им востиканам.

Окрепшись во временной победе над восстанием Хурамми, а также и в победе над Византией в войне с последней, арабский халифат отвечает на движения подвластных, но непокорных и восставших стран, новым усилением налогового бремени. Армения, как одна из таких непокорных стран, вновь попадает под ярмо тяжелых налогов. В пятидесятых годах IX века в стране вновь разливается волна народного недовольства, которое все более и более принимает массовый характер.

При халифе Джафаре Мутавакиле (в 847—861 гг.) для взыскания налогов посылается в Армению (в 849 г.) востикан Абусет (как и в эпосе «Давид Сасунский» Мера-Мелик отправляет в Сасун Казбадина на взимание налогов, которых население не вносило в течение семи лет). Баграт Багратуни Таронский и Ашот Арцруни Васпураканский выступают объединенными силами; через посланца они обещают Абусету внести ему налог с тем, чтобы он не вступал в Армению, грозя, в противном случае, сопротивлением. Под влиянием этой угрозы Абусет не решается вступить в Армению и, получив налог, поворачивает обратно в Дамаск, к халифу Самадза за новыми инструкциями и вспомогательным войском с тем, чтобы вновь вернуться в Армению. «И они... рассказывает Фома Арцруни, — посылают ему налоги и государственные подати и возвращают его туда, откуда он пришел» *).

Перед своим возвращением в Дамаск Абусет оставляет своих

*) Фома Арцруни. Стр. 108.

заместителем: Алайя — в Васпуракане и Мусу-бин-Зорара — в Тароне с поручением им, держать в покорности восставший народ и его нишанов. По возвращении же Абусета в Дамаск, полководец Алайя со своей армией вторгается со стороны Андзевацики в Васпуракан и здесь совершает набег на ряд округов.

В ответ на эти набег Ашот Арцруни собирает вокруг себя все боевые силы Васпуракана, особенно крестьян, выступает против Алайя, разбивает его наголову у селения Арчук и очищает нахарарство от арабских войск. Объятый ужасом, Алайя обращается в бегство и спешит в Самарру с сообщением халифу о постигшей неудаче. Такая же участь постигает и отряд полководца Мусы, который шел на Тарон. Против Мусы выступает со своими отрядами нишан Тарона Баграт Багратуни, призвав предварительно на помощь Ашота Арцруни. Война происходит в Тароне, причем в самый решительный момент военных действий появляется Ашот на помощь Баграту. Муса терпит поражение, бежит в Бахеш (Битлис), где и укрепляется в городе Шахастане. Муса со своим войском освобождается от осады лишь по просьбе жены Ахдзиньского эмира, сестры Баграта Багратуни.

Для подавления восстания, выросшего в грозное народное движение, Мутавакил в 850 году предпринимает более решительные меры. Под предводительством того же востыкана Абусета он отправляет в Армению крупную армию с поручением подавить восстание и обложить повстанцев тяжелыми налогами: «напасть на страну Армян и, как решено, мучить их »).

По дороге в Армению умирает Абусет и во главе его армии, по приказу халифа, становится его сын Юсуф-бин-Абусет **).

Юсуф со своей армией вторгается в Армению из Атриатакана и через Васпуракан движется в южные области Армении. Вначале он располагается лагерем в поселке Адамакерте и приглашает к себе Ашота Арцруни, однако последний, догадываясь о намерениях Юсуфа, не является к нему и вместо себя отправляет свою мать. Учитывая строптивый характер Ашота, Юсуф предпочитает пока оставить в покое Васпуракан. Армию свою он направляет в округ Тарон и вначале утверждает в городе Хлате. Юсуф завоевывает

*) Фома Арцруни, стр. 116.

**) Историкографы часто смешивают этих двух Абусетов (отца с сыном), в большинстве случаев их идентифицируют. Фома Арцруни отличает отца Абусета от сына Абусета.

ряд областей и округов южной Армении, кроме неприступного горного Хута.

Зимой 850—851 гг. Юсуф располагается лагерем в городе Муше и отсюда производит систематические набеги на разные части страны. С помощью хитрости он схватывает Баграта Багратуни и закованным отправляет его в Самарру, к халифу. Сыновья же Баграта Ашот и Давид находят убежище у Хутов. Один из окружных кусакалов Юсуфа, Аль-Альян грабит в Сасуне монастырь Акта-Артан, надо полагать, Марутский монастырь, упоминаемый в эпосе. Здесь он подвергает оскорблениям монахов, убивает некоторых из них. В дальнейшем он, равно как и другие окружные кусакалы Юсуфа, разоряет и опустошает равнинную часть Сасуна, а также области Ахдзинка и Турубераи. Вообще же войска Юсуфа громят все области и округа Южной Армении, кроме нагорного Сасуна-Хута, который избегает этой участи, благодаря своей горной неприступной позиции и воинственному духу населения. Интересные сведения об отмеченной выше деятельности Юсуфа сообщает Белазури. «...Верховный эмир правоверных Мутавакка-аль-Аллах (847—861 гг.) во второй год своего царствования назначил правителем Армении Юсуфа - ибн - Мухамела - ибн - Юсуфа, - аль - Мервизи (Мервско-го), который, явившись в Хлат, арестовал патрика Баграта, сына Ашота, и отправил его в столичный город халифата Сарраман-рай (Самарра). Этим он вызвал недопольство и кругах патриков, азатов (свободных) и повстанцев (мятежников). Мало того, один из его окружных кусакалов, по имени Аль-Алаия-Ибн-Ахмед, отправился в один сисараджанский *) монастырь, который известен под названием «монастырь Скихов **» (Акта). Христиане Армении весьма почитали этот монастырь и делали в его пользу много пожертвований. Он захватил все, что было там, нанес оскорбления его жителям (монахам братии). Этим он вызвал крайнее возмущение и негодование среди армянских патриков, и они начали вести переписку между собою, подстрекать друг друга к восстанию и мятежу для того, чтобы стать независимыми. Они же и подстрекнули хутцев. Хутцы были (крестьяне) батраки и известны были под именем Артан, и их возмутили против Юсуфа за то, что он отправил в ссылку (Самарру) их патрика».

*) Сисараджаном историограф называет Сасун.

**) Монастырь Скихов, или Акта — это Марутский монастырь на горе Марата — Марутак в Сасуне.

Горы хутцы, которые всю зиму 851 года готовились к восстанию и к которым присоединились также сасунцы равнинной половины, раннею весною поднимают знамя восстания под предводительством хутского Овиана и вооруженные спускаются на равнину. Они присоединяют к себе жителей разграбленных округов и двигаются на Муш в то время, когда многочисленное войско Юсуфа еще было разбросано по селениям Тарона и Муша. Повстанцы внезапно нападают на Муш, уничтожают войско Юсуфа, оставшихся в живых изгоняют из пределов страны, освобождают из тюрем всех заключенных пленных и берут все, что было награблено арабами. «Как патрики, так и все мятежники, — говорит Балазури, — и, помоги хутцам отравили конных и пеших людей, и они напали на него (на Юсуфа) в Тароне именно в то время, когда его люди были рассеяны по селениям, убили его и взяли все, что было в его лагере».

В ужасе от этого нападения Юсуф Абусет находит убежище в куполе мушской церкви св. спасителя, как в безопасном месте.

Повстанцы окружают церковь. Один из них лазил в купол, обнаруживает в одном из его потаенных мест Юсуфа и одним ударом меча в спину убивает его на месте, подобно тому, как Давид Сасунский одним ударом Меча-Молнии рассекает пополам Мера-Мелика в яме. В этой связи интересны сведения, сообщаемые историографом Фомой Араруни.

« В то время, — рассказывает Фома, — жители гор, видя, что ишхана уведи в плен и что их самих ожидает та же участь, какая постигла жителей долины, объединились и в боевой готовности выставили все те боевые средства, которыми они пользовались в борьбе за самосохранение в зимних условиях. Они захватили с собой свои коня, которые они носили постоянно, остерегались зверей, скрывавшихся в лесу, и логовищах или нападавших неприятелей. Напав на город и обложив его, они мечами своими перебили войско, выпустили из тюрьмы заложников Вазпуракана, освободили пленных и разделили между собою неприятельскую добычу. Асам, минувший себя марзпаном, бежит и бросается в высокую церковь, которую построил ишхан Баграт во имя спасителя нашего, затратив 300,000. Объявляя ужасом, весь дрожа, он некоторое время остается там. Бойцы окружают церковь, некоторые из них обратились к нему, проникли в углубление купола и один из них ударил его конем в спину. Вывалились у него легкие, не

пустил дух и был погребен, как подобает правному делу. Я сам собственными глазами видел того, кто ударил его и через него же и проверил о нем».

Из этого сообщения Фомы Арцруни видно, что Юсуф был убит одним из хутцев; что он сам видел убийцу и проверил через него совершившийся факт. Историкограф, однако, не сообщает имени убийцы, с которым он говорил.

Подробные историко-литературные изыскания по этому вопросу не оставляют сомнения в том, что убил Юсуфа хутский Овнан, тот, который предводительствовал над повстанцами в их походе на Муш. Интересное сведение об этом сообщает арабский историкограф Якуби, который говорит: «С Юсуфом сражался Овнан, сын *)... и убил его. Тогда восстала страна.

Косвенное указание личности убийцы мы имеем в том отрывке из произведения Фомы Арцруни (гл. XI, разд. III), в котором он подробно повествует о пленных, закованных востиканом Буга и отпущенных в Месопотамию. «В числе пленных, — говорит Фома, — был и житель горы Хут, по имени Овнан. Это тот Овнан, который с самого начала появления Буги в пределах Армении выступил вместе с жителями гор против него и нанес сильные удары халифагским войскам. Когда же арестовали горцев, то заковали блаженного Овнана и заключили его в государственную тюрьму».

Из того же сообщения Фомы видно, что в Самарре обезглавили Овнана. «Палачи взяли блаженного и повели его на место казни... и подставил шею, и палач отсек ему голову, ипустил дух в праведной исповеди блаженный Овнан». Остальные заключенные, однако, получили освобождение и возвратились из ссылки в Армению. Обстоятельство это указывает на то, что преступление Овнана, как руководителя восстания, было признано более тяжким, чем преступление всех остальных.

Эпос «Давид Сасунский», основанный на этом освободительном движении сасунцев, отражает блестящую героиню армянского народа.

Наступление хутов и вместе с ними жителей других округов на Муш, равно как и убийство Юсуфа Абусета, во многих своих ча-

*) Ввиду недостоверности арабского текста переводчик не сумел установить отчества Овнана. Не будучи знаком с арабским языком, и мы не можем проверить его.

**) «Арабские историкографы об Армении», стр. 122.

стях совпадает с борьбой Давида, которую он в эпосе ведет с Мсра-Меликом. Из сказаний эпоса явствует, что Давид вначале борется с войсками Мсра-Мелика; в конце же, по совету старца, прекращает истребление рядовых воинов и идет на подлинного врага, на самого Мсра-Мелика. В единоборстве с ним Давид одним ударом своего Меча-Молнии разит насмерть Юсуфа.

По данным историкографии, хутцы также разбивают вначале войска Юсуфа. Впоследствии же один из них, по всему вероятно, Овипи, убивает Юсуфа в куполе Мушской церкви, где он, объятый ужасом, скрывается. Это историческое сообщение вполне совпадает со сказанием эпоса о борьбе Давида с Мсра-Меликом. Нет сомнения, что в нашем эпосе нашли отражение не только эти события, но также события как предшествующего, так и последующего ему периодов.

Народные восстания Сасуна и Тарона находят живой отклик и в других округах Армении. Поднимают знамя восстания Васпуракан, Срединная Армения, Сюник, Лори, Грузия и Ахванк. Восставшие области округа не сумели создать своего единого центра, и это отразилось отрицательно на исход всего движения. Правитель Двина не предпринял попытки объединить восставшие округа, выступить против халифата совместно с Грузией и Ахванком.

Весть о восстании скоро доходит до халифа Мутавахила, и Самарру. Учитывая серьезность движения, он предпринимает все необходимые подготовительные мероприятия к восстановлению порядка в Закавказье и Армении. На подавление восстания он в 852 году перебрасывает большую армию под предводительством полководца Буга. Арабская армия вторгается прежде всего в Сасун и Тарон, где она встречает яростное народное сопротивление, которое, однако, ей удастся сломить, благодаря своему численному превосходству и неорганизованности повстанцев. Отомстив Тарону и Сасуну за убийство Юсуфа, Буга со своей армией укрепляется в Хлате, откуда и разворачивает он свои дальнейшие военные операции против других восставших округов.

Он направляет свою карательную экспедицию сперва в Васпуракан, где Ашот Арцруни оказывает ему упорное сопротивление. Однако, не выдержав атаки превосходно вооруженной арабской армии, он вынужден сдаться неприятелю в замке Никан.

Ашота Арцруни вместе с другими руководителями восстания

Буга отправляет в Самарру в качестве пленных, страну же подвергает грабежу и опустошению.

Подавив восстания южных округов Армении, арабская армия в спешном порядке наступает на Среднюю Армению, на город Двин, где власть находилась в руках Смбата Багратуни. Если Васпуракан встречает армию Буги серьезным сопротивлением, в Средней Армении она встречает совершенно иной прием. Вместо того, чтобы организовать единый фронт борьбы, Смбат Багратуни предпочитает отправить к Буге сына своего Ашота с драгоценными подарками и налогами за прошлые годы. Буга в мирном порядке получает от Смбата столько налога, сколько он едва ли мог собрать ценою насильственного опустошения Средней Армении. Последняя в этом отношении разоряется не меньше областей, оказавших сопротивление и вынужденных, впоследствии, силою оружия, уплатить налог.

Зиму 853 года Буга проводит в Двине, а весною двигается в северные округа Армении, которые оказывают ему упорное сопротивление. После подавления и этих восстаний Буга с армией своей вторгается в Грузию и захватывает Тбилиси, который он предаст грабежу. Встретив сильное народное сопротивление в нагорных районах Грузии, Буга вынужден направить свою армию в Ахванк. После упорных боев, продолжавшихся целый год, он покоряет Ахванк и отсюда направляется на Сюник. Возвращается он в Двин в 858 году. В конце того же года он вместе с пленными направляет в Самарру также Смбата Багратуни. Этим и заканчивается четырехлетняя карательная экспедиция Буги в Армению.

В то время как в Армении происходили эти события, Византийская армия наносит поражение арабам и, преследуя их, доходит до реки Евфрата и здесь, с южной стороны Армении, в 856 году захватывает ряд округов с городом Амид. Халифат не мог не учесть опасности, которая угрожала границам Армении, тем более, что в это самое время восстания крестьян и рабов внутри халифата, равно как и взаимные распри наместников, довели его военные силы и его самого до состояния полного упадка. Все это заставляет халифат изменить свою политику в отношении Армении, и он отзывает Бугу. Правителем Армении с широкими полномочиями и правами Буга назначает вместо себя сына Смбата Багратуни — Ашота; сам же в 856 году возвращается в Самарру.

После пленения Ашота Арцруни княжескую власть в Васпура-

кане берет в свои руки Гурген Абурелдж, который ведет в горных частях края против арабов партизанскую войну. Сохранить свои поместья и права к тому времени сумели также ишханы Спера, Тайкя и Сюника.

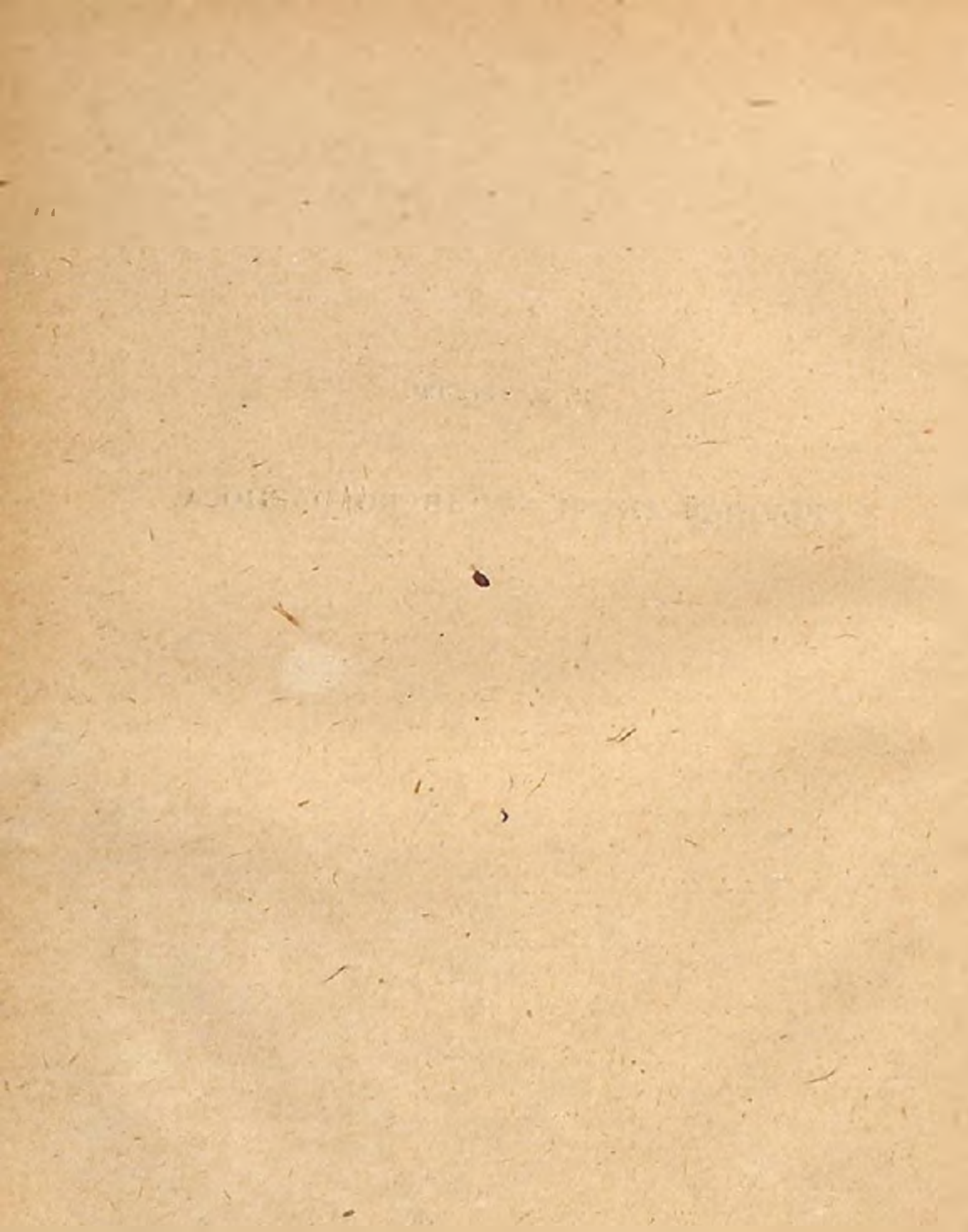
Дальнейший ход арабско-византийских войн заставляет халифат еще боле смягчить свою политику в отношении Армении. По возвращении Буги в Самарру халифат смягчает взимавшиеся с Армении налоги, отпускает пленных из Самарры и разрешает им вернуться на родину. С целью создать барьер против Византии, он предоставляет Армении самостоятельность. Армения же, пользуясь политической ситуацией, стремится к независимости. В 887 году, после вековой героической борьбы Армения объявляется независимой.

Со второй половины IX века Армения, таким образом, становится на путь развития своей экономической жизни и независимости. Она вступает в новую эпоху своей истории. В эту эпоху наш народ и слагает свой героический эпос «Давид Сасунский», в основу которого легли сказания о всенародных восстаниях Сасуна, Тарона и других округов Армении 850—852 гг.

перевел А. А. ПАПОВЯН.

К. В. ТРЕВЕР.

ВОДНЫЙ АНТЕН АРМЯНСКОГО ЭПОСА.

Образы античной мифологии, ряд образов русского былинного эпоса и восходящих к ним сказок, эпизоды иранского героического эпоса, не говоря о ряде еще других, с которыми, по первому впечатлению, сопоставляются те или иные образы армянского народного эпоса, — все они восходят в конечном счете к космическим мифам, которые общи всем вообще народам на определенной стадии развития мышления, на определенной стадии представлений о силах природы и явлениях жизни. Те или иные исторические и географические условия придают в среде того или иного народа одному и тому же мифу свою особую, своеобразную местную окраску.

Среди таких образов одно из первых мест в «Давиде Сасунском» занимает чудодейственная вода. Но это — не посвященный Аполлону Кастальский источник, приносящий вдохновение поэтам, не источник вечной юности, воспеваемый в легендах ряда европейских народов, это — не источник «живой воды» русских сказок, т. е. не тот ключ, водой из которого надо опрыскать убитого героя, чтобы вернуть ему жизнь. В армянском эпосе вода является той основной стихией, которая дарует героям нечеловеческие силы, а иногда является и породившим их источником жизни. Воде обязаны своим рождением близнецы Санасар и Багдасар, которых дева Цовинар зачала, испив воды из «ключа бессмертных сил». К чудодейственному ручью приходят близнецы во время своих странствий, и мудрый Санасар знает, что это — «всесильных вода; кто выпьет воды у истока ее, тот станет силен». Будучи на дне морском, «ключевой воды хлебнул и уснул»... Санасар и сразу «раздобыл, пополнил, похрабрел, покрупил, вспламенел и посмел — и доспехи надел».

И в жизни Мгера Старшего этот источник, видимо, имел определенное значение, поскольку наставляющая Давида бабка его,

Дехцун, посылает его к «молочному источнику Мгера» ((почему он молочный — в эпосе не раскрывается), чтобы из него испить воды.

Перед этим родником опустился на колени конь Джалали, указавший Давиду путь, и по его же словесному указанию юноша обрызгивает этой водой коня и исцеляет его раны, которые он сам нанес ему в нетерпеливом гневе, когда конь сделал остановку у «молочного источника Мгера».

Следуя указаниям Дехцуна, матери Мгера, Давид, напившись этой воды и умывшись в ней, засыпает (как и Санасар на дне морском), чтобы проснувшись, почувствовать, «что он стал могуч, одежды отца сделались тесны ему», т. е. по силе Давид стал более мощным, чем его отец, как, видимо, сильнее отца стал и Мгер Младший, которого Давиду не удалось одолеть в поединке. Возможно, что существовал недошедший до нас вариант эпоса, по которому и Мгер Младший испил воды из этого родника.

Молочным его могли окрестить сказители, исходя из широко распространенного сказочного образа «молочных рек», как символа богатства и изобилия, — символа, в свою очередь восходящего к представлениям первобытного человека о том, что раст и силы и человеку и животному дает молоко. Молоко же в представлении армян имеет особо важное значение и для установления связей, более тесных, чем кровные узы между молочными братьями, и для установления связей между взявшим грудь и давшей грудь, даже когда она не является подлинно молочной матерью (например, когда герой сказки обезвреживает ведьму и обретает ее помощь, прикоснувшись к ее сосцам губами).

И сейчас в Армении во многих местах молочными называются сильно пенистые и, следовательно, производящие впечатление белой воды источники, а также ключи, вода которых содержит доброкачественные (а иногда и целебные) соли, как родник по дороге из Бюракана на Анберд, в деревне Инаклу, беловатая вода которого имеет вид молока.

В «Давиде Сасунском» нашло себе отражение встречаемое и у других народов Востока представление о злых силах, которые пресекают путь к воде, селясь в горах у истоков ее. В условиях жизни феодальной Армении это представление могло поддерживаться в народной памяти тем повсеместно наблюдаемым явлением, что замки феодалов строились главным образом в тех местах, на вершинах или склонах гор и на утесах, владение которыми обеспе-

чивало держание воды. Этим, очевидно, и объясняется тот факт, что в эпосе Белый Дэв, который пресекает воду и обрекает на гибель народ, называется царем Хлата.

С другой стороны, известно, что жертвенные моления совершались и статуарные изображения ставились не только благим силам природы, но и силам злым — для умилостивления их и для отращения их вредоносных чар.

Не являются ли в таком случае каменные изваяния вишапов у водных источников — не изображениями почитаемых покровителей оросительной системы, а своего рода апотропеем, отводящим зло от водных истоков самым своим присутствием, которое должно помешать другим злым силам, вроде Белого Дэва или вишапа Зеленого города, залечь у источника воды и поставить под угрозу орошение.

Не следует ли в таком случае видеть в статуарных изображениях вишапов отражение стадии более поздней, чем представление о вишапах, как о божествах добрых?

Ведь, например, и в Китае дракон, являясь первоначально благим божеством водного начала, становится затем символом управления и символом императорской власти и изображался на императорском гербе, как он изображался и на царских штандартах Сасанидов. Ведь пехлевийская историческая повесть VI в. о деяниях Арташира Папакана (Карнамак) тоже рассказывает о царе в образе дракона Хафтабохта, с которым борется Арташир и который, несомненно, является никем иным, как последним Аришакидом, Артаваном V, т. е. здесь мы в исторической обстановке имеем повторение эпического образа Белого Дэва — Хлатского царя.

Аналогичные явления известны и по преданиям западных народов, у которых дракон тоже становится царем, не исключая, может быть, и того полулегендарного Дракона, имя которого связано с первыми законодательными актами Греции.

Возвращаясь к армянскому эпосу. Итак все герои его, начиная от прадеда Санасара, обязаны своим происхождением воде, для всех четырех вода является той родной стихией, от которой они черпают свою сверхчеловеческую мощь.

В греческой мифологии титаны — тоже существа, наделенные сверхчеловеческой силой, — являлись детьми тоже одной из стихий, а именно — земли в образе богини Гей. Одного из них, Атланта, как известно, не мог одолеть Геракл, так как титан от каждого при-

косновения к земле, породившей его, черпал новые силы для борьбы. — и оселить его Геракл смог только тогда, когда он оторвал его от земли и поднял на воздух.

В условиях жизни Греции, страны островов и изрезанного морем материка, страны, богатой водой, но весьма бедной землей, — производительницей хлеба для человека и травы для скота, — основной и родной стихией титана является земля, его породившая.

В стране, бедной водой, в стране, где от наличия или отсутствия воды зависит наличие или отсутствие хлеба, наличие или отсутствие пастбищ для скота, — в Армении основной и родной стихией ее титанов является вода, их породившая.

В Греции титанов порождает благая земля (только позднее, в *Метаморфозах* Овидия их отцом называется Посейдон), в Армении ее титанических героев порождает благая вода, причем количество испитой матерью оплодотворяющей воды (одна полная горсть и еще полгорсти) определяет дальнейшую судьбу героев, из которых Санасар рождается полновесным или полноценным, а Багдасар не полновесным, т. е. совершенно то же, что соответствует в реальной жизни результатам полноценной или неполноценной полновки.

Мишулин в своей статье «Миф об Антее у древних авторов» (*Вестник Древней Истории*, т. 1 (2), 1938 г.) указывает на задачи, стоящие перед исследователем образа Антея. Одна из них, бесспорно, представляет большой интерес: выяснить, «как Антей изображается в мифологических представлениях о «сыне земли» у народов СССР». Воспетые армянским народом герои, сыны воды, частично отвечают на этот вопрос. Что же касается второй, поставленной Мишулиным задачи, то самая постановка ее: «разрешить проблему восточного происхождения мифа, или, по крайней мере, связей его с восточной мифологией», является более чем спорной, поскольку представление о сыне земли или иной стихии у каждого народа должно было возникать самостоятельно и самостоятельно восполняться в те или иные образы. Ведь сложение образа титанов восходит к тем отдаленным временам, когда нет возможности делить человечество на восточное и западное; возникали эти образы в среде примитивного человечества, которому эти силы природы обеспечивали существование.

Не о «восточном происхождении» мифа об Антее, не о заимствовании его античным миром с Востока, а о сходстве в путях раз-

жития мышления народов Востока и народов Запада следует гордиться исследователю.

Итак в образе четырех героев армянского эпоса мы имеем дело с образом, воплотившим, как и Антей, представление о силе, которую дарует родная стихия, если с ней поддерживать неразрывную связь.

В наш век, когда человек подчиняет себе и землю и воду, в полном подчинении у которых находились герои Эллады и герои древней Армении, в наш век победившего социализма, родной стихией, порождающей и растящей героев, является уже не вода и не земля, а люди, подчинившие себе обе стихии, те широкие массы народа, о которых, приводя миф об Антее, сказал Н. В. Сталин: «Связь с массами — укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс, — вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства... Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми. В этом ключ непобедимости большевистского руководства».

Силу связи с родной стихией, которая поддерживает и умножает мощь героя, сына этой стихии, изобразили в прекрасной и неуязвимой форме древние мифотворцы и рhapsоды Эллады, заставив нам образ Антея, и мифотворцы и сказители Армении, дошедшие до нас полный жизни четырехединый образ сасунских героев.

А в наши дни героической борьбы за счастье человечества, когда с каждым днем все более четко и ярко выковывается тип героя, нашего советского героя, в наши дни, нет сомнения, закладывается основа для того будущего эпоса, который тысячелетиями будет звучать в устах народов.

В этом эпосе освобожденные и победившие народы Советского Союза, приведшие к исполнению мечту Мгера, будут поспевать титанические подвиги своих героев, рожденных Октябрем, тех героев, которые умножают свои силы неразрывной связью с родной стихией — миллионами остальных строителей нового мира. И этот будущий эпос, несомненно, отразит единую сущность и единую волю многих тысяч героев наших дней.

А. В. БАНК.

**ДИГЕНИС АКРИТ ВИЗАНТИЙСКОГО ЭПОСА
И ДАВИД САСУНСКИЙ**

Завоевания арабов, одинаково грозные для стран Запада и Востока, вызывали часто бурный отпор со стороны покоряемых ими народов. Знаменитая битва при Пуатье (732 г.), столь прославившая имя короля Франков — Карла Мартелла, была не единственным фактом, говорящим об яростном сопротивлении завоевателям.

Сила народного сопротивления воплощалась в образе непобедимых героев, память о которых жила и продолжает жить столетия, передаваемая из поколения в поколение устами сказителей и певцов. Так живет в толще французского народа имя неподкупного и бесконечно смелого рыцаря — Роланда, павшего смертью храбрых в неравной борьбе с сотнями и тысячами врагов; так дорог испанскому народу постепенно видоизменявшийся образ национального героя — Сида.

Не менее популярен и широко известен у греков, особенно среди жителей Малой Азии — Василий Дигенис Акрит. Этот герой византийского эпоса, которому (как и героям Давилова цикла) пытались найти точное историческое соответствие, быть может, никогда реально не существовал, однако воплощал черты, характерные для витязя X—XI веков, подобно тому, как отражают эту эпоху многие детали сказания и некоторые упоминаемые в нем деятели.

В противоположность армянскому эпосу, повесть о Дигенисе дошла до нас не только в устном предании, но и в старых литературных обработках, сохранившихся в ряде рукописей XIV—XVII веков, быть может, восходящих к еще более древнему оригиналу*). О древности византийского эпоса и его списков говорят и те русские списки так наз. «Девгениевых деяний», которые восходят к славяно-русскому переводу, датируемому XII веком.

*) Les exploits de Basile Digenis Acritas, publ. par C. Sathas et E. Legrand, Paris, 1875.

Повесть о Дигенисе Акрите не раз, хотя и бегло, сопоставлялась в литературе со сказаниями о Сиде и песней о Роланде; однако, она может быть привлечена с еще большим основанием в параллель к циклу Давида Сасунского.

Уже самая дата зарождения византийского эпоса — X век — заставляет сближать его с развившимся в тот же период армянским эпосом. Подобно последнему, и содержание сказания о Дигенисе отнюдь не ограничивается темой борьбы с завоевателями-арабами. Василий, как обнаруживает само его прозвище, — Дигенис (что значит — двуродный) произошел от смешанного брака: он был сыном арабского эмира Мусура, похитившего и взявшего в жены после боя дочь греческого стратега из рода Дуков. Этот брак — аналогия факту женитьбы Багдадского халифа на дочери армянского царя — прекрасной Цовинар-хатун; он как бы является иллюстрацией и к словам Исмил-ханум о том, что

«Ведь часто армянин арабу брат,

В гости ходят друг к другу и рады помочь».

Ведь все это — свидетельства отсутствия непроходимой грани между христианами и мусульманами, греками или армянами и арабами, которые не только бились друг с другом, но иногда вступали и в родственные и дружественные отношения.

Самое имя арабского эмира — Мусур почти совпадает с именами тех двух Мера-мелников, о которых идет речь в армянском эпосе, несмотря на все различие в их характеристике.

Подобно Мгеру и Давиду, Дигенис очень рано и быстро развивается. Согласно одной из недавних записей, произведенной на острове Кипре, он в годовалом возрасте схватил меч, в два года — копье, а в три — победил взрослого вояку. По другим старым литературным обработкам, Василий в 12 лет обладает силой взрослого человека и просится на охоту на диких зверей. Приводятся слова отца, говорящего, что он еще молод для такой охоты, что ему следует подождать, подрасти. Так же отговаривает еще более юного Мгера Дехиун-цам:

«Мгер,

Ты еще мал — на охоту ходить,

Ты обожди несколько лет,

Ты подрасти сперва»...

Но, подобно Мгеру, Дигенис настаивает на своем: он встречает медведя, которого хватает за пасть и убивает ударом кулака; он так же, как и Мгер, ловит руками оленя и разрывает его пополам; он, наконец, таким же образом встречается со страшной львицей и разрубает ей голову до плеч при помощи меча.

После охоты Дигенис направляется помыться к холодному источнику, который обладает чудодейственными свойствами, о чем особенно отчетливо свидетельствуют указания русских списков: «Во источнице бо том светла вода, яко свеща светится, и не смеяша бо к воде той от храбрых прийти никто, понеже бяху мнози чюдеса в воде той, змей велик живяща»^{*}).

Этот ручей таким образом напоминает те чудесные источники, которые играют столь значительную роль в армянском эпосе, те ключи, которые иногда так же охраняются фантастическими чудовищами.

После своих охотничьих подвигов Дигенис ищет встречи с апелатами — своеобразными разбойниками, наводившими ужас на жителей пограничных областей Малой Азии. Он побеждает и укрощает этих могущественных людей и после этого похищает замечательную красавицу — Евдокию, запертую в тереме-гинекее завистливым и свирепым отцом ее — Дукой. Многие рыцари, помогавшиеся руки этой девушки, платились жизнью или оставались изувеченными, и только один Василий Дигенис добивается ее взаимности, причем в некоторых вариантах Евдокия, подобно Хандут-хатун, сбрасывает Дигенису яблоко в знак своей благосклонности.

Вслед за описанием погони стратега во главе с богатырем Сарацином и схваткой Василия с тремястами воинами, из числа которых он падает братьев девушки, — идет рассказ о примирении Дигениса с ее отцом и о свадьбе, длившейся целых три месяца.

Далее Дигенис отправляется на границу своей страны, почему и получает прозвание Акрита (что значит — пограничник) и там, в долине Евфрата, производя бесчисленные набеги на сарацинов, он истребляет их отряды и обеспечивает спокойную жизнь пограничному греческому населению. Но Василий сражается не только с сарацинами и апелатами, он побеждает страшного трехголового дракона, изрыгающего пламя и молнии и сотрясающего землю, он снова борется со львами, которых разрывает на части, и, наконец,

^{*}) Девгенисово деяние. Сборн. Отд. Русск. Акад. Наук. том 99. 1922.

встречается с непобедимой девушкой-воительницей, которую признали к себе на помощь апелаты.

Эта красавица, по имени Максимо, носившая крепкий панцырь и дорогое роскошное платье, имевшая за поясом меч и у седла ятаган, державшая в руке серебряный щит, украшенный изображением льва, — была так же побеждена и обезоружена прекрасным витязем. Подобно Хандут-хатун, она поклялась, что не позволит приблизиться к себе мужчине, который ее не победит и не превзойдет в мужестве. Побежденная Максимо пленила Дигениса и он изменяет любимой жене. Хотя в сказании и говорится о дьявольском навождении, искусившем героя, как о нем упоминается в другом аналогичном случае, однако, тут же делается оговорка о цветущей молодости, которая влечется к уладам любви и этим оправдывается герой.

Акрит кончает жизнь в прекрасном дворце, построенном на берегах Евфрата, куда шлют ему дары многие знатные правители и среди них сам император. Он умирает в возрасте всего 33 лет, одновременно с женой, которая, согласно некоторым вариантам, задымляется в его объятиях. Смерть его вызывает скорбь со стороны всего населения страны, а греческий народ, населяющий и по сие время берега Евксинского понта, ждет, что Дигенис подымется из гробницы и отомстит иноземцам-завоевателям. Неподалеку от города Трапезунда показывают могилу Акрита и туда носят матери новорожденных детей с целью предохранить их от дурного глаза.

Таково содержание греческого эпоса, таковы некоторые черты, сближающие его с циклом Давида Сасунского. Но здесь нельзя искать какого-либо непосредственного воздействия одного эпоса на другой. Многие из приведенных черт свойственны и другим эпическим сказаниям, в частности русским былинам. Их порождала сходная идеология, созданная в близких условиях общественного развития.

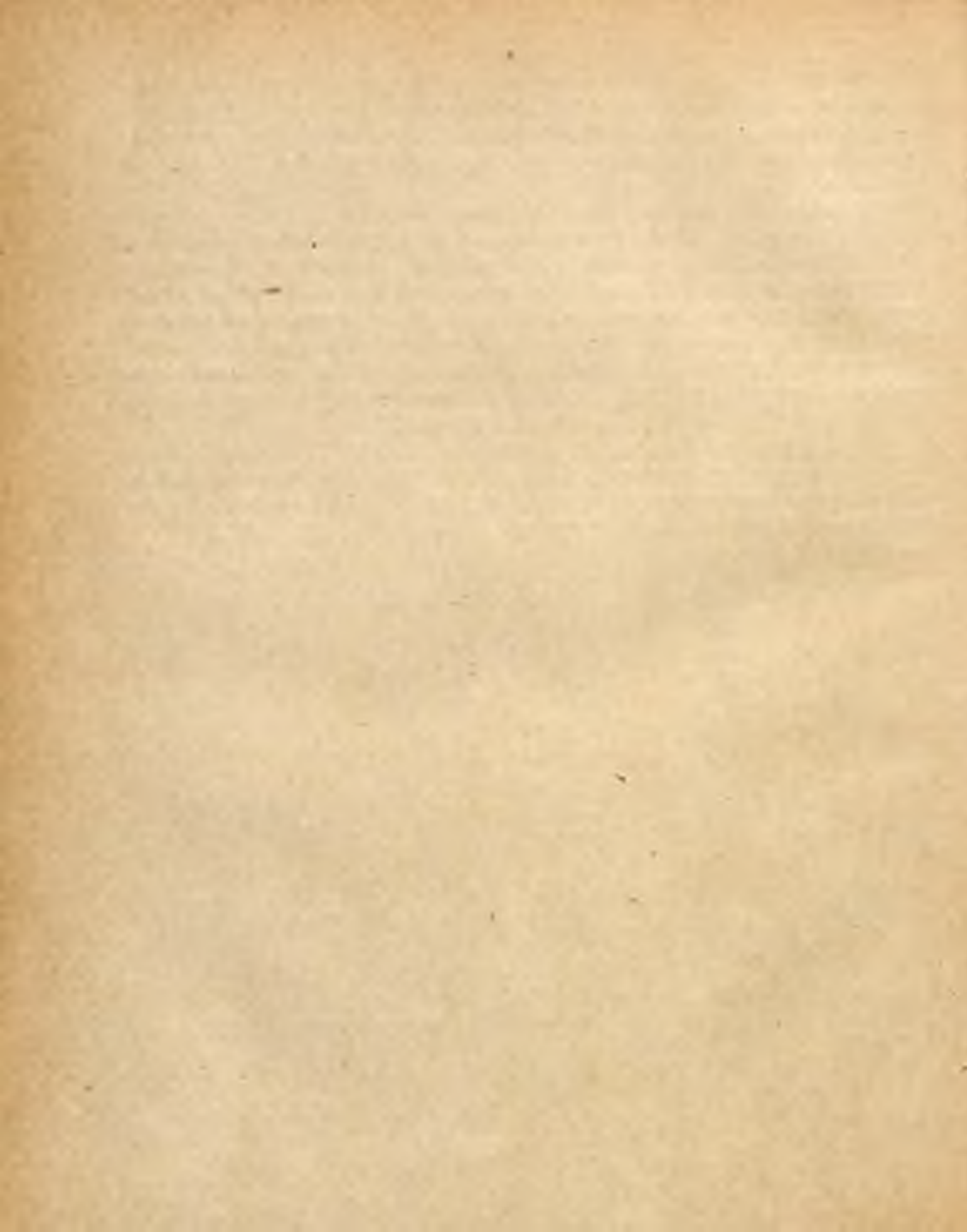
При всех элементах сходства здесь, несомненно, больше черт различия, проявляющихся в самом духе, и самом образе мыслей породившего эпос народа. Это выражается прежде всего в том, что корни армянского эпоса восходят к гораздо более отдаленному времени, к иной стадии общественного развития с идеологией, несущей ярко выраженные космические черты. Хотя в цикле Дигениса много сказочных моментов, он все же значительно больше отражает породившую его феодальную среду, он значительно ме-

нее связан с народом и не таит в себе тех замечательных предвидений и определений, которые особо выделяют армянский эпос. В этом смысле сказания о Дигенисе Акрите занимают своеобразное промежуточное место между песней о Роланде и Давидом Сасунским.

Говоря это, следует помнить, что повесть о Дигенисе известна в настоящее время преимущественно (как указывалось выше) на основании старых литературных обработок. Можно ли сомневаться в том, что эти обработки феодализировали и приглаживали народный эпос, что они во многом «облагородили» и изменили первоначальный характер сказаний. Что это так, — говорят те сравнительно недавние записи живущих в устном предании народных песен Кипра, Понта и Греции, которые сохранили значительно большее количество любопытных сказочных деталей.

Дело изучения эпоса, связанного с именем Дигениса Акрита, еще далеко не закончено; работа по выяснению первоначальной редакции должна продолжаться так же, как должно шириться и развиваться углубленное изучение великого армянского эпоса.

2 августа 1939 г.

Заслуженный деятель искусств ГАРЕГИН ЛЕВОНЯН

**АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ
ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»**

(VIII—XII века).

Эпоха эпоса «Давид Сасунский» — один из важнейших этапов в истории армянского народа. Именно в этих веках армянский народ повел героическую борьбу против владычества арабского халифата и вновь добился независимости. Именно в этих веках армянский народ пережил второй период своего культурного подъема. Наша задача — описать культурную жизнь Армении в период создания эпоса и последующие века, показать международные культурные связи армянского народа, взаимоотношения культур армянской с культурами других народов.

В первую очередь считаем необходимым говорить о взаимоотношениях арабской и армянской культур в период арабского владычества.

АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА.

Все те страны, которые в 7—8 веках подпали под владычество арабского халифата, проявили свои максимальные возможности для обслуживания культурных запросов государства. Арабская культура образовалась именно от прививок культур Персии, Сирии, и других стран Малой Азии, даже Египта и Испании.

В завоеванных странах, среди подвластных себе народов, халифат в первую очередь распространял магометанство и, распространяя магометанство, халифат внедрял «священный» язык корана — арабский язык и арабскую азбуку. Арабский язык и письменность стали для этих подвластных стран международным языком: к этому надо прибавить и то, что арабские монеты, наряду с византийскими, имели хождение как в других странах, так и в Армении.

«Арабская культура» за эти века значительно повышается своим уровнем, арабская литература становится одной из богатейших литератур мира. Историкография, поэзия с богатой рифмой, выдающиеся поэты, философия с переводами греческих научных произведений, география, математика (среди которого алгебра считается арабским изобретением, так же, как и арабские цифры, ныне употребляемые почти по всем мире) в большой степени возвышают обаяние арабского халифата в средние века.

Медицина, астрономия, алхимия — все это имело свое особое место в культурной жизни арабов.

Теперь о культурных взаимоотношениях арабов и армян.

НАУКА.

Отсутствие армяно-арабского культурного сближения заметно. Никаких данных нет, что юноши Армении ездили в Дамаск или Багдад для изучения арабских наук, как бывало ездили, скажем, в Рим, Константинополь. Число армян-арабоведов весьма невелико (Гр. Магистрос, Нерсес Класни, Мхитар Гераци...).

Следует отметить отсутствие арабо-армянского словаря. Из взаимно-взятых — переводных трудов числятся пособия: по медицине, врачеванию, фармакологии. Известны: Мхитар Гераци, Амир Довлат, Буннат и Асар Себастианцы и др.

Имеется одна «Врачебная книга», переведенная с таджикского на армянский в царствование победителя царя Гагика (Гагик I Багратуни 989—1020).

Есть «Лечебник коня», вывезенный из Багдада царем Этумом (13-ый век).

Имеется также перевод «О камнях и их лечебных свойствах».

АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ И РАЗНЫЕ ПОСОБИЯ.

Имеется книга «Об искусстве солнца и луны». Эту книгу тот же царь Эгум привез из Багдада и дал перевести.

Имеется также рукопись перевода с арабского «О ковке сабли», как и небольшие труды, касающиеся алхимии.

По приглашению Васпураканского царя Сенекерима (1003—1024)

из Багдада в Ван переехал арабский философ Коста Багал-бекци, жил годами и умер в Армении. Царь на его могиле воздвигнул великолепный мавзолей (Н. Марр, Ани, 36). Какие труды оставил этот философ, чью память захотел обессмертить царь Сенеке рим, — неизвестно.

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА.

Средневековая армянская переводная литература, как известно, богата классическими трудами, переведенными с греческого, латинского, сирийского, еврейского и других языков, хотя они в большинстве представляют религиозные, богословско-догматические, проповеднические и тому подобные труды.

Мне известны три перевода корана на армянский язык: один в Эчмиадзинском книгохранилище, другой в Берлинской императорской библиотеке, оба находятся в рукописном состоянии. Третий перевод, напечатанный в ограниченном количестве, сделал Абр. Амирханян в последней четверти прошлого века.

Из арабских летописцев отрывки, касающиеся Армении и армян, переведены за последние 70 лет. В том числе:

Мортман: «Отрывки из истории Армении, взятые от арабских летописцев» перев. Карпет Ютучян, К. Полис. 1874 г.

Мкртич Казарян: «Арабские летописцы об Армении».

Баграт Халатян: «Арабские историки об Армении». Вена, 1919 г.

Переводы на свои языки из арабских историков имеют также западные ученые. Вот, например, слова одного историка о столице Армении — Двине, с цитатами германского ученого А. Крамера (перевод К. Езяна) «По свидетельству летописца Истахра... Город Двин являлся резиденцией начальника края в Армении — был многолюден и имел оживленную торговлю».

Я приведу также два небольших образца из книги Халатяна о том, как эти историки описывают происходящие в Армении события.

«Князья Армении жили в своих странах, и каждый из них заправлял свою область. Когда прибывал сюда халифский востикан, те старались слобрить его сердце, и если он поступал с ними честно, то строго, то они платили ему дань, в противном же случае все-

народно (публично) обругивали его и игнорировали его приказ». (Беладзори, стр. 63).

«Помощник Юсуна—Ала—и—Ахмад прибыл в монастырь. Сисакан, который известен под названием Бажакац монастырь, жителями Армении уважаем и служит обителью попомничества. Ала разграбил все достояние и начал притеснять князей. Последние, увидев свое невыносимое и ужасное положение, начали письменно общаться друг с другом, возбуждая один другого к непокорности и восстанию. Тайно направили посланцев к Хутцам (хутовцам—известные варвары под названием сложоязычные), которых побудили напасть на Юсуна, ибо последний увел в плен их князя Баграта. Каждый из князей и вельмож страны в помощь им послал конные и пешие полки. Хутовцы (хутцы) напали на Юсуна в Тароне. Пока люди Юсуна находились в селах, они убили его и захватили всю его армию». (Беладзори, стр. 65).

Хутовцы и в армянской историографии известны своей «сложноязычностью». Хутовец Овнан (герой романа Церенца «Еркунк» Муки рождения). — историческая личность, его упоминают также арабские историки.

В области переводной историографии, в свою очередь, взаимно в VIII веке арабами-христианами переведены труды армянского историка Агатагехоса (Агафангел).

АРМЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ТОЙ ЖЕ ЭПОХЕ.

Еще в VII веке в своих исторических трудах о первых нашествиях арабов на Армению высказываются Себеос и Мовсес Каханкатваци. Как эти авторы, так и последующие историки не пишут араб или арабец, а агарянин, измайльтянин, сарацин, талжик.

VIII век

Гевонд. Он — первый из армянских историков, чьи исследования (повествования) полностью охватывают ранний период арабского владычества. Книга называется «История появления Махмеда и его преемников». Труд начинается с 661 года и кончается 783 годом, охватывающий период в 122 лет. Будучи очевидцем

многих зверств и разорений, примененных иеранльской нацией в Армении, огу эту нацию характеризует не иначе, как беснующейся, свирепой, кровожадной.

В истории Гевонда довольно крупное место занимает также переписка между византийским царем Левоном Исаврийским и арабским Эмиром Омар II вокруг религиозно-догматических вопросов.

В VIII веке известными авторами являются Ован Оциеци, по прозванию философ, и Степанос Сюнеци. Труды как одного, так и другого, будучи заняты разбором философских, религиозно-церковных вопросов, быть может, и не безынтересны для изучения интеллектуальной жизни своего времени.

Ован Оциеци (католикос)—та личность, которая для облегчения ярма, приданного шею своей «наставы», иначе говоря армянского народа, добрался до самого Дамаска, представился Эмиру Омару и после торжественного приема вернулся, получив лишь хорошие обещания.

IX век

Шапух Багратуни — веками утерянный летописец. Его предполагаемое произведение в ибелдинских годах обнаружено в рукописном отделе Эчмиадзинской библиотеки и сдано в печать в 1921 г. Заглавие этого труда — «Повествование Шапуха Багратуни». В историографическом отношении этот труд особой ценности не представляет, тем более, что об армяно-арабских взаимоотношениях, за исключением нескольких единичных данных, ничего важного не содержит в себе.

Ованнес Драсханакертци — один из наших выдающихся историков средневековья, современник и очевидец арабских нашествий. Он в своей летописи оплакивает судьбу Армении.

Автор, с одной стороны, с радостью отмечает могущество династии Багратуни, с другой стороны, с болью констатирует «отсутствие единодушия у нации», наличие в стране междоусобиц и, следовательно, бессилие сопротивляться внешним врагам.

Товма Арируни — историк времен царствования Арируниак в Вазпуракане. Подробно описывает политические события, войны Буга, строительство, проведенное Гагиком Арируни. Особый интерес представляют сообщения летописца о Сасуне и сасунцах.

Степаниос Таронаци (Асохик)—свою «историю вселенной» разделил на три части, или, как сам говорит, на три «раздела». Первый отдел он начинает с потопа, вкратце перечисляет дела царей Египта, Иудей, Ахеменидской Персии, пользуясь источниками библии и своих предшественников-летописцев. Во втором отделе приводит историю эпохи Сасанидов и армянских Аршакуни, включая также первые взаимоотношения Византии и арабского халифата с Арменией. Летописец более самостоятелен и ценен в третьей части своей истории, как ближайший современник, а затем очевидец происходящих событий, доходя до 1004 года. Тут значительное место занимает династия Багратуни, ее борьба против надвигавшихся с востока и запада внешних врагов, описание ряда мученичеств. И все эти бедствия, по словам летописца, за наши грехи.

Ухтанес. — Этот автор для армянской историографии представляет второстепенную ценность, во-первых, потому, что первую часть своего труда также начинает с потопа и повторяет полуполюгендарные сказания других летописцев, во-вторых, — он неполон, утрачены половина II части труда и IV часть целиком. В печати в виде второго отрывка уделено место труду этого автора «История отделиения армян и грузин».

Первый и единственный труд Ухтанеса (Вагаршанат, 1871 г) переведен и напечатан на французском языке. Раньше этого издан усилиями В. Броссе в Петербурге 1870 г.

В X веке мы имеем и другого историка, по имени Месроп Ерец. Приписываемое ему «Поведение Нерсеса Партев» спорно, — затем, автор имел под рукой и ныне утраченное исследование под непонятным заглавием, «Армянских остатков восточных летописей», повидимому, весьма интересное и пространное, откуда, по словам самого же автора, он делал выдержки. По всей вероятности, из этого же труда Месроп использовал несколько отрывков в разных вариантах из 15-ой главы истории Фавстоса (Флуэста), где описывается трагедия убийства Гисла.

В этом веке своими духовными речами, комментаторскими произведениями и молитвами известны Хосров Анцеваци, Аниана Нарекаци и его сын Григор Нарекаци.

Аристакес Ластивертци.—Единственный и общеизвестный историк этого века. Его труд — скорее трагедия, чем история. Повествует о нашествии полчищ арабских, а затем сельджукских тюрков на Армению.

Историк был очевидцем бедственных дней Ани, предательских действий нескольких князей, католикоса Петроса и заключения молодого Гагика II в Константинополе. Сравнивает прошлые счастливые дни столицы с горькими, жестокими днями своего времени.

Историк был современником крестьянского движения тондракийцев. Он в своем труде посвятил целую главу этой «сенте», которая «показалась в области Арк и возмутила многих».

Григор Пахлавуни — князь, по имени Магистрос. Один из замечательных личностей армянского средневековья, родом из Бжни, получивший высшее образование в Византии, философ, филолог, поэт, грамматик, ритор, лектор и т. д., политический—государственный деятель, злейший враг тондракийцев и их усмиритель, одна из крупнейших личностей клкики византофилов, вместе с Вест Саркисом — противник национальной партии (Гагик II и военачальник Ваграм).

Ластивертци пишет о Григоре Пахлавуни: «муж мудрый и разумный...»

Из оставленных Магистросом трудов замечательны его письма, написанные известным лицам своего времени. Эти письма (числом 87) содержат в себе множество научных, философских, религиозных, догматических вопросов, которые для изучения армянской научной мысли в средневековье могут являться богатым материалом.

Григор Магистрос был лично знаком и поддерживал связь с эмиром Двина — Мануче (по национальности курд) сыном Абул-гара, который, как известно, был господарем и управителем Ани. Этот молодой вельможа был благовоспитанным и любознательным человеком. По словам летописцев, однажды он выражает Магистросу свое удивление о том, что ветхий и новый заветы написаны так ясно и просто, а не по некоторым рифмическим законам, как это сделано в Коране. Магистрос отвечает, что рифмование — дело человеческого искусства, божественное слово в этом не нуждается, и дает обещание за несколько дней в рифмованном виде изложить ветхий и новый заветы. Так и поступает: за 3 дня пишет 1000 строк

стихов и представляет Мануче, вызвав у последнего большое удивление.

ХII век

В истории армянской литературы этот век назван серебряным, уступая лишь V веку — золотому веку. И действительно, появившиеся в этом веке ряд замечательных лиц обогатили средневековую литературу произведениями различного рода и характера. Однако, необходимо здесь отметить одно важное обстоятельство. В Киликии было основано и укрепилось в этом веке колониальное государство князей Рубинянов. В начале века туда был переведен из Антион армянского католикоса. Армянская научная, культурная жизнь разделилась на две крупные части и ютилась в монастырях. С одной стороны, ученый дьякон Ованнес своими речами, посвящениями, летописью, Самуел Анкийский и Маттеос Ураеци своими историческими трудами и Мхитар Гори своим законником, а с другой стороны, Нерсес Шнорали (Благодатный), Саркис Шнорали и Нерсес Ламбронаци и другие незначительные историки своими речами, богословской, методической и другой схоластической литературой. Как в одной, так и в другой стороне у некоторых авторов замечается постепенное упрощение языка, приближение к народному. Принадлежавший к высшему духовному званию такой автор, как Нерсес Шнорали, в своих «Всеобщих письмах» высказывает такие мысли и по адресу князей говорит такие слова, что до того не слышно было от лиц этого класса.

«Не урезывайте самовластно вознаграждение за труд; принуждая оплачивать непосильные налоги, а судите по закону, каждого по его силам».

«Никого из людей не лишайте и не притесняйте бедняков и немощных».

«Тех людей, которые служат под нашей властью, не заставляйте работать, как бессловесных животных».

«Не поступайте несправедливо с покорными вам людьми, пусть будет достаточным и то, что их трудом богатеете и чрезмерно тучнеете».

Как видно, некоторые из князей, присоединясь с ворами или составив разбойничьи шайки, устраивали засаду на тех дорогах, по

которым обычно возвращались домой получившие следуемую им плату труженики, и грабили их.

Художественная литература за взятый нами период имеет своего крупнейшего представителя в лице Григора Нарекаци, затем Григора Магистроса и Нерсеса Шнорали. В произведениях двух последних заметна форма арабского стихосложения, окончание строк всего произведения одинаковыми рифмами наводит скуку на читателя.

«Ахвесагирк» (Лисья книга) Вартаана Айгеки и «Аракагирк» (Басеник) Мхитара Гоша являются жемчужинами нашей средневековой народной литературы. «Ахвесагирк» (XII век) переведен на арабский язык (см. Н. Марр «Сборник притч Вартаана»).

Нам неизвестно — переведено ли что-нибудь из арабской средневековой художественной литературы и хранятся ли в рукописном виде в наших книгохранилищах? Однако, известно, что Шахнаме изустно читалось и распевалось в Армении. Об этом свидетельствует Константин Ерзнкаци.

Наряду с персидскими былинами, гусаны в древней Армении распевали также арабские романы и поэмы, «Тысячу и одну ночь» и «мугилн» сознание армян-христиан. Об этом высказывает свое недовольство один из монахов Венецианских Мхитаристов.

«В таких условиях для армян были новостью эти арабские и персидские поэмы..., которые волшебным и чародейским искусством завладевали вниманием не только невежд, но и просвещенных (и) которые унижали христианство и возвеличивали язычество. Новы были те рыцарские и любовные действия, которые почти каждый день всеми чарами исполнялись перед их глазами». (Базмавен, 1893, стр. 19).

Если жившие в конце 19-го века в Европе армянские монахи так подходили к эпосам наших соседних народов, то что же мы могли ожидать от живущих в средних веках монахов в нагорных районах Армении.

Ведь они не записывали даже родные эпосы и легенды, или же хотя-бы созданию в их время героическую поэму о Сасунских храбрецах.

Считая сказанное достаточным об историографии и литературе, перейдем к искусствам за те же периоды.

АРХИТЕКТУРА.

Если для армянской классической литературы 5-ый век по праву считается золотым веком, то в армянской архитектуре золотым веком нужно считать 7-ой век. За это столетие в Армении воздвигнуто множество таких великолепных зданий, которые приносят славу нашему строительному искусству. Развалины Звартноца, Рипсимэ, Гаянэ, Мрена, Талина, Аруджа, Птгик, Текора, Мастары, Аламна и многие другие дивные памятники свидетельствуют о гении армянских строительных мастеров.

Армянская архитектура в 7-ом веке как в количественном, так и в качественном отношении достигнув такого пышного расцвета, в 8-ом веке сразу падает. Этот период совпадает с периодом полного арабского владычества в Армении. Мы затрудняемся, даже не можем указать хоть в малой степени ценный архитектурный памятник, оставшийся от этого века. Так бесплодным остается армянское строительное искусство до середины следующего, 9-го века, когда оно постепенно начинает развиваться, стремясь достигнуть своего бывшего величия. Архитектурными работами этого переходного периода считаются невзрачные церкви Аракелок (апостолов) на Севане и св. Карапета, храмы св. Мариины, Норадусской Богоматери, Всеспасителя Ширакавана и, хотя спорный — храм Провосветителя в Аридже.

С конца века и с первых десятилетий 10-го века начинается эпоха возрождения армянской архитектуры, политическая жизнь Армении приобретает новый облик, ослабление арабского владычества, основание царств Багратуни и Арцруни, расцвет материального благосостояния народа способствуют созданию и развитию культурных мероприятий. Эти царства так же, как и царства Карсское и в недалеком будущем — Лорийское, как бы в порядке доброй зависти и соревнования красивыми зданиями украшали свои территории. Ани же, будучи более богат и являясь торговым и культурным центром, памятники архитектуры доводит до еще большего развития. Знамениты городские стены Ани этого периода, церковь Аракелок (Апостолов), главный собор (архитектор Трдат), в Карсе — церковь Аракелок царя Аббаса, в Ахпате и Санатпе — церкви Св. Пшана (Знамения) и Аменапркич.

За этот же период Гагик Арцруни приступает к строительной деятельности, воздвигнув на Ахтамаре великолепный храм св. Кре-

ста, украшенный многообразными барельефами (архитектор Мануел).

В следующем, 11-ом веке воздвигаются армянские архитектурные памятники в Ани: великолепная церковь царя Гагика I по типу Звартноц, церковь Спасителя, Мармашен, св. Богоматерь в Бжшн (Гр. Магистрос), Агардцин, монастырь Нарека, Багнайр, известная крепость Махлеса, палаты, мосты и другие гражданские здания.

Перечисленными нами тут зданиями не исчерпываются, конечно, архитектурные памятники указанного периода, их, говоря без преувеличения, можно удесятерить. Однако, наша цель не в том, чтобы дать историю армянской архитектуры; полагаем, что нам сегодня необходимо определить: имеется-ли какое-либо влияние арабской архитектуры на наше строительное искусство средневековья?

Во всеобщей истории искусств нет термина арабская архитектура, а есть термин мусульманская архитектура, ибо сами арабы, как народ, если и создали свою богатую литературу, то не создали самостоятельную архитектурную конструкцию. Арабы лишь, разукрашивали мусульманские здания; их искусство в подавляющем большинстве — декоративное искусство. Колоннады в зданиях кажутся не опорой для потолка или поддержания тяжести сводов, а лишь украшением. Вспомните великолепные в художественном отношении мавританские здания.

За время Омарских эмиров, повидимому, христианам строжайше было запрещено строить новые церкви (вспомните 8-ой пак Армении). Это запрещение доказывается разосланными эмиром Омаром правителям армянских городов приказами («доготорные бумаги»). А Кремер, взяв у арабских историков этот приказ, поместил его в одном из своих трудов.

Что же касается подвергавшихся в этот период ограблению и разгрому воздвигнутых уже церковей, об этом говорят армянские летописцы.

Мхитар Айриванеци, а переняв у него — Киракос Гандзакеци свидетельствуют, что церковь Звартноц «разорена таджиками».

За время многовекового владычества построено-ли в Армении какое-либо «арабское здание?». Мы знаем в Ани лишь минарет, и тот связан с именем Мануче (как выше было сказано. Мануче по национальности — курд). Арабы сами свои мечети строили в византийском стиле, а дома — в персидском.

ЖИВОПИСЬ.

В 7-ом веке арабы, как семиты, и своей новой верой—магометанством, были против изображения не только бога, но и человека, всякого живого существа. Они высмеивали христиан, называя их идолопоклонниками. И действительно, в восьмом веке иконопочитание превращается в иконопоклонство, возникают две партии: иконолюбцев и иконоборцев. Когда арабы продвигаются вперед и захватывают Армению и другие страны Малой Азии, то строже запрещают это «идолопоклонство». Византийский император Леон III Исаврайский в 720 году выступает со специальным декретом как злейший враг церковных икон. Римский папа, совместно с иерархией католической церкви, оказывает сопротивление. Начинается жестокая борьба между иконолюбцами и иконоборцами.

Несомненно, тут вопрос был не только догматическим, а имел свою политическую и классовую подоплеку. Именно в этих веках было, когда из народных слоев выходили отважные духом люди, составляли свои оппозиционные партии и преследовали сковывавший всякую мысль религиозный деспотизм. Такие под предлогом сектантов подвергались церковью гонению и преследованиям.

Какую позицию заняла в период этой тщетной сумятицы армянская церковь? Она была и иконолюбицей и иконофобией, смотря на политическую ситуацию, а именно: с арабскими эмирами в хороших или плохих отношениях была, на императорском троне Византии восседал император иконолюбец или иконоборец. Арабам они говорили: — «мы иконам не поклоняемся, а лишь из уважения вывесили их в наших церквах». Между тем грекам говорили: «иконы хотите — мы имеем иконы в местах нашего поклонения». И последовательно мы видим, что стенописи (фрески) с изображением святых имеются в тех наших церквах, в период постройки которых в Армении преобладала партия иконолюбцев: князья или католикосы были сторонниками халкедонского вероучения.

Стенописные изображения святых имелись в Звартноце (7-ой век), в Багревандской св. Ованеса церкви (Учкилиса), в Татевском храме, в церкви Аргина и в Анийских церквах Аракелос (Апостолов), св. Григория, св. Спасителя и Бахтахеки.

Известны несколько имен средневековых стенописцев: Саркис Бжшканц, Саркис Парчик (Ани) и Егише (Гелеванк). Для росписи

церквей приглашались художники также из-за границы. Об этом свидетельствует Ст. Орбелиян. Говоря о Татевском монастыре, настоятеле монастыря и архiereе Сюника Ахот Двинеци (Двинский) пишет, что в 930 году «пригласил художника-иконописца из дальней страны, франка (француза) по нации, и светозарные своды божественного храма разукрасил содержательно множеством картин, сверху донизу, и образ Спасителя весьма внушительного вида он написал против божественного престола, небесный свод, и внизу, вокруг алтаря лики пророков, апостолов, патриархов, весьма величественно, и все это так разукрасил, что зреющему казалось ослепительным, и никогда нельзя было думать, что все это сделано рукой и красками, а все они живы, так что смотревший приходил в ужас (поражался)».

МИНИАТЮРА.

Из армянской средневековой живописи самой богатой отраслью является миниатюра. Если церковные стенописи и иконы из-за догматических причин, веками длившейся борьбы иконоборцев не получили широкого распространения в Армении, как это имело место в Грузии или в России, то наши мастера искусства смогли свободно проявить свой художественный талант в области миниатюрных работ.

Армянские миниатюры сравнительно более изучены в археологическом и художественном смысле, чем другие отрасли живописи. Относительно миниатюр имеется ряд трудов как со стороны армянских, так и русских и иностранных ученых, однако, все же еще мало проделано в отношении того большого материала, оставшегося еще не изученным и не вышедшего цветным изданием.

Русский археолог-искусствовед Стасов, граф Уваров, из европейских ученых Броссе, Л. Дюг, Крумбахер, Зикгарт Маклер и из истории архитектуры хорошо нам знакомый Стржиговский в своих исследованиях подвергают обсуждению армянскую миниатюру, ее художественную ценность, пытаются найти наше «самостоятельное и перенятое». Вначале эти ученые, как и другие, исследуя армянские, грузинские художественные памятники средневековья (архитектура, живопись), в большей или меньшей степени выражали одну общую мысль, а именно то, что эти народы свое искусство получили от

Византии и Аравии. За время, когда наука приходит к тому заключению, что византийское искусство само по себе является смесью наносных элементов, что арабы, слишком мало принеся из своей родины в завоеванные страны, руками местных мастеров создали «арабские стили», — то вышеуказанные исследователи более умерили свое слово и уже воздерживаются спешно поставить свой диагноз.

Когда начало расцветать миниатюрное искусство среди армян — на этот вопрос никто до сих пор не ответил, т. к. до наших дней не дошли более древние рукописи, например, с 6-го, 7-го, 8-го веков. Самая древняя армянская рукопись, имеющаяся под рукой и настоящее время, написана в 887 году рукою некоего Саака Вандеци. Она была так называемым евангелием Лазаревского института в Москве, ныне находится в Эчмиадзинском Гос. Книгохранилище. Эта рукопись имеет весьма примитивные рисунки и то свод канонов в три полосы цветов — красная, желтая, зеленая; имеются также синий и темные цвета. Пьедесталы и капители колонн также составлены из полос трех цветов, иллюстраций людей или животных не имеется.

Следующей иллюстрированной рукописью считается написанное в монастыре Варага 902 г. евангелие царицы Млке. Оно находится в Венеции, в библиотеке Мхитаристов. (Млке была дочерью Шапух — брата Смбата I Багратуни и женою Васпураканского царя Гагика Ацруни).

В этой книге также нет художественных украшений на страницах, а имеются 11 страниц цельных картин, 6 фронтосписей, остальное — 4 евангелиста и вознесение Христа. В художественном отношении рисунки этой рукописи несравненно более высоки, чем у предыдущей, несмотря на то, что разница времени между ними всего 15 лет: обилие красок, применение золота на пьедесталах и капителях колонн, особенная забота в изображении людей и убранства.

Приведенными примерами не исчерпываются дошедшие до нас с 9-го и 10-го веков армянские рукописи. Число их доходит до 20, но мы специально остановимся на одной, которая удостоилась особого внимания ученых и о которой составлена литература. Речь идет об «Евангелии из слоновой кости», хранящейся в Эчмиадзине. Оно написано в Сюнике (Нораванк) в 989 году для духовника Степанноса. Писавший — Ованес. Книга так называется.

ибо ее переплет сделан из слоновой кости, с высоко-художественными изразцами. В начале и конце рукописи имеются по 4 цельных картины, в тексте в небольшом количестве рисунки, а на полях художественные украшения. Присматриваясь к стилю рисунков и искусству исполнения, сразу бросается в глаза, что эта работа не дело рук одного человека, быть может, и не одного времени.

В следующем 11-ом веке искусство миниатюры у армян совершает крупный скачок. Когда сравниваем работы этого века с работами предыдущего века, то разница получается прямо поразительная и, главное, за такой короткий период.

Правда, по количеству мало работ дошло до наших дней из этого века, но и то небольшое, что дошло, дает полное представление о прогрессе и, в особенности, о самостоятельности наших мастеров миниатюры. Из выдающихся работ этого периода в художественном отношении считаются евангелия: № 196 библиотеки Венецианских Мхитаристов, Эчмиадзинского 1053 г., Себастии — 1066 г. и Карсского 1029-64 гг. Самой выдающейся и вполне ценной работой является последнее своим многочисленными и разнообразными композициями и богатством красок (евангелие находится в Иерусалиме, в библиотеке Армянского монастыря). Эта рукопись называется «Карским евангелием», так как он написан по поручению Карсского царя Гагика Багратуни лично для него. В рукописи художник поместил также групповой портрет Гагика, его жены Гарандухт и дочери Мариам. Жаль, что какой-то варвар разрезал как этот портрет, так и рисунки многих других страниц. Рисунки книги выражены преимущественно в армянских светских формах, все образы в книге — армянского типа, рисунки реальные и не стилизованы; многочисленные и разнообразные птицы порхают на простетах (полях) книги, иногда выкливая заглавные буквы текста.

12-ый век в Восточной Армении не выявил выдающихся работ в области миниатюрного искусства. Приписать это обстоятельство политическому положению страны — вряд ли будет верным, так как в том же веке армянская архитектура находилась в состоянии расцвета и имеет множество художественных произведений. Остается лишь думать, что во время того или иного политического события утеряны рукописи данного периода. Более надежным уголком для развития искусств и литературы являлась Киликия.

Государственная, административная, как и церковная резиденции власти страны были переведены в Киликию, литература пере

живала свой «серебряный век», там в монастырях Дразарка, Скевры, Ромкы были основаны литературные, художественные школы. И наши мастера искусства, «недосягаемые писцы», художники, музыканты были сгруппированы вокруг этих школ. И вот появляется за этот период несколько замечательных работ по миниатюре, конечно, опять-таки для феодальных и княжеских, а равно и церковных высших особ, опять-таки, конечно, евангелия или духовная литература. Из этих работ выделяются: евангелия Дразарки (1113-й 1182 г. г.), Ромкы (1165), Нарек Нерсеса Ламбронийца из Скеврийской школы (1173) и евангелие, принадлежавшее семье Ламброн (1193 г.). Скевра, (Венеция, список № 125).

Высокоталантливые работы имеют в этом периоде художники Григор, Константин и Вард.

Если в Восточной Армении армянская миниатюра в первоначальном периоде носила на себе некоторое влияние миниатюр Сирии и Византии (главным образом в области лиц и их группировок), элементы персидского и индийского искусства (орнаментация и краски), то с половины 11-го века не могла не иметь влияния сельджуков, когда последние были обоснованы в Армении. Сами сельджуки в культурном отношении стояли на более низком уровне, чем страны, подпавшие под их абсолютную политическую власть (Персия, Малая Азия), но, вместе с этим, они с собой принесли из Китайского Туркестана такие элементы искусства, которые до их прихода не показывались в армянском искусстве. Вспомним хотя-бы их особые львы в архитектурных изваяниях: в миниатюрах также видны были те львы друг против друга и с опущенными меж задних ног хвостами. Сельджукскими считаются также сложные, зигзагообразные арки различных рукописей. Что же касается носящих в себе влияние миниатюр Западной Армении, тут если и имеется влияние, то это объясняется первым нашествием крестоносцев; следовательно, это влияние европейское. Это заметно на зданиях «сантилиц» и в одеяниях людей.

Послушаем, что говорят посторонние специалисты о самостоятельности и влиянии на нашу миниатюру за этот первый и последний периоды.

Русский археолог-искусствовед Вл. Стасов, заметив, что Уваров на армянских миниатюрах всегда видит византийское влияние, пишет:

«О византийском влиянии, несомненно, спора не может быть

но нельзя сомневаться и в том, что в армянском искусстве 10-го века имеются также другие сильные влияния: это обстоятельство безусловно примет и сам граф Уваров, который, исследуя Эчмиадзинское евангелие, говорит о тех сводах, которые имеют подковообразный вид. А нам известно, что подковообразные своды очень редко показываются в Византии и то после 10-го века» (Стасову неизвестно, что подковообразные арки в Армении показываются еще в 6-ом веке (Текор, Ереруйк. Г. Л.).

Граф Уваров пишет, что употребление золота в армянской миниатюре начинается со второй половины 11-го века, «между тем мы имеем образцы с 10-го века, — говорит Стасов, указывая на трапезундское евангелие, — «это удивительное творение армянского искусства». А мы со своей стороны добавим, что употребление золота было даже с конца 9-го века (см. евангелие Млке *).

С большой похвалой говорит Вл. Стасов о венецианской рукописи № 6: он находит, что византийские элементы отодвинуты и доминируют армянские с великою характерностью. Рисунки капителей и сводов он находит — самостоятельными, то, чего нет в византийском искусстве, «в особенности, лица людей чисто армянские».

СКУЛЬПТУРА.

Если в 7-ом веке армянская архитектура была исключительно развита, то ваяние, наоборот, как в качественном, а особенно в количественном отношении не была на своей высоте. Об этом свидетельствует простота конструкций: множество зданий этих веков не имеют скульптурных украшений, а лишь одна или две полосы невзрачных орнаментов на карнизах. Исключение составляют Мрен и Текор, на храмах которых наши древнейшие ваятели проявили свой талант как в портретной, так и в орнаментной скульптуре.

На фасаде северной двери мренской церкви, на четырехугольном камне ваятель высек фигуру того, кто велел построить эту церковь, а именно Давида Сааруни. Он только-что прибыл верхом на место прогулки, сошел с коня и приближается к заранее при-

*) Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб, 1886. № 7.

бывшим служителям, которые встречают его. Высеченное на правой стороне одинокое дерево свидетельствует, что люди находятся в саду или же в местности, изобилующей деревьями. Посмотрите на гордую осанку княжеского коня и на движение ноги, а фигура князя и его естественная оглядка имеют совершенно реальное представление.

На фасаде восточной стены Текорского храма высечен бюст князя Саака Камсаракана — поручителя постройки храма. Нам не удалось найти фотографию этой скульптуры.

Работой 7-го и 8-го веков считается найденный около Ани в сел. Чала красивый барельеф, изображающий всадника и двух воинов, о котором академик Иосиф Орбели говорит следующее:

«Однако, быть может, самостоятельное скульптурное произведение нужно видеть в великолепном барельефе всадника и двух воинов Ани, носящем ирано-сасанидский характер». (Брокгауз, III, 67).

Нам неизвестна какая-либо скульптурная работа с 8-го века. Работами второй половины 9-го века считаются скульптурные изображения на восточной стене над окном большого монастыря из Хор-Вирапе. В этой скульптурной группе стоит в облачении Григорий Просветитель и благословляет опустившегося перед ним на колени царя Трдата; имеются также скульптурные фигуры царицы Ашхен и Хосровадухт (Год *В.Р.И.* — 872 «Айрарат», 439).

У главных ворот Ани стоит горельеф льва в раме и сложенный из камней крест на верхушке этой рамы. Работа эта — времени Смбага II. (10 век), быть может, намного и ранее. Царь зверей скульптором высечен в особом динамичном движении, свойственном его роду.

Должно быть, более древнее происхождение имеет небольшой горельеф льва размером 45 × 65 сантиметров, обнаруженный во время раскопки цитадели в 1907 г.

Скульптурная группа всадников в Анийской цитадели, на фасаде северной двери дворцовой церкви является, несомненно, работой раннего периода царей Багратуни. Во время раскопок Марра найден лишь небольшой кусок этого изваяния, между тем полвека тому назад Алишан в своем «Ширак»-е, (стр. 57) поместил весь снимок этого изваяния, однако, к сожалению, не с фотоснимка, а с посланной ему небрежной зарисовки. То обстоятельство, что на кончиках копей всадников имеются кресты, а у экземпляра Алиша-

на это отсутствует, могло породить сомнение об армянском происхождении изваяния.

Работой 10-го века считаются за время царя Абаса I высеченные в Карсе вокруг купола церкви Апостолов между окнами скульптурные образы 12 апостолов. Мы обязаны акад. Марру за обнаруженное во время своих раскопок в Ани 1908 г. рельефные скульптуры животных перед городской гостиницей. На дверях одного из главных зал имеются также крылатые сфинксы с зубчатыми коронами, на других дверях два ягуара и два дракона.

В армянском ваятельном искусстве 10-го века особое место как по качеству, так и по количеству занимают скульптуры Ахтамарского монастыря (915—921 гг.)

Строителем этого величественного сооружения Васпураканского царя Гагика Арируни был известный архитектор Мануел. Но кто же был скульптурным мастером — неизвестно, как и неизвестен автор богатых росписей внутри монастыря.

Мастер скульптуры тут выявил свой талант. Разукрасил внешние стены здания орнаментами, и в особенности портретами: апостолы, святые и ангелы, Адам и Ева, многочисленные разнообразные животные, — начиная от верблюда до зайца, также птицы, сирены, драконы и т. д. Скульптор, несомненно, согласно данному ему задания, изваял также изображение Гагика в двух местах: одно во всем своем праздничном облачении, с моделью церкви в руках, а другое — сидящим под кустом винограда, с поджавшими ногами, в кругу веселящихся танцовщиц. Красиво изваяны также князья Амазасп и Саак Арируни.

Ахтамарские скульптурные фигуры людей по своей технике не похожи на какую-либо из упомянутых нами скульптур; они не выдаются на три четверти от уровня стен, как Анийские или Ахпатские монументы, а чуть выделяются от стены и почти с плоскими лицами, и то в большинстве стилизованы (напр., скульптура памятника Гагика).

Властолюбивому примеру Васпураканского царя Гагика следуют также и другие цари Армении: Смбат и Корики на фасаде Ахпатского монастыря (967 г.) воздвигают свои тяжелые, конструктивные монументы, с моделью церкви на руках. Те же цари на этот раз в другом облачении, также вместе и также держа вдвоем модель церкви, стоят на фасаде Саннинского монастыря.

Когда сравниваем эти два скульптурные изображения тех же

людей, замечаем, что в первом скульптор конструктивнее изобразил свои фигуры, похожие на древне-египетские и ассирийские монументы. Присмотритесь к бородам, оставленным в своем первоначальном контуре, и к стилизации волос головы.

Второе изваяние более обработано, лица тут имеют, по крайней мере, какое-нибудь выражение (хотя глаза и закрыты), костюмы более детализированы. Крупным недостатком тут являются руки, которые непропорционально коротки от плеч до локтей. В первой картине как будто зима, во второй — весна.

Особый интерес вызвал большой монумент царя Гагика Багратуни, раскопанный в Ани 1906 г. усилиями акад. Марра. Гагик воздвигнул в своей столице большой храм типа Звартноц в начале 11-го века (1001—1015 гг.) и на фасаде этого храма, по обыкновению, дал изваять свой монумент, с моделью здания в руках. Статую эту, находящуюся до начала всемирной войны в музее Ани, можно было видеть во весь рост, высотой 1,20 метра, с вытянутыми руками (поза держания модели), разукрашенную пурпурным царским плащом, на голове белая чалма, с красным кушаком и с крестом на груди. Когда статуя непосредственно была перед нашими глазами, оставляла впечатление работы, как бы лишенной мастерства своим подавляющим каменным комплексом, но когда принимаем во внимание то важное обстоятельство, что скульптор, оставив в стороне разработку деталей, стремился дать массивную силуэтную работу для показа с огромной высоты здания, то становится понятной ее «недоработанность». Во всяком случае, Гагик своей царской ослихой, пропорциональностью своих частей является ценнейшей работой с точки зрения искусства.

В музее Ани были также найдены недалеко от главного собора осколки одной статуи, как и незнакомая голова одного барельефного памятника.

Подобных монументов царей «строителей» на фасадах зданий с моделями церквей на руках имеется множество на сооружениях средневековья и др. времен. Например, в монастыре Арыджа (Ширак, 11-ый век), в Гандзасаре—Хачен (13-ый век) и в др. местностях.

Попечительство Арыджинского монастыря, реставрируя здание во второй половине прошлого века, велит вытесать модель, находящуюся на руках строителей Закаре и Иване (модель была повреждена) и на том же месте помещает обыкновенную икону святого.

На зданиях нашего средневековья имеется много красивых каменных миниатюр, барельефов.

СКУЛЬПТУРА ДЕКОРАТИВНОГО УКРАШЕНИЯ

Теперь мы специально рассмотрим орнаменты, цель которых была украшать монументальные здания. Надо сказать, что эта отрасль ваияния по замыслу и технике дошла намного до более высокого развития и, главное, сравнительно осталась более самостоятельной и более местной. Часто мы в орнаментации видим те же мотивы, какие имеются в местной миниатюре данного века.

Орнаментами обычно украшались с внешней стороны карнизы, фризь, своды и арки, рамки и фасады дверей и окон, пьедесталы и капители колонн как внешних, так и внутренних, в том числе и потолки.

Чувство меры. Это — чрезвычайно важное обстоятельство, которое не выпало из поля зрения наших мастеров по камню: украшать умеренно, сдержанно, уместно, со вкусом, соответственно комплексу здания и стройматериалу.

Какие главные мотивы служили для орнаментов?

Растительный орнамент: листья, гроздь винограда и гранат, переплетенные вместе, увитые, лентообразные гирлянды, розетки, пальметы.

Геометрические орнаменты: различные узоры из геометрических форм, соединенные в одно и мастерски увязанные друг с другом.

Животные орнаменты: вереница животных (как лентообразный орнамент) — сирены, змеи, и т. д. Животные — лев, медведь, серна; птицы — орел, павлин, голубь, перепел и т. д., отдельно или попарно, друг против друга. Любимым мотивом в архитектурном ваиянии был — орел, держащий в когтях серпу. Скульптурные мастера свои мотивы передавали в подлинном, реальном виде, иногда же стилизировали ее.

Помимо лентообразных орнаментов, если требовалось разукрасить какое-либо пустое пространство, тут наши мастера старались показать свою изобретательность: составляли из разных узоров один большой, или той же величины узоры расставляли рядом в виде круга или четырехугольника, но с таким расчетом, чтобы рисунки этих узоров не были-бы похожи друг на друга.

Далеко заведут нас примеры, если привести их со всех орнаментов, показывая также, какие орнаменты существовали в нашей архитектуре в разных веках. Мы здесь ограничимся лишь приведением нескольких характерных примеров, иллюстрирующих виды перечисленных нами орнаментов, указав место каждого.

Большие капители Звартноца, окна главной церкви в Ани, дверь дворца Саркиса (в Ани), наружная стена паперти церкви Аракелос (Ани), фасад часовни в Егварде, павлины Аниинской цитадели, колонны в Ахпате и Санаине, орнаменты Ахтамарского храма, сирены Багарана (Эчмиадзинский музей).

НАДГРОБНАЯ СКУЛЬПТУРА.

Говоря о скульптуре, нельзя не выделить специальный отдел надгробной скульптуре. Особенно в истории нашей материальной культуры эта отрасль ваятельного искусства во втором своем периоде имеет самостоятельный облик.

Несомненно, на могилах раннего периода христианства с языческих времен остались обелиски, имеющие форму высокой призмы, а также вертикально поставленные монументы с изображением. Возникновение первых в истории народов весьма старо, подобные обелиски известны по дошедшим до нас материальным памятникам из Ассирии и Египта. Из эпохи армянского язычества нам известны несколько таких скульптурных памятников. А из времен раннего христианства известны нам памятники в Лори (Узунлар), у храма 6-го века. Другой памятник обнаружен недалеко от сел. Учан (Алагец) и доставлен в Эчмиадзинский музей. Как первый, так и другой представляют большую археологическую ценность, в особенности имеющимися с четырех сторон скульптурными изображениями.

Имеющие скульптурные фигуры древнейшие надгробные памятники найдены в Аграке (анийский музей) и в настоящее время находятся в Аридже и Талине. До высшей степени интересна скульптурная фигура Талина: Христос с евангелием в руке, внизу просящая прощения личность (покойник) — вельможа (князь) в подрыснике со слепой в руке и со свиной головой в знак того, что он недостойн быть человеком. Этот, ранее — христианский материаль-

но фактический пример принятия свиного облика не проливает ли свет на легенду «принятия свиного облика царем Трдатом?».

В средних веках преобразуется эта «языческая» надгробная скульптура, появляются памятники животных — лошади, барана, медведя, что нам кажется наносным обычаем, а затем и армянские крестные памятники (крестные камни — хачкары).

Могильные плиты попадаются горизонтального положения и на поверхности их цельные скульптурные изображения людей, иногда голыми, как, например, на могиле Тарсанч Орбеяна в Амагу. Попадают изображения быта со скульптурами, как, например, в Гиде-ванке «могила господина Авака». В селениях Больш. Мазра и Павакянд имеются могильные плиты с музыкантами и моментами пиршества.

Какой вид имеют вообще крестные памятники? Плоский, призмобразный камень высотой от полутора до трех метров, иногда и больше, отесанный туф или кварц, поставленный вертикально, имеющий, по обыкновению, под собой архитектурный постамент. На одной стороне этого камня, на главном фасаде, бывает изваян большой крест, края (рама) фасада также изваяны, крест специально бывает армянский, т. е. два крыла короче, чем нижняя и верхняя части, лицевая сторона с карнизом, на другой стороне запись об умершем и дата.

Древнейшие крестные камни принадлежат, как нам известно, 8-му, 9-му векам, вначале простые, безыскусственные, а затем в 10-12 веках наряду с архитектурой процветает также искусство хачкаров, доходя до такой изумительной роскоши изваяний, что могли тронуть зависть мастеров миниатюр.

В Восточной Армении выдающиеся крестные камни и могильные плиты древней и средней эпохи имеются в Ороме, Егварде, Норадуже, Сананне, Цахацкаре, Амагуе, в монастыре Мхитара Гоша, Б. Мазре и др. местностях.

Если мы, рассматривая работы средневековых мастеров миниатюры, порожаемся ловким изображением рисунков и картин на пергаменте или бумаге и тому терпению, которое они имели, выполняя свой труд, то тут не можем не изумляться, видя такого же рода сложные орнаментации, розеты и гирлянды, изваянные на камне. Часто они так нежны, так тонки, что как будто работа не по камню, а ювелирная или плетенная. Попадают крестные камни, на которых искусство скульптурных украшений доведено до виртуоз-

пости, выгравированы две, а иногда три полосы, с независимыми одна от другой украшениями, каждая с отдельной композицией.

Профессиональные ваятели крестовых памятников назывались рисовальщиками, каменоловцами, каменотесами и более—составителями. Не всегда, но порой наши скульптурные мастера или составители на крестовых камнях, в какомнибудь углу выгравировывали свое имя. Из таких известны Ованес Кукечи, Погос, Шноравор Ахпар, Израел, Вартан, Мхитар, Егише и др.

Из средневековой Армении до наших дней дошли также красочные образцы ваяния на дереве, из коих особенного внимания заслуживают двери Анийской главной церкви (ныне в Феодосии), дверь церкви Аракелоц (апостолов) город Муша, двери и капители колонн Севанской церкви, также вывезенные из Ани аналог.

МУЗЫКА.

В отмеченную нами эпоху армянскую музыку надо разделить на духовно-церковную и светскую.

Правилами духовно-церковной вокальной музыки, церковной службы и вопросом псалмопений занимались Саак Партев и Месроп Маштоц еще в 5-ом веке. Затем в 7-ом веке в 645 году на состоявшемся в Двине собрании, под председательством Нерсеса Таеци дело урегулирования армянских духовных мотивов поручается монаху — музыканту Барсегу. В том же веке католикос Комитас — поэт и музыкант, пишет и перекладывает на музыку шаракан — духовный гимн, посвященный Рипсимии. В 8-ом веке теоретическими вопросами армянской церковной музыки занимаются Ован Ерзикаци и Степанос Сюнеци. О последнем с восторгом отзываются Киракос Гандзакци и Степанос Орбелян. Уроками музыки занималась сестра Сюнеци Саакадухт и сочиняла также мелодии и приложения. В 9-ом, 11-ом веках при монастырях открываются музыкальные школы, где сочиняются музыкальные пособия, называемые «мелкое учение». Известным был музыкант Даниэль, с которым переписывался Григор Магистрос. В 12-ом веке известен Нерсес Шнорали, который пишет и перекладывает на музыку Шаракан «Норараш» (Новое чудо), посвященное Вартану, и Хачатур Таронци, настоятель Агардзинского монастыря, который привозит

из Византии греческие неумы и якобы по их системе регулирует существовавшие до него неумы армянской музыки.

СВЕТСКАЯ МУЗЫКА:

Духовный класс — «ученые и образованные» монахи, иноки, уединенные в монастырях, если вне церковного мира весьма мало интересовались общественно-народной жизнью, считали творчество армянского поселянина вульгарным, деревенским, то кто же должен был, так сказать, переложить на музыку песни и мотивы армянских гусанов (гусяров), армянские народные мелодии и мотивы трудовых и других танцев? Последние вместе со своими авторами ушли безвозвратно, и никто из нас ничего об этом сказать не может. Этим вопросом должны заняться наши специалисты-музыковеды, ища среди дошедших до наших дней народных песен древнейшие мотивы, фрагменты.

ОБОБЩЕНИЯ.

Теперь разрешите в конце нашего слова обобщить приведенные в докладе положения следующими выводами:

- а) «Культура арабов» и «Арабская культура» — разные понятия.
- б) Армения за многовековую совместную жизнь с Аравией не имела явно культурной смычки, каковую имела, например, с Сирией, Византией, Персией. Даже в армянском изящном искусстве сельджукское влияние больше заметно, чем арабское.
- в) Арабское наместничество, веками притесняя население Армении, выжимала ее материальное богатство, получая 11 видов поборов и налогов, но не производила никакой работы по дорожному строительству или водоснабжению, никакого здания не строила.
- г) Обнаруженные при раскопках Двина и Ани арабские буквы или надписи на глиняной посуде нельзя считать бесспорно арабской работой, а большинство из них работа армянских мастеров, со специально арабскими надписями для продажи, так называемому, высшему сословию и для вывоза, но те же мастера для «простого народа» на изготовленной ими же дешевой посуде писали на армянском языке.

д) Не надо смешивать с арабами известных по строительным и иным работам армян с арабскими именами, как-то: Самадин, Абугамр, Гасан, Аббас, Абдль Абас, Фахрадин и др.

е) В армянской культурной жизни арабское влияние заметно лишь в области языка, стихосложения ашугской песни и музыки и то не непосредственно, а через Персию и Турцию.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОТ РЕДАКЦИИ	5
2. «ДАВИД САСУНСКИЙ» как история и философия армянского народа — Писатель орденоносец Д. ДЕМИРЧЯН. Перев. М. А. Геворкян	7
3. Патриотизм, демократизм и идея труда в эпосе «ДАВИД САСУНСКИЙ» — ОВИК МЕЛИКЯН. Перев. А. А. Пановян	25
4. Библиография об армянском народном эпосе — «ДАВИД САСУНСКИЙ» — Профессор доктор МАНУК АБЕГЯН. Перев. М. А. Геворкян	55
5. Эпоха «ДАВИДА САСУНСКОГО» (исторический обзор) — А. АРУТЮНЯН. Перев. А. А. Пановян	97
6. Водный Агней армянского эпоса — К. В. ТРЕВЕР	133
7. Дигенис Акрит византийского эпоса и ДАВИД САСУНСКИЙ А. В. БАНК	141
8. Армянская культура в период создания эпоса «ДАВИД САСУНСКИЙ» (VIII—XII века) — Заслуженный деятель искусств ГАРЕГИН ЛЕВОНЯН. Перев. А. Паламджян	149

Тех. редактор В. Манукян
Корректор А. Додуховян
Контрольный корректор Г. Турабов

Учол. Главлита № Н. 2896, заявка № 176. Изд. № 47. Тираж 3400
Сдано в произв. 1/IX 1939 г. Подписано к печати 9 X—39 г.

11 печ. лист. В печ. л. 49,680 печ. ян. (10 ян. лист.).

формат 72 × 105¹/₂ мм, 3/4 л. бум. Цена—12 р. на лучш. бум.—15 р.

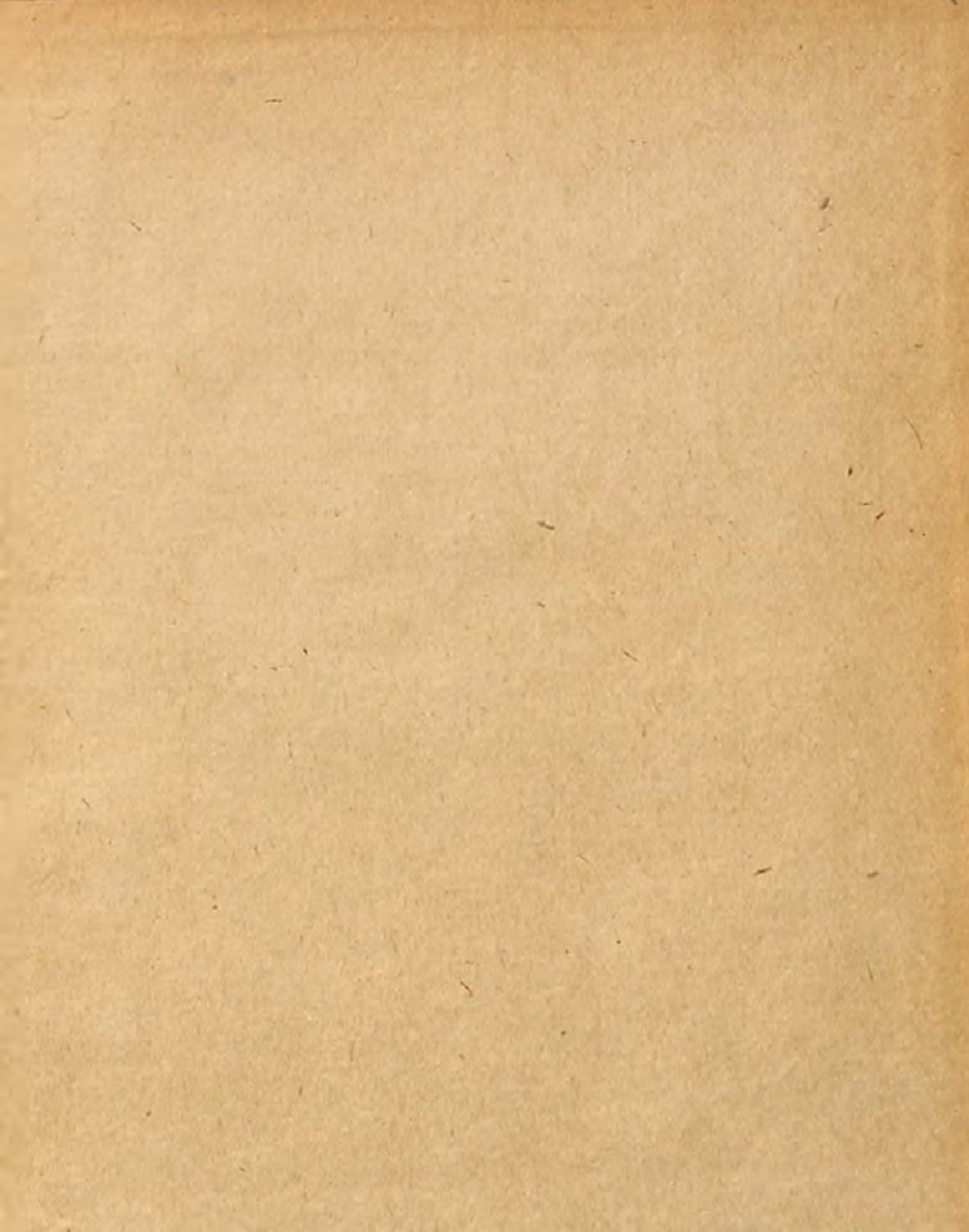
Типография гос. издательства полит. литературы.
Ереван Ул. Алавердин № 65

Пров. 1940 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка		Напечатано	Следует читать
	Свер- ху	Снизу		
14	17/18		торгашом	бедняком
15	3		пышности	сушности
23	6		и узорчатых	узорчатых
58	10		уложить	изложить
50		10	идет	ждет
61	20		в перевод	перевод
62	13		Святого-богатыря	Святогора-богатыря
62		16	Иудей	Иудей
64	13		представления	представителя
65		10	также,	также
66	21		целен	ценен
68		9	которые	которых
70	9		(т. е. халдскими)	т. е. халдскими
71	11/12		геронки с эпической	с героико-эпической
74	5		на армянском	на апаранском
76	28		(сказки)	(сказки)
79		15	о Овиане	об Овиане
80	4		расследом	сказаний
82	1		Еман	Иемен
82	9		тайком	Тайком
82	14		сидя	Езида
82	14		так	так же
82		6	1901	1910
83	18		двадцать, двадцать два	двадцать два
83		13	передан	переиздан
87		7	изковы	каковыми
91	18/19		и, сравнивая этот (?) сказ с Хандут, считает его песнью древним и находит, что он....	и, сравнивая, считает ее песнью древним пари- антом сказа о Хандут и находит, что она очень похожа
92	7		з в новом	и в новом,
94		8	нападает	нападает

APR 23 1940

11051

11051

1

ԳՍԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0532083

PD ¹¹
25236